

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ

№5(131)

МОСКВА 2020

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2020. № 5. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
член-корр. НАУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н.,
проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.э.н., проф. М.В. Кулаков;
д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); академик РАН В.Л. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешенок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2020

Содержание

Лженаучная пандемия (<i>Главный редактор</i>).....	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Н.Д. Асташова, Т.В. Бобкова</i>	
Символический универсум цифровой экономики	11
<i>В.В. Рышкус</i>	
Размышление о судьбе мира	26
<i>В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева</i>	
К философии производительности труда	40
<i>А.В. Марков</i>	
Философия русского православного хозяйства в «Стихе о стихах духовных» С.С. Аверинцева	51
<i>В.К. Королев, О.В. Евграфова</i>	
Экономическая культура в (курсе) философии хозяйства Ю.М. Осипова	64
<i>Е.В. Зайцева, П.С. Толкачев</i>	
Вектор развития российской цивилизации.....	77
<i>У.Ж. Алиев</i>	
Почему именно конфуцианство является государственной идеологией Китая?	93
Раздел II. Экономическая теория	
<i>В.М. Кульков</i>	
Жив Курилка, или Новые импульсы национальной экономики.....	111
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Цифровизация как логика глобальных корпораций	124
<i>К.В. Молчанов</i>	
О различии диалектического и научного понимания противоречия производительных сил и производственных отношений, актуального для осмысления качественного преобразования недостаточно развитой экономики	139
Раздел III. Актуальная философия	
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Знание как сила, сверхсила и бессилие (к 400-летию создания Ф. Бэконом «Нового Органона»).....	157

<i>А.И. Булгаров</i>	
Мышление, свободное от техники	172
<i>Д.Л. Родзинский</i>	
Мыслительная игра о природе мудрости	187
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Истина и заблуждение (тезисы)	203
Раздел IV. Актуальная история	
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Миропорядок Второй мировой: опыт СССР для современной России	223
<i>О.В. Доброчеев</i>	
Физика как одна из форм философии XXI в., или В какое время мы живем?	242
Раздел V. Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
На перепутье	255
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Преодоление безличия массовой культуры: феномен эстрадной песни в парадигме органической философии (на примере творчества А.Б. Пугачевой)	262
Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i>	
Что за времена, что за мир, что за человек? (Орленковские чтения — 2020)	279
Анонсы	293
Наши авторы	295

Contents

Pseudoscientific Pandemic (Chief Editor)	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>N.D. Astashova, T.V. Bobkova</i>	
Symbolic Universe of the Digital Economy	11
<i>V.V. Ryshkus</i>	
Thinking about Destiny of the World	26
<i>VI. Korniyakov, N.A. Vakhrusheva</i>	
Towards a Philosophy of Labor Productivity	40
<i>A.V. Markov</i>	
Philosophy of Russian Orthodox Economy in S.S. Averintsev's «Poem on Spiritual Poems»	51
<i>V.K. Korolev, O.V. Evgraphova</i>	
Economic Culture in the (Course) Philosophy of Economy (by Yu.M. Osipov).....	64
<i>E.V. Zaytseva, P.S. Tolkachev</i>	
The Vector of Development of Russian Civilization	77
<i>U.Zh. Aliyev</i>	
Why is Confucianism Official State Ideology of China?.....	93
Part II. Economic Theory	
<i>V.M. Kulkov</i>	
Richard is Himself Again! New Impulses of the National Economy	111
<i>A.V. Kuznetsov</i>	
Digitalization as the Logic of Global Corporations	124
<i>K.V. Molchanov</i>	
On the Difference Between Dialectical and Scientific Understanding of the Contradiction of Productive Forces and Production Relations, Which is Relevant for Comprehension of the Qualitative Transformation of an Underdeveloped Economy	139
Part III. Actual Philosophy	
<i>V.A. Kutryov</i>	
Knowledge as Power, Superpower and Powerlessness (on the 400th Anniversary of the Creation of the New Organon by F. Bacon).....	157
<i>A.I. Bulgarov</i>	
Consciousness that does not Depend on Technology	172

<i>D.L. Rodzinsky</i>	
Thinking Game about the Nature of Wisdom	187
<i>A.Y. Gorbachyov</i>	
Truth and Delusion	203
Part IV. Actual History	
<i>S.G. Kovalev</i>	
World Order of the Second World War: the Experience of the USSR for Modern Russia	223
<i>O.V. Dobrocheev</i>	
Physics as a Form of Philosophy in the Twenty-First Century, or What Time Do We Live in?.....	242
Part V. Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
At a Crossroads	255
<i>T.I. Koptelova</i>	
The Overcoming the Indifference of Mass Culture: the Phenomenon of Variety Song in the Paradigm of Organic Philosophy (on the Example of the Creativity of Alla Pugacheva).....	262
Scientific Life	
<i>E.S. Zotova</i>	
What are the Times, What is the World, What Kind of a Human?	279
Anounce	293
Our Authors	295

Лженаучная пандемия

Нет, это не коронавирусная или ей подобная пандемия, а совершенно научная по мнимому происхождению и совершенно лженаучная по своей деятельной реальности пандемия: речь тут о совершенно научной лженауке, называемой, нередко и с придыханием, *наукометрией* вкуже с **современной де организацией науки!**

Не будем раскрывать бессознательное содержание сей веселой и одновременно скорбной «науки», как и сей новой менеджериальной технологии, с их надуманными параметрами, требованиями, показателями, рейтингами, проскрипционными списками и безапелляционными заклинаниями. Всё и всем и так понятно, кроме, разумеется, высшего правления, всё это немислимое с упоением, достойным лучшего применения, внедрившего в околонуучную, однако уверенно вредящую собственно науке, нежизнь.

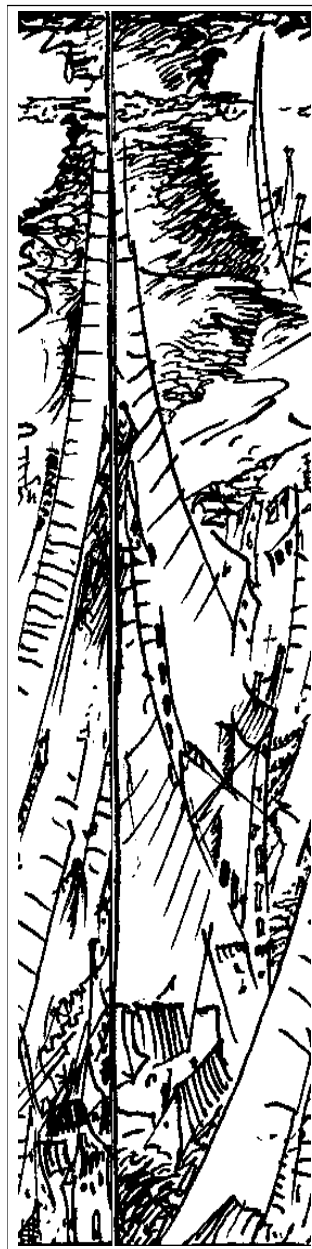
Торжество обыскуственного цифрошифрошизоманией разума!

Самое поразительное, что всё это уже не только хорошо понято и вполне разоблачено, включая и близкую к криминальной бизнес-составляющую сего потрясающего феномена, но и достаточно уже ясно и громко обозначено, но правительство, будто бы обновленное в январе 2020 г., ничего не слышит, не видит и ничего вразумительного об этом не говорит, хотя для того, чтобы *это* понять и затем остановить невиданный наукометрический произвол, не только убивающий науку как таковую, но и буквально отстреливающий ее адептов — ученых, преподавателей, специалистов, каждый из которых тянет если и не на вес золота, то уж на вес идеальной жемчужины точно, — так вот, чтобы понять и затем остановить сие, мягко выражаясь, странное действие,

надо всего лишь поставить *себя* на место любого из этих самоценных и самовыживающих адептов, а лучше бы сказать — субъектов, интеллектуальной сферы нации, в особенности, гуманитарной, без каковой ведь нет ни нации, ни экзистенциальной перспективы, ни полноценной жизни вообще!

Скоро уж год новому де правлению — и что же? А ничего!

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Н.Д. АСТАШОВА, Т.В. БОБКОВА

Символический универсум цифровой экономики*

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровой экономики в качестве составляющей символической парадигмы цифровой реальности. Делаются выводы о том, что, с одной стороны, цифровая экономика, образуя собственный символический универсум, подразумевает новую форму социальности, основанную на принципах, идущих вразрез с традиционными представлениями об экономических отношениях. Процесс производства и производительные силы начинают функционировать в качестве кода программирования и как результат бинарных символических оппозиций, исключая материальные носители, поскольку определяющим становится циркуляция знаков и символов внутри цифровой реальности. С другой стороны, цифровая экономика немыслима вне многовекового философского понимания реальности в качестве символически-знаковой парадигмы «цифры». Понимание цифровой экономики в качестве специфического символического универсума оказывается важным условием осмысления будущего развития общества и человека.

Ключевые слова: цифровая экономика, символическая экономика, цифровая реальность, символический универсум, символический капитал, символическое благо.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the digital economy as a component of the symboliparadigm of digital reality. It is concluded that on the one hand, the digital economy, forming its own symbolic universe, implies a new form of sociality based on principles

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Асташова Н.Д., Бобкова Т.В. Символический универсум цифровой экономики // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 11—26.

that run counter to traditional ideas about economic relations. The production process and productive forces begin to function as programming code and as the result of binary symbolic oppositions that exclude material carriers, since the circulation of signs and symbols within digital reality becomes decisive. On the other hand, the digital economy is not conceivable outside of the centuries-old philosophical understanding of reality as a symbolic and symbolic paradigm of «numbers». Understanding the digital economy as a specific symbolic universe is an important condition for understanding the future development of society and man.

Keywords: digital economy, symbolic economy, digital reality, symbolic universe, symbolic capital, symbolic good.

УДК 101.1:316
ББК 87

Последнее время большое внимание уделяется научному осмыслению *феномена цифровой экономики*. Это связано с выделением приоритетности развития данного направления целым рядом стран, включая Японию, Германию, США. В России Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обозначил цифровые технологии в экономике в качестве основного вектора развития. Предполагается имплементация в экономику так называемых сквозных технологий: интернета вещей, искусственного интеллекта, беспроводной связи, робототехники, — в результате которой в виртуальную среду переносятся сегменты трудовых отношений, социального обслуживания, банковской деятельности и др.

Несмотря на правительственные вложения в развитие цифровой экономики, до сих пор не сложилось ее устойчивого обозначения в научной и повседневной практике. Наиболее часто де-

лается акцент на применении новых видов технологий во взаимодействиях экономических агентов, в котором определение цифровой экономики подменяется описанием процессов, попадающих под ее влияние. В сборнике «Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение», выпущенном Высшей школой экономики [23], приводятся подобные примеры: «экономика, основанная на цифровых технологиях, однако мы в большей степени понимаем под этим осуществление деловых операций на рынках, основанных на сети Интернет и Всемирной паутине» [27]; «сложная структура, состоящая из нескольких слоев, связанных между собой практически бесконечным и постоянно растущим количеством узлов» [24]; «экономика, способная предоставить высококачественную ИКТ-инфраструктуру и мобилизовать возможности ИКТ на благо потребителей, бизнеса и государства» [26]; «форма экономической активности, которая возникает благодаря миллиарду примеров сетевого взаимодействия людей, предприятий, устройств, данных и процессов» [28]; «экономика, зависящая от цифровых технологий» [25]. Из обзора данной проблемы складывается впечатление о недостаточно ясном, а иногда и вовсе туманном, понимании того, чем является цифровая экономика. Таким образом, обращение к онтологическим основам понятия цифровой экономики возможно прояснить суть данного явления.

Символический статус цифровой реальности

Очевидно, что происхождение цифровой экономики неразрывно связано с цифровой реальностью / цифровым миром. Нельзя не отметить, что определение понятия *цифровая реальность* в научном дискурсе представлено смешением целого ряда понятий, описывающих новую информационно-коммуникативную среду, основанную на электронно-цифровых технологиях: виртуальная реальность, инфосфера, киберпространство, информационное пространство и т. п. В связи с этим, А. Замков абсолютно оправданно делает выводы о том, что «понятие цифровой

реальности скорее носит статус рабочей метафоры, чем строго научного термина» [8].

Возникшая метафоричность цифрового мира породила мистификацию и гиперболизацию значения новых технологических форматов взаимодействия в отрыве от многовекового философского понимания реальности в качестве символически-знаковой. Логично напомнить слова М. Кастельса о том, что «реальность, так, как она переживается, всегда была виртуальной — она переживалась через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимся от их строгого семантического определения» [11]. В этом аспекте необходимо понимать, что идея цифровой реальности прошла двухтысячелетнее развитие от исчисляемого универсума в античной философии к бытию оцифрованного мира XXI в. Соответственно цифровая реальность формировалась веками в качестве семантического пространства *цифры*, а не как результат развития новых технологий.

Наиболее значимым для понимания генезиса цифрового мира представляется пифагорейская система диалектического понимания мира через цифровые структуры. «Число в античной философии и античной эстетике — это и есть принцип единораздельной целостности» [14, 218], однако для пифагорейцев оно является счетным понятием, предполагающим рациональное разграничение понятий причины и следствия. Говоря «вещи суть числа», пифагорейцы отмечали свойство числа выражать принцип гармонии. В их учении через обозначение цифрой появляется возможность различать и соизмерять мир — конструировать реальность, превращая хаос в структуру. Цифра как выражение числа приобретает онтологическое значение как способ, установив причинно-следственные связи, вычислить бесконечность мира.

Вслед за П. Мирандола [18], обратившегося к пифагорейскому учению о числе, Г. Лейбниц констатирует: «...нет ничего такого, что не допускало бы выражения через число. Следовательно, число есть как бы метафизическая фигура, а арифметика

является своего рода статикой универсума, посредством которой исследуются потенции вещей. Уже начиная с Пифагора, люди убеждались, что в числах скрыта великая тайна» [12, 412]. По всей видимости, Лейбниц увидел в бинарной логике «изображение непрерывного творения вещей из ничего» [13, 219], таким образом открыв двоичное исчисление, ставшее впоследствии основой для цифровых технологий. Бинарный код появившийся в античной философии в качестве дихотомии «бесконечного и предела», пройдя осмысление в последующие эпохи в качестве числового алгоритма творения, обернулся в современной парадигме способом конструирования цифровой реальности. Нельзя не согласиться с А.В. Подопригора в том, что «путь от пифагорейской максимы “все есть число” до мема одного из “отцов” квантовой механики Д. Уилера “бытие из бита”, от пифагорейского открытия числовой природы музыки до квантовой теории струн короче, чем кажется: это единая мировоззренческая парадигма» [19, 9].

Современность формирует уникальные параметры бытия символа, при которых образ-символ в оцифрованном мире начинает жить самостоятельной жизнью вне контекстов пространственно-временной и культурной определенности. Так возникает феномен симулякров, которые представляют «псевдовещь, замещающую реальность постреальностью посредством симуляции» [16, 60], информацию, создающую объекты, лишённые какого-либо основания в материальной реальности, копии несуществующих объектов. Символ приобретает свойства «объекта воображения», изолированного от материальной среды, в котором фантазия находит свое воплощение вне связи с вещами и культурными идеями. Феномен симулякра как результат отчуждения символических структур от их предметной обозначающей приводит к тому, что в сознании человека физический мир перестает соотноситься с символическим.

С развитием технологий цифровой реальности цифра из знака числа — условного обозначения способа технической передачи информации, ее математической и логической обработки —

превращается в символ — идею семантического универсума цифровой реальности. Принимая «символические формы» (по Кассиреру) [10], цифровое выражение реальности раскрывает перспективу мысли о предмете, в противопоставлении ограниченности знакового отображения, не способного представить сущностную конструкцию вещи. Цифровой формат создает практическую возможность перевода знаково-символических форм вещной реальности на язык алгоритмов машин. Символические интерпретации внутри и вне цифровой реальности сливаются в единый технологически обусловленный оцифрованный мир, который не просто тесно переплетается с вещной реальностью, а претендует быть не менее значимым, чем обычная, реальная реальность [17]. Многозначность смыслов современной культуры, существующей в переплетении реальностей, раскрывается при помощи символического понимания цифровых значений, описывающих данную действительность. Именно цифра становится символом упорядоченности информационных процессов, хаотичных потоков данных согласно математической логике числа. Таким образом, понимание цифровой реальности в качестве символического универсума оказывается важным условием, направленным на смысловое развитие будущего.

Благодаря расширению символического статуса цифровой реальности появляется ее особая привлекательность в качестве сферы социальных коммуникаций. Интернет предстает идеальной коммуникационной площадкой, выступая своеобразной символической линзой реальности для пользователей. Если, по М. Маклюэну, через современные технологии «мы продолжили саму нашу нервную систему» [15, 412] на весь земной шар, то ее элементами являются информационные символы.

Особенный статус символа в цифровой реальности создает условия для раскрытия понятия цифровой экономики через символические обозначающие.

Символическая экономика

С глубокой древности символ был связан с понятием о вещи, т. е. подразумевал наличие обозначаемого. Ж. Бодрийяр обращает внимание на принципиально новую форму существования символа и вещи в XX в., связанную с изменением символических аспектов производства и потребления: теперь потребление не ограничивается функциональной потребностью, как было в прошлом, а человек начинает потреблять функционирующие отдельно от предметного обозначения образы [5]. В результате такого процесса грань между символическим и предметным настолько нивелируется, что невозможно понять, что реально [3, 215]. Знаки образуют универсальный код, который и служит основой взаимодействий в обществе: человека характеризует символическое обладание вещью, несущей в себе закодированное послание. Реклама поддерживает символическую, нематериальную ценность вещи, обещая реализацию любых желаний покупателю. С.Г. Кара-Мурза [9, 103] объясняет роль воображения, дополняющего недостающие образы, желанием обладать объектом. Индивид оказывается вовлеченным в стихийное символическое потребление, лишенное смысла и формы: «...форма, которая не отдает преимущества ни политической экономии, ни либидинальной экономике и которая уже здесь и теперь очерчивает контуры чего-то запредельного ценности, закону, вытеснению, бессознательному» [2, 44].

В работе «Символический обмен и смерть» Бодрийяр вводит понятие «символическая экономика», которая характеризуется победой симулякров над реальным миром: «любая реальность поглощается гиперреальностью кода и симуляции» [2, 45]. Циркуляция ничего не обозначающих знаков и символов составляет суть современной экономики, не нуждающейся больше в материальных носителях. В такой форме «капитал больше не принадлежит к порядку политической экономии — он играет политической экономией как симулятивной моделью» [2, 46].

Встает вопрос: что лежит в основе столь радикальных изменений не просто в экономике, а в социуме в целом? По мнению Э. Тоффлера [22], связывавшего политическую, культурную и социальную детерминацию с развитием техники, именно компьютер создает новую систему управления, производства и потребления общества. В этом контексте симулятивный, символический характер производства и потребления, описанный Бодрийяром, переходит на новый уровень с очередным витком развития компьютерных технологий и появления экономики в статусе «цифровой».

Мы наблюдаем процесс, когда предметная реальность заменяется цифровой реальностью. С.В. Тихонова отмечает, что «ситуация, при которой повседневное пространство заполняется интернет-вещами и “привязывается” к сетевой перцепции, позволяет говорить о “колонизации повседневной жизни обработкой информации”, предполагающей встроенность цифровых устройств с последующей трансляцией получаемых данных в социальную среду» [21, 289]. Именно на стыке цифровых процессов и индивидуального образуется символическое потребление в цифровой экономике, когда приоритетным становится потребление информации, а не вещей. Теперь товар — это информация, символическое выражение вещи, материальный аспект которой в большинстве случаев становится малозначительным.

В поле взаимодействий современной цифровой экономики оказываются ресурсы, которым невозможно дать четкое определение в качестве «экономических» (например, психические и ментальные затраты человека, вовлеченного в информационный обмен), в противоречии традиционной экономической модели, занимающейся рациональным распределением ресурсов в соответствии с определенными целями. Именно интернет становится средой, в которой в полной мере разворачивается символический обмен информацией, апеллирующей в первую очередь к психике человека. З. Бауман указывает на то, что в современных реальностях

вещь становится предметом не только желания, но еще и ощущения: «Потребители сегодня в первую очередь коллекционеры ощущений. Желание не желает удовлетворения, напротив, желание желает желания» [1, 120].

Формируется так называемая *цифровая культура*, к которой могут быть отнесены «сегменты, которые возможно кодировать в цифровой форме и транслировать в удаленные точки» [7, 21]. Цифровая культура начинает рассматриваться в качестве объекта экономики, однако критерии вычисления ее экономических параметров остаются туманными в силу невозможности точно определить качество и соответственно стоимость когнитивных ресурсов человека, задействованных в ней. Несомненно, в цифровой экономике и цифровой культуре участвуют деньги, но деньги не способны учитывать психологическую, эмоциональную составляющую обмена информацией. Соответственно некалькулируемость такого важного ресурса, как информация, приводит к пониманию цифровой экономики в качестве «символической» [4, 111—112].

При рассмотрении символической экономики Бодрийяр [2] акцентирует внимание на «символическом» как противоположном «структуре», исключаящем оппозицию реального и виртуального и определяющем новое социальное отношение, основанное на символической циркуляции знаков и не нуждающееся в материальных носителях. Несомненно, такая трактовка обосновывает спрос на понятия «символическое благо» [20] и «символический капитал» [6], наиболее ярко проявляющийся при работе с информационными системами цифровой экономики. Собственно, экономика давно имеет дело с плохо считываемыми ресурсами: в Германии еще с 1930-х гг. экономисты стали работать с категориями «условный уголь», «условный хлеб» и т. п. Особенность же современной ситуации в том, что мы имеем дело с существенно более сложными элементами экономической системы, восходящими к попыткам измерить ценность символа или символического действия. Именно символический капитал и символическое

благо стали отражением специфического спроса на обладание символами в эпоху цифровых технологий.

Превращение человека в производителя символических ценностей (информацию, искусство, тексты и т. п.) является основополагающим аспектом при определении символического капитала и подразумевает под собой весь диапазон свойств, влияющих на качество человеческих взаимодействий: талант, знания, компетенции и др. При невозможности оценить отдельные элементы в целом ценность символического капитала определяется положительным откликом людей. Благодаря общедоступности в интернет-сетях создается целая индустрия сбора оценок — лайки, смайлики, индексы количества ссылок превращаются в новый эквивалент денег в цифровой экономике, определяющих стоимость продукта. Здесь интересно то, что бинарная позиция, не только как знак программирования, но и как свойство цифровой экономики, проявляет себя при определении символической ценности: нравится / не нравится, цитируют / не цитируют и т. п. Складывается математически исчисляемая модель определения символической ценности, которая суммируется в символическом благо. Очевидно, что символический капитал и символическое благо формируют собственные лекала рынка, подразумевающие развертывание действий глобального масштаба через цифровые сети.

Символический характер современных социальных отношений формируется вокруг цифровых технологий. Присутствие в цифровой реальности становится обязательным условием для экономических взаимодействий, поэтому компании и просто частные лица стремятся все активнее располагать свои бизнес-активы на цифровых виртуальных площадках, тем самым вовлекаясь процессы цифровой экономики. Оцифровка семантической реальности привела к появлению универсального символического языка понимания, стирающего национальные, территориальные барьеры. В итоге достижения науки и культуры, бизнеса перестали быть достоянием узкого круга творцов, превратившись в общедо-

ступный ресурс. Массовая вовлеченность в символическое взаимодействие внутри цифровой экономики посредством технологий, открытость ресурсов для огромного количества пользователей без языковых, территориальных, классовых ограничений говорят о том, цифровая экономика образует свой собственный символический универсум, главными принципами которого становятся доступность и открытость символических экономических ресурсов.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что цифровая экономика, образуя собственный символический универсум, подразумевает новую форму социальности, основанную на принципах, идущих в разрез с традиционными представлениями об экономических отношениях. Процесс производства и производительные силы начинают функционировать в качестве кода программирования и как результат бинарных символических оппозиций, т. е. символический универсум, созданный цифровой экономикой, не нуждается больше в материальных носителях, поскольку его определяет циркуляция знаков и символов внутри цифровой реальности. Важно отметить, необходимость анализа цифровой экономики в качестве специфической среды — символического универсума, обусловленного развитием современных технологий.

Процессы цифровой экономики неразрывно связаны с виртуальной реальностью и не существуют вне ее. Цифровая экономика немислима вне многовекового философского понимания реальности в качестве символически-знаковой парадигмы цифры. В этом смысле развитие мысли от пифагорейского тезиса «все есть число» до современного мема «бытие из бита» представляет собой единую мировоззренческую конструкцию. С развитием цивилизации цифра из знака числа превращается идею символического универсума. Обусловленный современными технологиями подход к «символическому» заключается в формировании новых социальных отношений (в том числе экономических), исключающих оппозицию реального и виртуального и подразумевающих символическое взаимодействие, не нуждающееся в материальных

носителях. Многозначность смыслов современной культуры раскрывается при помощи символического понимания цифровых значений, описывающих экономическую действительность. Понимание цифровой экономики в качестве специфического символического универсума оказывается важным условием осмысления будущего развития общества и человека.

Литература

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004.
2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
3. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
4. *Бурдьё П.* Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992—1993). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
5. *Дахин А.В.* Парниковый эффект—2. Антропологический след рекламно-информационной мегамашины // Свободная мысль—XXI век. 2003. № 9. С. 70—81.
6. *Демидова М.В.* Социально-философские аспекты управления символическим капиталом // Инновации в науке. 2013. № 16. С. 15—25.
7. *Долгин А.Б.* Экономика символического обмена. М.: Инфра-М, 2006.
8. *Замков А.В.* Цифровая реальность как математическая метафора // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-realnost-kak-matematicheskaya-metafora> (дата обращения: 02.09.2020).
9. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.
10. *Кассирер Э.* Философия символических форм: Введение и постановка проблемы // Культурология. XX век. М., 1997.

11. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Гос. ун-т — Высш. шк. экономики, 2000.
12. *Лейбниц Г.В.* История идеи универсальной характеристики // Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 412—418.
13. *Лейбниц Г.В.* Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: Ин-т философии РАН, 2005.
14. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Кн. 1. М.: Искусство, 1988.
15. *Маклюэн М.* Понимание Медиа. М.: Кучково поле, 2017.
16. *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодерна. СПб.: Алетейя, 2000.
17. *Маслов В.М.* Свобода и виртуальная реальность // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 10. С. 7—17.
18. *Мирандолла П.* Речь о достоинстве человека // Хрестоматия по западной философии: Античность, Средние века, Возрождение: Хрестоматия / Авт.-сост. Л.И. Яковлева, Л.Е. Яковлева, Д.Н. Радул, М.М. Ковальзон. М.: Астель, 2003. С. 709—724.
19. *Подопригора А.В.* Число и цифра: пифагорейская традиция и метафизика цифровой реальности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 7—26.
20. *Сухарев А.Н.* Экономические основы функционирования символических благ // Финансы и кредит. 2015. № 3 (627). С. 56—63.
21. *Тихонова С.В., Фролова С.М.* Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 287—290.
22. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 1999.
23. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение [Текст]: Докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по

проблемам развития экономики и общества. М., 9—12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

24. Challenges for Competition Policy in a Digitalised Economy: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/> (дата обращения: 20. 05. 2020).

25. Expert Group on Taxation of the Digital Economy: [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/resources/documents/taxation/gen_info/good_governance_matters/digital/report_digital_economy.pdf (дата обращения: 17. 03. 2020).

26. Technology Isn't Working: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/news/special-report/21621237-digital-revolution-has-yet-fulfil-its-promise-higher-productivity-and-better> (дата обращения: 20.05.2020).

27. The Digital Economy: [Электронный ресурс]. URL: https://policy.bcs.org/position_statements/digital-economy (дата обращения: 20.05.2020).

28. What is Digital Economy?: [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/mt/en/pages/technology/articles/mt-what-is-digital-economy.html> (дата обращения: 20.05.2020).

References

1. *Bauman Z.* Globalizaciya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva. М.: Izd-vo «Ves' Mir», 2004.

2. *Bodriyyar ZH.* Simvolicheskij obmen i smert'. М.: Dobrosvet, 2000.

3. *Bodriyyar ZH.* Sistema veshchej. М.: Rudomino, 1999.

4. *Burd'e P.* Ekonomicheskaya antropologiya: kurs lekciy v Kollezhe de Frans (1992—1993). М.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2019.

5. *Dahin A.V.* Parnikovyj effekt—2. Antropologicheskij sled reklamno-informacionnoj megamashiny // *Svobodnaya mysl'*—XXI vek. 2003. № 9. S. 70—81.
6. *Demidova M.V.* Social'no-filosofskie aspekty upravleniya simvolicheskim kapitalom // *Innovacii v nauke*. 2013. № 16. S. 15—25.
7. *Dolgin A.B.* *Ekonomika simvolicheskogo obmena*. M.: Infra-M, 2006.
8. *Zamkov A.V.* Cifrovaya real'nost' kak matematicheskaya metafora // *Vestn. Volzhsk. un-ta im. V.N. Tatishcheva*. 2016. T. 2. № 4: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-realnost-kak-matematicheskaya-metafora> (data obrashcheniya: 02.09.2020).
9. *Kara-Murza S.G.* *Manipulyaciya soznaniem*. M.: Algoritm, 2000.
10. *Kassirer E.* *Filosofiya simvolicheskikh form: Vvedenie i postanovka problemy* // *Kul'turologiya*. HKH vek. M., 1997.
11. *Kastel's M.* *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. M.: Gos. un-t — Vyssh. shk. ekonomiki, 2000.
12. *Lejbnic G.V.* *Istoriya idei universal'noj harakteristiki* // *Lejbnic G.V. Soch.: V 4 t. T. 3*. M.: Mysl', 1984. S. 412—418.
13. *Lejbnic G.V.* *Pis'ma i esse o kitajskoj filosofii i dvoichnoj sisteme ischisleniya*. M.: In-t filosofii RAN, 2005.
14. *Losev A.F.* *Istoriya antichnoj estetiki. Poslednie veka*. Kn. 1. M.: Iskusstvo, 1988.
15. *Maklyuen M.* *Ponimanie Media*. M.: Kuchkovo pole, 2017.
16. *Man'kovskaya N.B.* *Estetika postmoderna*. SPb.: Aletejya, 2000.
17. *Maslov V.M.* Svoboda i virtual'naya real'nost' // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 10. S. 7—17.

18. *Mirandolla P.* Rech' o dostoinstve cheloveka // Hrestomatiya po zapadnoj filosofii: Antichnost', Srednie veka, Vozrozhdenie: Hrestomatiya / Avt.-sost. L.I. YAKovleva, L.E. YAKovleva, D.N. Radul, M.M. Koval'zon. M.: Astel', 2003. S. 709—724.

19. *Podoprigora A.V.* CHislo i cifra: pifagorejskaya tradiciya i metafizika cifrovoj real'nosti // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2018. T. 18. Vyp. 3. S. 7—26.

20. *Suharev A.N.* Ekonomicheskie osnovy funkcionirovaniya simvolicheskikh blag // Finansy i kredit. 2015. № 3 (627). S. 56—63.

21. *Tihonova S.V., Frolova S.M.* Cifrovoe obshchestvo i cifrovaya antropologiya: transdisciplinarnye osnovaniya social'no-epistemologicheskikh issledovanij // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2019. T. 19. Vyp. 3. C. 287—290.

22. *Toffler E.* Tret'ya volna. M.: AST, 1999.

23. CHto takoe cifrovaya ekonomika? Trendy, kompetencii, izmerenie [Tekst]: Dokl. k XX Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. M., 9—12 apr. 2019 g. / G.I. Abdrahmanova, K. O. Vishnevskij, L.M. Gohberg i dr.; nauch. red. L.M. Gohberg; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2019.

В.В. РЫШКУС

Размышление о судьбе мира*

Аннотация. Раскрывается проблема судьбы мира как проблема эволюции природы человека в связи с изменением отношения человека к природе и земле. Поднимается вопрос о потребности человека в деятельности, ведущей к накоплению человеческого потенциала.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Рышкус В.В. Размышление о судьбе мира // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 26—40.

Ключевые слова: истинно человеческая природа, целесообразная чувственно-практическая деятельность, теоретическая деятельность, эволюция природы человека, хозяйство, экономика, человеческий потенциал, единство с природой и землей, детство, мышление.

Abstract. A problem of a destiny of the world as a problem of evolution of human nature in relation to change of the human attitude to nature and land is disclosed. An issue of human need in activity, leading to accumulation of human potential, is arisen.

Keywords: truly human nature, beneficial sensationally practical activity, theoretic activity, evolution of human nature, khozyaystvo, economics, human potential, union with nature and land, thinking.

УДК 111, 330
ББК 65в, 65.01, 65.02

Порой может казаться, что жизнь человека на нашей планете нуждается в дополнительном познании, только когда случаются события, влияющие на развитие многих стран. Когда мировой финансово-экономический кризис или вирусная пандемия сотрясают планету, рождаются идеи о том, что нужно что-то изменить, чтобы эти события не повторялись или чтобы человек был к ним готов. Осознание того, что что-то идет не так, часто приходит только после катастроф планетарного масштаба. Возникновение подобных событий стимулирует обращение к вопросам сохранения жизни человека на планете и повышению ее качества, поиск новых путей развития. Однако катастрофы повторяются или наступают иные, непривычные или хорошо забытые, события, к которым человечество вновь оказывается неготовым, что возрождает дискуссии о необходимости корректирующих действий для целей дальнейшего развития. С новой силой одни ученые ищут пути выхода экономик из кризисов, другие — разрабатывают вакцины против мутирующих вирусов.

Остается неясным, в результате чего в то или иное время случаются глобальные катастрофы, кто или что управляет судьбой мира, что лежит в основании жизни на планете: пишется ли история по чьим-либо сценариям, имеет место стечение обстоятельств или ответ следует искать в иной плоскости. Если не держать в голове объект, изучением которого ты занимаешься, а познавать его обязательно нужно в динамике и эволюционном развитии, то каждый новый кризис, пандемия или экологическая катастрофа будут восприниматься как самостоятельные, независимые от данного объекта, события, и может казаться, что только с их наступлением требуются какие-то изменения. При таком подходе сами события могут трактоваться только с точки зрения момента их возникновения: все шло своим чередом, но вмешалась неожиданная беда, и требуются какие-то действия и изменения, чтобы двигаться дальше. Аналогично, объяснение тех или иных явлений и процессов через влияние проводимой странами политики, поведение транснациональных корпораций и мировых элит также не учитывают динамично меняющийся объект, и жизнь человека представляется зависимой от принимаемых извне решений. Так, до человека можно донести, что для дальнейшего своего существования ему требуется что-то изменить в своей жизнедеятельности, но при этом мало кто задается вопросом, насколько принятие им этой информации соответствует его истинно человеческой природе. Познание судьбы человека и мира, кажется, должно быть иным.

В основе жизни на Земле лежит жизнь рожденного природой человека, ее ребенка в глобальном смысле. Человек рождается благодаря природе, в соответствии с ее естественными законами, что не отрицает божественного человеческого начала, но об этом будет сказано отдельно. Судьба мира неотделима от судьбы человека: не будет человека, не станет мира. Поведение человека не может быть объектом познания, поскольку оно является только субъективным выбором, следствием проявленной сущности человека. Изменения в поведении человека определяются изменением

его сущности, эволюцией его природы, являющейся динамически меняющимся объектом. Эволюция природы человека не может зависеть от политических программ или теорий заговора, а, наоборот, сам ее характер стимулирует появление определенных сценариев развития и теорий. Так, если созданная теория верно определила и постигла характер эволюции природы человека, то ей по силам объяснить, как живет и почему определенным образом мыслят человек и общность людей на конкретной территории в тот или иной исторический отрезок времени, спрогнозировать будущее человека. Через познание природы человека в ее эволюционном движении становится возможным постичь судьбу всего мира, где главным действующим лицом пока еще остается человек.

Признание человека дитем природы позволяет помыслить характер отношений человека к природе, соответствующий истинно человеческой природе и заключающийся в их внутреннем единстве, и яснее осознать центральную проблему философии хозяйства, поставленную Сергеем Николаевичем Булгаковым как проблему «о человеке в природе и о природе в человеке» [1, 32]. «О человеке в природе» — это о том, как действует человек по отношению к природе, к той среде, которая подарила ему жизнь. «О природе в человеке» — какое место занимает природа в жизнедеятельности человека и как отношение к природе формирует самого человека. Истинно человеческой природе соответствует отношение человека к природе как к матери, отношение невмешательства в ее естественные законы и процессы: человек действует по отношению к природе, исходя из признания своего внутреннего единства с ней, и не имеет цели ее покорить. Такой характер деятельного отношения человека к природе формирует в нем качества, делающие его продолжателем человеческого рода: учитывая природные процессы в своей жизнедеятельности, стараясь не навредить природе, действуя по отношению к ней с любовью, человек сохраняет природу-мать, дарующую новые жизни. Это ба-

зовое для человеческой природы отношение порождает соответствующий ему характер всех остальных отношений человека: к самому себе, к другим людям, к семье, к предкам, к народу, частью которого человек может себя ощущать. Через изменение отношения к природе становится возможным познать эволюцию природы человека.

У Адама Смита мы читаем, что природе человека присуща общая для всех людей «склонность к торговле, к обмену одного предмета на другой», являющаяся, по мнению автора, «необходимым следствием способности рассуждать и дара речи» [6, 76]. А. Смит заключает, что разделение труда, порождающее общее благосостояние, стало результатом «очень медленно и постепенно развивающейся» этой склонности человека. По А. Смиту, способность говорить определенным образом посредством языка и рассуждать имела необходимое последствие в виде постепенного развития склонности природы человека к торговле, ведущего к благосостоянию общества. Однако неясно происхождение самой способности мыслить и говорить: в связи с чем человек мыслит то или иное определенным образом, как рождается его речь, формируется язык, на котором он и его соотечественники говорят, как существующие различия в языках и разный уровень их богатства связаны с мышлением человека?

Познание природы человека только через конкретные ее проявления в виде человеческих качеств, независимо от эволюции самой природы, не позволит объяснить происхождение и последующее развитие этих качеств. Тем не менее может казаться, что динамика природы человека описывается различиями, существующими между людьми в связи с их характерами, степенью развитости тех или иных человеческих склонностей, уровнем воспитания и образования, внешними условиями жизни на разных исторических этапах и территориях. Однако сами по себе качества и склонности как субъективные характеристики человека не могут развиваться: в этом движении обязательно должно быть изменение объекта, источника их формирования. Рассматривая их только в

связи с объектом, относительно которого они появляются, развиваются и меняются, можно познать эволюцию самого объекта и объяснить происхождение этих качеств.

Природа дарует жизнь людям, животным, птицам, растениям. Земля неотделима от природы, и с ней глобально связана вся жизнь на планете. Деятельность человека по отношению к земле и природе как основам земной жизни формирует самого человека и всю совокупность существующих в нем отношений. Истинно человеческой природе соответствует такое отношение к «матери сырой земле», когда, с одной стороны, затрачивая усилия, человек получает от земли, от почвы, «на которой хлеб и деревья растут», продукт, необходимый для своего жизнеобеспечения и жизнеобеспечения своей семьи, не имея при этом цели в преумножении самого продукта ради роста его запасов, и соответственно ради роста уровня благосостояния. При этом человек живет, а не выживает. С другой стороны, эта деятельность направлена на меняющийся живой объект, под влиянием переменчивых природно-климатических условий, и от человека требуются затраты жизненной энергии и работа мысли, чтобы земля приносила достаточный для нормального жизнеобеспечения продукт. Взаимодействие со сложными живыми объектами, коими являются земля и природа, порождает душевные переживания человека в смысле силы и полноты чувств, которые рождаются в процессе такого взаимодействия. Чувственное познание мира через деятельное общение с природой с учетом и принятием ее естественных законов обогащает внутренний мир человека, ведет к накоплению им чувств, впечатлений, жизненной энергии, всего того, что формирует в самом человеке сложные связи, лежащие в основании его мышления.

Эволюция природы человека связана с изменением характера деятельности человека по отношению к природе и земле. Чтобы «способность рассуждать и дар речи» привели к развитию склонности к торговле, каким-то образом должен эволюционировать сам человек, должны измениться его отношения к земле и

природе. В подходе, рассматривающем развитие склонностей человека под влиянием его же способностей, нет эволюции природы человека. За утверждением А. Смита о том, что развитие склонности природы человека к торговле является причиной разделения труда, «приводящего к выгодам» и «порождающего общее благосостояние», стоит определенный характер эволюции природы человека, способствующий развитию именно этой склонности. Что-то проясняется, если принять во внимание исторический контекст создания А. Смитом своего произведения. На протяжении почти четырех столетий, в том числе во время жизни самого А. Смита, в Англии происходили огораживания, т. е. насильственная ликвидация общинных земель, сгон сельского населения с земли и, как результат, рост численности жителей городов, в которых зарождалась и развивалась промышленность. Мы имеем дело с индивидом, населяющим определенную территорию, участвующим в разделении труда в конкретное историческое время, т. е. с проявлением природы человека в ее эволюционном движении, а не с истинно человеческой природой. Изменение отношения к земле превратило ее в предмет товарно-денежных отношений, привело к появлению рынка земли, т. е. земля перестала быть матерью для человека. Актуальность для английского общества того времени проблемы материального богатства нации предопределила выбор А. Смитом темы своего исследования: рассматриваемый в нем индивид, преследуя цель по росту благосостояния, уже живет вне истинно человеческой природы, вне единства с природой и землей.

Чувственное познание мира в соответствии с истинно человеческой природой формирует единство чувственно-практической и теоретической деятельности внутри самого человека. В процессе такого познания, когда человек и созерцает, и наблюдает, и действует по отношению к живому объекту, он испытывает невероятные по силе чувства и душевные переживания, определяющие богатство его внутреннего мира, источника рождения

мысли. Сохранять присущее истинно человеческой природе отношение к земле и природе и при этом способствовать накоплению жизненной энергии, широты и глубины чувств, а, по сути, человеческого потенциала, может только обладающая особой целесообразностью чувственно-практическая деятельность. Для соответствия истинной человеческой природе потребность в такой деятельности должна формироваться в человеке с детских лет. Неслучайно обращение русских писателей к ярким воспоминаниям детства — тому периоду, когда чувства от общения с близкими, родными людьми и с природой рождались с наибольшей силой, что проявилось уже в их взрослой жизни.

Николай Васильевич Гоголь вспоминал, как во времена детства «все останавливало и поражало», пробуждало «живое движение в лице, смех и немолчные речи» [2, 108]. Владимир Владимирович Набоков в романе «Дар» описал поэтические воспоминания главного героя о детстве, в котором он находился в особом «состоянии чувств и души», об отце: отец, «поднимаясь после грозы на холм, ненароком вошел в основу радуги — редчайший случай! — и очутился в цветном воздухе, в играющем огне, будто в раю. Сделал еще шаг — и из рая вышел» [4, 70]. Главный герой хочет «с относительной вечностью» удержать и сберечь сохранившиеся от отца «поимки, наблюдения, звук голоса в ученых словах» [4, 102], который для него сливается с голосом Пушкина, родного для любого русского человека поэта. Ненароком вспоминается выражение: «Пушкин — это наше все!», т. е. даже сегодня, несмотря на разделяющую нас пропасть в два столетия, пройдя через многие поколения людей, связь с Пушкиным сохраняется, благодаря чему человек приходит порой в поистине детский трепет и восторг при чтении и цитировании его произведений. Сохранение связей между поколениями — свидетельство того, что природа человека еще не настолько эволюционировала, чтобы человек утратил присущую истинно человеческой природе потребность в продолжении рода, деятельном общении с детьми, выте-

кающую из характера его отношения к природе. Признание внутреннего единства с землей, являющейся «всем» для человека, Федор Михайлович Достоевский назвал «нормальным человеческим законом» в своих дневниках под заголовком «Земля и дети»: из этого единства выходит «все, что есть драгоценного», т. е. «и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь» [3, 476]. Он отметил, что «дети, настоящие то есть дети, то есть дети людей, должны родиться на земле», «детки будут выскакивать из земли, как Адамы» [3, 474].

В той силе, с какой в детские годы формируется в человеке потребность в целесообразной чувственно-практической деятельности и с какой он стремится ее удовлетворять, проявляется его божественное начало: он еще в школу не поступил, никаких университетов не окончил, никакой связи с прогрессом производительных сил общества у него и в помине нет, а в нем множатся чувства, рождающие способность мыслить и рассуждать. Интуитивное признание важности оставаться в душе ребенком, сберечь свое божественное начало, связано с накоплением человеческого потенциала в процессе деятельного общения с природой и семьей, чувственного познания живого мира, наиболее характерного для детских лет, что непременно проявляется на протяжении дальнейшей жизни человека.

Искрой для работы мысли может быть только сильное чувство, испытанное от переживания опыта в связи с меняющимся миром живой природы. Искусственная среда не способна дать той обратной связи, какую дает живой объект в результате деятельности человека по отношению к нему. Формирование, развитие и обогащение человеческой речи, способности мыслить о сложных вещах связаны, в первую очередь, с характером деятельности человека по отношению к природе: радуется и наполняется ли чувствами его душа от общения с ней, как ее изменчивый характер влияет на разнообразие связей внутри самого человека. Обладающая целесообразностью чувственная практика, ведущая к рождению теории в мозге и душе человека, формирующая неделимую

связь человека со своим организмом, когда возникающие вокруг него явления и процессы он может объяснить, исходя из богатства рожденных в нем чувств, является базовой потребностью человека, соответствующей его истинно человеческой природе.

Может показаться, что эти размышления призывают вернуться в забытое многими прошлое и зажить в сельской местности. Однако акцент должен быть сделан не на этом. Чтобы у взрослого человека была потребность в целесообразной чувственно-практической деятельности, должна быть нить, связующая детство и взрослую жизнь, наполненная единством человека с природой и родом, которая потом не развяжется, несмотря на взросление человека или смену им среды обитания. Как писал Достоевский, детство должно проходить на земле и, мы добавляем, в естественной для человека среде. Переходящее из поколения в поколение деятельное общение взрослых с детьми, воспитание детей в сложном мире природы, познание детьми окружающего мира через контакт с меняющейся природной средой только укрепляют истинно человеческую природу, позволяют говорить о бессмертии души, определяемом сохранением связей между поколениями людей. Если характер деятельности человека сохраняет базовую потребность в целесообразной чувственно-практической деятельности, то нет необходимости стимулировать такого человека в повышении рождаемости. Внутреннюю потребность в продолжении рода невозможно сформировать в человеке, если характер его деятельности подтверждает обратное.

Если в человеке не сформировано единство целесообразной чувственно-практической и теоретической деятельности, то любая привнесенная извне теория может заставить его поверить в нее, будучи не проверенной собственным чувственным опытом. Это делает человека сильно уязвимым в современных условиях, когда объем и скорость распространения информации зашкаливают, а отрыв от истинно человеческой природы становится еще более очевидным. Для живущего в единстве с природой и родом человека любое движение в информационном пространстве —

только звук, если характер его деятельности не подтверждает этой информации. Он не может заниматься чистым теоретизированием, поскольку его мышление формируется в результате целесообразного чувственного познания мира, и этим единством наполнено все его существование. Соответственно для такого человека эта информация может только определять правила, по которым он должен жить, например, как гражданин общества, но, если он живет в соответствии с истинно человеческой природой, то он, имея в этом базовую потребность, и продолжит так жить, независимо от внешних призывов о необходимости изменений в жизни. А если человек начнет повторять себе ежечасно, что он должен жить как человек, вышедший из лона природы-матери, не нарушать ее естественные законы, ничего не изменится, если характер его деятельности не соответствует этим его теоретическим представлениям, если эта деятельность не создала в нем потребность жить во внутреннем единстве с природой.

Потрясающая планету пандемия коронавирусной инфекции — событие неслучайное, а закономерное, только если рассматривать объект, природу человека, в его эволюционном движении, а саму пандемию — как порождение этого движения. Доносящиеся отовсюду призывы что-то изменить во внешних условиях существования, в порядке взаимодействия между людьми не берут во внимание того человека, к которому они обращены, не учитывают эволюцию его природы под воздействием изменения характера его деятельности, в результате чего, умышленно или невольно, а в конечном счете, естественным образом, вирус появился на нашей планете. Может казаться, что природа человека остается неизменной, а меняются только внешние, не зависящие от человека, обстоятельства. Завтра придет другая катастрофа, но предлагаемые рецепты будут все теми же.

Если в результате деятельности человека возникают и распространяются вирусы, снижается общий иммунитет, сам человек болезненно, как в прямом, так и переносном смысле, переживает все происходящее вокруг, появляется страх перед завтрашним

днем, то тот ли человек перед нами, которого родила природа-мать или это эволюционировавший, оторванный от своей истинно человеческой природы, субъект. Человеческий потенциал позволил человечеству достичь колоссального прогресса в развитии глобальной экономики. Развитие экономики породило и приумножило в человеке потребности в товарах и услугах, не свойственные его истинно человеческой природе, перевернуло сущность целесообразной чувственно-практической деятельности, превратив ее из базовой *потребности* только в *средство*, в результате чего эволюционировала природа человека. Вместе со становлением развития экономики как *самоцели* явным оказался разрыв между экономикой и целесообразной чувственно-практической деятельностью по отношению к получаемому продукту и по воздействию на самого человека. Этот разрыв предопределен расколом внутреннего единства человека с землей и природой и выражается в нарастающих мировоззренческих, экологических и демографических проблемах.

Даже когда говорят, что все ради человека, то обычно понимают создание рабочих мест, повышение качества воспитания и образования, формирование возможностей творческого развития, т. е. все то, что создается и продвигается характером экономического развития, но не связано с созданием условий для удовлетворения потребности в целесообразной чувственно-практической деятельности, являющейся антиэкономической по своей природе, стопорящей развитие экономики, и потому развитие экономики никогда не будет формировать ее в человеке. Проблема накопления человеческого потенциала — это и есть проблема судьбы, которая ждет мир, если человек перестанет удовлетворять потребность в целесообразной чувственно-практической деятельности. Эту проблему мы не смогли бы поднять, если бы не живущая в нас историческая память и связь с предками, которая, слава Богу, пока нас не отпускает.

Благодаря тревожному звону, коим стала объявленная пандемия коронавирусной инфекции, мы можем с новыми силами задуматься и поговорить о, казалось бы, простых и понятных, наверное, всем людям вещах: для чего человек родился на этой планете, в чем состоит его истинное природное предназначение. В какой-то степени события этого года можно назвать испытанием для человечества, проверкой: каким оказался человек сегодня, как изменилась его природа, движется ли человек на своем эволюционном пути к истинно человеческой природе или, наоборот, от нее.

В вопросе судьбы мира особняком стоит судьба нашей с вами России. России не удастся идти вслед ни за Западом, ни за Востоком. Это связано, в первую очередь, «с почвой и характером землевладения в стране», с тем, что и сегодня для русского человека «в земле, в почве есть нечто сакральное», и еще в недавнем прошлом, сразу после отмены крепостного права, русский человек «свободы не хотел принять без земли» [3, 474]. И.В. Пшеницын разделил страны, исходя из отношения к земле, на экономические и народнохозяйственные. В первых «жители отчуждены от земли, в результате чего она стала объектом собственности, товаром и фактором производства» [6, 84], и рассмотренный нами ранее пример Англии является тому подтверждением. Россия же, по своей природе, является народнохозяйственной страной, которая возникла не в результате освобождения земель от народа, а в результате «присоединения земель вместе с хозяйствующими на них народами» [5, 84].

Многие назовут высказывания Ф.М. Достоевского о значении земли для русского человека, о том, что он «все выводит из земли и от земли, и это даже в огромном еще большинстве» [3, 474], неактуальными. Одно дело — отменили крепостное право, возник земельный вопрос. Другое — наша с вами действительность, XXI в., эра прогресса и технологических изменений. Возможно, в те годы его высказывания звучали более убедительно, чем это было бы сегодня, но суть вопроса не в привязке ко времени, когда это было сказано, а в сохранении нашей связи с

Пушкиным и Достоевским и той исторической памяти, которая еще жива в нас и наших современниках и позволяет признавать жизненную необходимость в сохранении единства человека с землей и природой, в воспитании детей в природной среде для целей накопления человеческого потенциала.

Пандемия коронавирусной инфекции лишней раз доказывает кризис глобальной экономики, ставшей для многих самоцелью. В связи с этим судьба России в «обезумевшем, потерявшем ориентиры» мире нуждается в отдельном масштабном исследовании. Когда в человеке произойдет окончательный разрыв целостной чувственно-практической и теоретической деятельности, тогда насовсем будет утрачена истинно человеческая природа и конец света превратится из метафорической конструкции в реальность, в которой не будет места ничему живому. Сохранение же единства целостной чувственно-практической и теоретической деятельности свидетельствует о невозможности откуда-то извне посягнуть на внутреннюю свободу человека, повлиять на его способность мыслить и рассуждать, и, пока это есть, остается надежда на продолжение жизни человеческого рода в соответствии с истинно человеческой природой.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
2. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 5.
3. Мертвые души. М.: Издательство Московской патриархии, 2009. 680 с.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 1. М.: Книжный клуб 36.6, 2011. 800 с.
5. Набоков В.В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1990. 479 с.

6. *Пшеницын И.В.* Какая экономическая наука нужна России // *Философия хозяйства*. 2017. № 3. С. 77 — 85.

7. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.

References

1. *Bulgakov S.N.* Philosophy of Economy. M., Institute of Russian Civilization, 2009. 464 p.

2. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of nations. M., Eksmo, 2007. 960 p.

3. *Gogol N.V.* Complete Works and Letters: In 17 vol. Vol. 5: Dead Souls. M., Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2009. 680 p.

4. *Nabokov V.V.* Collected works in four volumes. Vol. 3. M., Pravda, 1990. 479 p.

5. *Dostoevsky F.M.* The diary of a writer. In 2 vol. Vol. 1. M., Book Club 36.6, 2011. 800 с.

6. *Pshenitsyn I.V.* What economic science does Russia need // *Philosophy of Economy*. 2017. No. 3. P. 77 — 85.

В.И. КОРНЯКОВ, Н.А. ВАХРУШЕВА

К философии производительности труда*

Аннотация. Авторы статьи размышляют над новым в понимании производительности как природной силы, указывая на то, что современная отечественная экономика в равной мере приемлет видение производительности труда и как природной силы, и как реализации потенциалов социума.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Корняков В.И., Вахрушева Н.А. К философии производительности труда // *Философия хозяйства*. 2020. № 5. С. 40—51.

Ключевые слова: экономический кризис, общественное воспроизводство, инвестиции, производительность труда, Природа, законы, разум, философия, труд.

Abstract. The authors of the article reflect on the new in understanding productivity as a natural force, pointing out that the modern domestic economy equally accepts the vision of labor productivity both as a natural force and as the realization of the potential of society.

Keywords: economic crisis, social reproduction, investment, labor productivity, Nature, laws, reason, philosophy, labor.

УДК 338
ББК 63, 65

Производительность труда как природная сила. Этот заголовочек может вызвать и недоумение, и несогласие. Люди давно знают, что большинство получаемых и сознательно применяемых ими в технических процессах сил — природные, естественные, прямо подчиняющиеся только лишь природным законам. Человечеству удалось познать ряд таких законов и овладеть большим числом доступных процедур, совпадающих с естественными инициациями действий этих законов, и тем самым контролировать и как бы «подчинять» себе их определенные «узкие» действия. Зона такого «господства» социума над Природой все время расширяется.

Современные производство-воспроизводство, производительность труда, превратившись в технологические применения науки, закрепляют и обогащают это «господство». И ряд обстоятельств усиливает впечатление о нем.

Первое из них заключается в том, что набор «узких» действий законов Природы, образующих данную производительность труда, отобран без какого-либо участия Природы, целиком и исключительно сознательными действиями людей без какого-либо вмешательства каких-либо естественных сил. Второе — в

том, что весь итог развития производительности ничего не меняет в законах Природы, но приводит к глубоким качественным изменениям общества, социума, homo sapiens.

И тем не менее идея первенства в производительности труда естественного перед социальным обречена на победу. Здесь, прежде всего, значим, конечно, тот факт, что к открытию и использованию «узких» действий законов Природы людей изначально-принудительно наталкивала сама же Природа, давшая homo sapiens жизнь лишь (только, исключительно) как средство и способ использования, как бы «сосания», «поедания» эманации многих естественных законов. И «человеку разумному» ничего не оставалось делать, кроме как напрягаться открытиями питающих его «малых» действий объективных законов, наполняя ими свои производство, производительность труда. За всем-всем материальным, что встроено в наши жизни, стоят не только духовные, умственные потуги их рождения, приведения в действие, но и настоятельные, естественные необходимости, потребовавшие от людей таких действий. Но признаемся: такое объяснение «победности» естественного относительно социального мало что дает для практического развития. Современная отечественная экономика в равной мере приемлет видение производительности труда и как природной силы, и как реализации потенциалов социума. Как то, так и другое понимание ничего не меняют в существующей хозяйственной практике. Казалось бы, сугубо академическая проблема. Но это, если по-прежнему не замечать сделанных в этой связи открытий (С.А. Подолинский) и новых логико-теоретически постановок (П.Г. Кузнецов), а они-то и меняют всю ситуацию, причем коренным образом.

Новое в понимании производительности как природной силы. Открытие, принадлежавшее энциклопедисту С.А. Подолинскому, вполне доброжелательно было встречено К. Марксом и положительно воспринято В.И. Вернадским. Однако, несмотря

на это, оно не сделалось признанным инструментом познания изучаемых наукой процессов производства, производительности труда, хотя и высветило их совершенно по-новому¹.

Подолинский неоспоримо установил, что продукты сельского хозяйства 96—98% заключающейся в них энергии как бы «бесплатно» получают от Природы, и только 2—4% сообщено им произведшим трудом. Но это означает, что общепринятая посылка о степени ограниченности Природы от общества некорректна, что Природа прямо участвовала и участвует в производстве, воспроизводстве, производительности труда, притом в абсолютно решающей степени, безвозмездно обеспечивая всю жизнедеятельность общественного человека. Она сама по своей «воле» и «инициативе» провела будущего человека в формирующейся Земле в его нынешний статус *homo sapiens*, снабдила и снабжает его средой обитания и (почти на 100 %) продуктами питания.

Хотя ресурсы обеспечения жизнедеятельности, питания как энергии продукции своего сельскохозяйственного производства *homo sapiens* получает как бы в автоматическом режиме и не замечает этого, Природе эти ее «дарения» социуму «стоят» весьма специфических напряжений и усилий. Так, человеческий труд, вбирая в себя «бесплатную» энергию Природы, становится единственным известным нам, людям Большой Вселенной, нэгэнтропийным процессом, не рассеивающим, а сосредоточивающим энергию, с КПД более 100%. Нарушается второе начало термодинамики, регулирующее мироустройство. И Природа тысячелетие за тысячелетием продолжает идти на это, не взирая на страшный ущерб, чинимый ей человечеством (в XIX—XXI вв.) тем же трудом.

¹ Концепцию С.А. Подолинского «пронизывает мысль о том, что единая непрерывная нить связывает солнечный луч с зеленым растением, земледелием, питанием человека, историей растений и животных и, наконец, экономикой и историей социальной жизни человека» [4].

Все это вызывает немало вопросов с поисками ответов на них. Один из таких вопросов: сколь долго это будет продолжаться? Может быть, до тех пор, пока человечество не создаст мощности фабрикации продовольствия, достаточные для жизни человечества?

Но такие мощности уже созданы. Недоедание, даже голод миллионов людей рождены сегодня, главным образом, не абсолютным дефицитом еды, а социальными отношениями. И последнее обстоятельство никак не касается действия линии «солнечный луч — зеленое растение — жизнедеятельность общественного человека», охваченной эффектом Подолинского. Он, этот эффект, обращен в будущее, независимо от того, какая складывается ситуация в настоящем, и функционирует как вечный. И он вечно входит в производительность человеческого труда, мощнейше усиливая, умножая ее энергетическую насыщенность.

Но зачем Природе, которая «ничего не делает зря» (Аристотель), все это надо?

Многие годы размышлений, моделирования, расчетов убедили Кузнецова, что эффект Подолинского приоткрывает подлинную невидимую и неизвестную людям структурированность-сконцентрированность материи-движения в зоне бытия homo sapiens вокруг производительности живого человеческого труда. Он пришел к выводу [3] мироустроительного значения, единственно снимающему все вставшие вопросы и органически согласующемуся с открытием Подолинского. У Природы в космической системе «Солнце—Земля» возникла (почему — пока неизвестно) потребность-необходимость в обретении новой, особой, направляемой разумом универсальной космической производительной силы живого человеческого труда. И она затратила 4 млрд лет на естественное ее создание и развитие ходом сложнейших геологических, геохимических, биологических процессов в качестве все более продвигающейся в космос производительной

силы труда общественного человека. Уже этот объективный статус производительности труда помещает ее среди важнейших объектов исследования философии хозяйства.

Производительность труда и разум. Опора на разум и универсальность, космический размах — величайшие обретения этой производительной силы Природы, принципиально выделяющие ее из других естественных производительных сил. Но вместе с тем это и крупнейшие утраты Природы. Человеческий разум создан ею со значимой дистанцией самостоятельности от нее, т. е. в нем имплантированы возможности как его блистательных творящих взлетов-прорывов в будущее, так и позорных войн с Природой-матерью методами выжженной земли. И он, оперирующий производительностью труда человеческий разум, наделенный пониманием производительности как силы благополучия социума, — главная опора и инструмент Природы в продвижении, реализации ее промысла. Теперь Природа, создав человеческий разум и постоянно подкрепляя его силы и возможности рождением новых гениев, прямо уже не вмешивается в его функционирование. Она идет к своей цели, вменив ее разуму как его собственную цель и полагаясь уже на творчество мысли, которую она стремится направлять лишь извне, предметными рекомбинациями других своих материальных факторов, сил. Разуму же уготована перспектива самому анализировать действительность и самостоятельно «карабкаться по ее каменистым тропам». И все бы ничего, разум с имплантированным в него (Природой) саморасширением его мощи уже провел человечество² к производству и производительности пятого технологического уклада (микроэлектронных компонентов) и вводит его сейчас в следующий, шестой. Но осталось незамеченным, что уже с четвертого уклада громада мировой экономики начала двигаться вразнос, а ту ее составляющую, которая была образована бывшим СССР, прямо-таки понесло. Сейчас

² Кроме группы стран, оказавшихся по разным причинам вне современных технологий (включая РФ).

стало видно, что на трассе динамики общественных производства и производительности оказалась и сыграла роковую роль объективная развилка.

Спотыкание человечества в развилке. Эта развилка противоречит цели Природы, понимаемой как достижение высшей космической производительности труда. Вполне возможно, что ее образование — просто ошибка Природа того же ряда, как рождение сиамских близнецов или генетические болезни людей и животных. Но, как бы то ни было, факт налицо.

Развилка открывает два исторически соперничавших пути движения к высшей производительности: прямой и, можно сказать, кривой, с промежуточными звеньями (опосредованный). Прямой путь имел место уже в прошлые эпохи: например, первобытная община, строительство пирамид, римский колонат, средневековой мелкий трудовой собственник своей земли и средств производства. Но всякий раз процессы труда оказывались на боковине прямого пути, ведомые интересами, в той или иной степени сторонними производительности труда (к докапиталистической, а затем к капиталистической прибыли). А сама структура капиталистической цены (издержки плюс прибыль) превращает тягу к прибыли в тягу к росту, завышению цен. Поэтому, можно сказать, атрибутом кривого движения к высшей производительности стало увеличение цен, контрарное снижению издержек, определяющему рост производительности. Здесь — несомненный тормоз роста производительности, который капитализму развитых стран пока что удастся с немалыми усилиями преодолеть. Хотя в литературе этих стран немало критики погони за прибылью, никто всерьез не собирается от нее отказываться и переходить на прямой путь к высшей производительности. Более того, многие специалисты, по-видимому, даже не знают и не хотят знать о существовании прямого пути («Никто пути кривого у нас не отберет»). Капиталистический социум схвачен денежным фетишизмом и фетишизмом прибыли, ставшей де-факто в глазах его адептов молитвенно незыблемым символом этого строя. Может

быть, так оставалось бы до сих пор, если бы не историческая решимость Сталина. И мы имеем в виду вовсе не его роль в победе над фашизмом.

Философское осмысливание экономических решений И.В. Сталина («экономики Сталина»). Вынуждаемый утратой (по итогу самой разрушительной войны) почти половины хозяйства страны, он смело решился перенацелить все общество на созидание, на высшую производительность и первым пошел (сразу всей национальной экономикой) не затрудняющим кривым-опосредованным, а прямым путем, открыл этот путь реально-практически, причем самым действенным способом: учредив еще невиданную в истории экономику снижающихся цен (ЭСЦ) (ставшую в его системе атрибутом общего движения к высшей производительности)³. Он не только отказался от прибыли, исключив ее из цены и устранив показанное выше противоречие, главное, Сталин саму цену прочнейше «пришвартовал» к производительности.

Как известно, цена отображает, интегрирует функционирование практически всех значимых факторов производства и производительности. В ЭСЦ все они оказались развернуты на снижение издержек, цен. А это — рост производительности труда. Производительность труда теперь прямо-таки проталкивается вверх, ввысь во всех тех позициях и акциях, которые воздействуют на величину цены. Причем без учреждения особых служб контроля, «подталкивания». Экономические субъекты сами взаимно контролируют процесс. Вся экономика пронизывается ростом производительности. ЭСЦ создает сквозную проницаемость экономики общей тягой, нацеленностью всех-всех ее составляющих на снижение цены через повышение производительности.

Но еще важнее, еще значимее, что такое «сплочение» национальной экономики вокруг снижения цен и роста производитель-

³ Идею исключительного значения снижения цены (соответственно росту производительности) И.В. Сталин вполне мог почерпнуть у К. Маркса (об этом см.: [5]).

ности де-факто сливается с имманентными целями самой Природы. Иначе говоря, во-первых, она безусловно алкается, провидится-планируется Природой (ввиду полного соответствия ее целям). Во-вторых, Природа непременно должна озаботиться укреплением, сохранением, развитием-усилением этого плодотворного для нее пути. Иначе, какая же она была бы Природа? И Сталину «повезло». Его по-кутузовски рискованное и мудрое решение было встречено Природой введением в действие до того никому не известного механизма ускорения роста производительности. Хотя действовал этот механизм все 15 лет ЭСЦ, он до сих пор не анализируется и даже не замечается экономической литературой и де-факто остается неизвестным науке (его принципиальную характеристику см. в ряде наших публикаций, напр.: [1—2]). Здесь открывается подлинная (без преувеличения!) драма, даже трагедия экономики, и не одной лишь национальной, а, скорее всего, мировой, вселенской.

Использованный в СССР природный целевой механизм повышения производительности в течение пятнадцати лет (1945—1960) позволял стране первенствовать, теснить в мировой экономике другие страны и превратиться к 1960-м гг. во второй по значению экономический и социальный центр мира. По мнению авторитетных специалистов, фактически была создана новая страна. «Экономика Сталина» (термин В.Ю. Катасонова) уверенно восходила к мировому первенству и после ухода генералиссимуса из жизни продолжила это движение. Казалось бы, преемники Сталина, как и любые распорядители столь победного динамизма (будучи «в здравом уме и трезвой памяти»), отнесутся к нему как золотоискатели к самородку, бросятся оберегать-улучшать, укреплять, развертывать вширь и вглубь естественные производительные механизмы. Нетрудно представить себе самые общие последствия этого несостоявшегося процесса. Сегодня СССР возглавлял бы всемирную ассоциацию, главным образом, социалистических государств, начало бы сбываться предвидение В.И. Вернадского о движении в ноосферу, нынешней катастрофической ситуации в

экологии не было бы и в помине, главная арена производительности труда перемещалась бы в космос. Но сбывшимся фактом стал не этот, а ныне действующий сценарий мироустройства с его, по видимому, гибельным системным всемирным кризисом. И все потому, что в конце 1950-х гг. «экономика Сталина», ЭСЦ были силовым образом ликвидированы, экономика навсегда вернулась к прибыли и повышению цен и сразу же утратила какой бы то ни было динамизм.

Преемники Сталина поступили как совершенно невежественные люди. Они же видели и знали, что сталинская экономика — единственная в мире, успешно поднимающаяся на мировой экономической и социальный Олимп. Единственная! И реакция любого здравомыслящего человека: раз единственная, уникальная: беречь как зеницу ока! Иной реакции у всякого нормального культурного человека просто не могло быть! А тут — разрушить, уничтожить!

Вменяемы ли были Н.С. Хрущев и его команда?! Риторический вопрос. Но дело сделано, всемирная история пошла наперекосяк, лишний раз продемонстрировав, сколь велика может быть дистанция между гением и его даже ближайшими сподвижниками.

Природа, производительность и чудеса. Высвечивание обретения Природой, социумом космической производительности труда как цели Природы, подчиняющей ее воспринимаемое людьми развитие, позволяет уточнить также соотношение производительности труда, Природы и человечества. Природа, в понимании С.Н. Булгакова и других мыслителей, бесспорно, подлинная мать человечества, всему дарующая субстанцию, рождающая все сущее. Производительность труда же в самом первом приближении, конечно, социальна. Но это не значит, что Природа ей «бабушка». Эффект Подолинского позволил установить прямое решающее участие Природы в обеспечении жизнедеятельности людей, социума. Другими словами, и по отношению к людям Природа исполняет материнские обязанности, но... в специфическом

ключе. Она прямо-непосредственно обеспечивает силовую, движущую, как бы кинетическую сторону их жизнедеятельности, питает их энергией. А генерацию продвигающих производительность новаций прямо, непосредственно вершит «самый загадочный объект Вселенной» (Н.П. Бехтерева) — человеческий мозг. Он не получает прямых предписаний от Природы, творит сам, но в окружении ряда ее подсказок: например, так называемых проблемных ситуаций, выставляемых ходом жизни, т. е., в конечном итоге, опять же Природой. Эту непростую систему зависимостей «Природа — социум — производительность труда», открывающуюся в свете осмысления эффекта Подолинского, идей П.Г. Кузнецова с учетом мнения К. Маркса о воспроизводственном значении снижения цен наука пока еще не изучала. А, может быть, повернуться лицом к этим проблемам? Ведь обнаружил же Сталин в их объективном сплетении ожидавшее его естественно-экономическое чудо ускорения темпов роста производительности? И разве не «полна чудес могучая Природа»?

Литература

1. Альпидовская М.Л., Вахрушева Н.А., Корняков В.И. Уроки истории: экономический подъем в послевоенные годы (1945—1960) // Энергия: экономика, техника, экология. 2017. № 5. С. 42—48.
2. Альпидовская М.Л., Вахрушева Н.А., Корняков В.И. Уроки истории: экономический подъем в послевоенные годы (1945—1960) // Энергия: экономика, техника, экология. 2017. № 6. С. 37—41.
3. Кузнецов П.Г. Идеи и жизнь. Концепт. М., 1999: [Электронный ресурс]. URL: <http://pobisk—memory.narod.ru/files/PGIdeasLife.pdf>.
4. Подолинский — человек, который переубедил Маркса?: [Электронный ресурс]. URL: <http://arxiv.livejournal.com/104802.html>.

5. *Alpidovskaya M.L., Kornjakov V.I., Vakhrusheva N.A.* Nature of «The Capital» and the modern russian economys growht // Marx and Modernity. A Political and Economic Analysis of Social Systems Management. Charlotte, 2019. С. 497—506.

References

1. *Al'pidovskaya M.L., Vahrusheva N.A., Kornjakov V.I.* Uroki istorii: ekonomicheskij pod'em v poslevoennye gody (1945—1960) // Energiya: ekonomika, tekhnika, ekologiya. 2017. № 5. S. 42—48.
2. *Al'pidovskaya M.L., Vahrusheva N.A., Kornjakov V.I.* Uroki istorii: ekonomicheskij pod'em v poslevoennye gody (1945—1960) // Energiya: ekonomika, tekhnika, ekologiya. 2017. № 6. S. 37—41.
3. *Kuznecov P.G.* Idei i zhizn'. Koncept. M., 1999: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pobisk—memory.narod.ru/files/PGIdeasLife.pdf>.
4. Podolinskij — chelovek, kotoryj pereubedil Marksa?: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://apxiv.livejournal.com/104802.html>.

А.В. МАРКОВ

Философия русского православного хозяйства в «Стихе о стихах духовных» С.С. Аверинцева*

Аннотация. Ценности милосердия и соборности обычно рассматриваются отдельно от частных практик ведения хозяйства, как императив, а не как основное содержание определенного способа хозяйствовать. В статье реконструирована линия мысли от славянофилов через Георгия Федотова к Аверинцеву, в которой с опорой на иконопись и поэзию доказывается, что возможно хозяйство общего блага, а не специализации и сделок. Это общее благо иконически представляется в соответствии с исихастским

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Марков А.В. Философия русского православного хозяйства в «Стихе о стихах духовных» С.С. Аверинцева // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 51—64.

догматом, а образы рая в древнерусской иконе и поэзии Блока и Рильке оказываются главным источником обоснования такого типа хозяйства. Это хозяйство основано на милости, которая противопоставляется учету, поэтому предпочитает иконопись книжности, но книжность возвращается как способ учитывать множественность райских явлений.

Ключевые слова: Аверинцев, иконопись, Георгий Федотов, исихазм, соборность, русское хозяйство, древнерусская культура, древнерусская книжность, социальное христианство.

Abstract. The values of charity and catholicity are usually seen separately from private farming practices as an imperative rather than as the main content of a particular way of farming. The article reconstructs the line of thought from Slavophiles through Georgy Fedotov to Averintsev, in which, based on iconography and poetry, it is proved that it is possible to farm the common good, rather than specialization and transactions. This common good is iconically represented in accordance with the hesychastic dogma, and the images of paradise in the ancient Russian icon and the poetry of Blok and Rilke are the main source of justification for this type of economy. This economy is based on grace, which is opposed to accounting, so it prefers iconography of literature, but literature returns as a way to take into account the multiplicity of heavenly phenomena.

Keywords: Averintsev, iconography, Georgy Fedotov, hesychasm, catholicity, Russian economy, ancient Russian culture, ancient Russian literature, social Christianity.

УДК 130.2+13
ББК 71.0

Философия хозяйства может быть выражена в поэзии, если эта поэзия обладает достаточной памятью, чтобы учитывать дискуссию о природе хозяйства, при этом не слишком головокружительна, чтобы вовсе отказаться от хозяйственных забот. Дело не в

том, что навыки поэтического строя могут помочь принимать хозяйственные решения, а в том, что разрабатывая довольно отвлеченный сюжет в стихах, можно выяснить, когда к хозяйству применимы общие правила, а когда достаточно частных решений. Мы разберем пример стихотворения, написанного ведущим историком культуры и философом, чтобы показать, как, пытаясь ответить на вопрос о судьбах и закономерностях русской культуры, ученый-поэт очерчивает специфику хозяйства в нашей стране и дальнейшие перспективы его развития. Это мы и можем назвать вкладом в философию хозяйства — исследование исторической специфики местного управления, которое не только поучительно, но и показывает перспективность определенной хозяйственной установки.

«Стих о стихах духовных, или Прение о Руси» [1] — одно из программных стихотворений С.С. Аверинцева, опубликованное в период споров о возможном содержании русской идеи и обновлении прерванных традиций русской культуры. Для Аверинцева оба предмета споров не были первыми, к обсуждению которых требуется приступить, тогда как первейшим вопросом оказывалось содержание исконной русской жизни как умственного хозяйства. Уже из развития сферы умственного труда, духовной интуиции и диалога требовалось вывести особенности хозяйственного уклада, значимые и для современности. Поэтическая форма рассуждения требует комментариев, особенно после более чем четверти века, прошедшей с публикации, как в этом стихотворении из ценности умозрения выводится нормативное распределение обязанностей в русской культуре.

Отправной точкой рассуждений «Стиха» стал поставленный еще в споре славянофилов и западников вопрос, насколько на Древней Руси и в последующей народной культуре существовало словесно выраженное, формализованное знание, соответствующее стандартам ученой дискуссии, или же русское богословие, как и русское право, было интуитивным, державшимся на образной, а не дискурсивной передаче знаний. Коллизия, упрощенно

формулируемая «на Руси не было университетов, но был Андрей Рублев», не может быть решена отдельными дисциплинами: слишком различны основания утверждения образовательных и художественных институтов в отдельных дисциплинах. Тем более, когда мы должны говорить не о вкладе в хозяйство, умственное и практическое, отдельных институтов, неизбежно прерывной и вполне вписанной в контексты далекого прошлого, а о том, что осталось от этой умственной деятельности нам в наши дни, о смягчении нравов как реальной перспективе гражданского и хозяйственного согласия. Смягчает нравы университет, требующий прежде пламенной полемики посидеть над книгами и светить выписки, но смягчает и икона мягкостью и кротостью изображения.

Рассматривая это востребованное смягчение нравов взглядом частных дисциплин, например, истории искусства, истории мысли, истории образования, мы только усилим аргументы отдельных спорящих сторон, но не решим спор. Поэтому Аверинцев выбрал поэтическую форму, в которой лучше всего можно показать саму устойчивость и стройность умственного хозяйства России, и тем самым вскрыть основания этой устойчивости. Там, где частные дисциплины увидят преимущества и недостатки, там поэзия найдет сам строй, внутри которого преимущества или недостатки могут быть если не преодолены, то обособлены, выделены, вынесены за скобки и рассмотрены в своей специфике, а не мнимой роковой власти.

В своем стихотворении, или небольшой поэме, Аверинцев исходит из одной важной предпосылки, с помощью которой и другие его современники решали этот вопрос о соотношении между текстом и образом в норме развития русской культуры. В.В. Бибихин в лекциях «Понимание божественного слова» со ссылкой на О.А. Седакову противопоставил понимание как интерпретацию, как понятийный перевод, пониманию как умению сделать вывод, спасительный вывод. Первое понимание соответствует вопросу «Что это значит?», а второе — «Что из этого следует?» [4, 22], причем второе понимание может включать в себя

первое, но только как корректирующее, а не как решающее. Первое понимание требует выстраивать аналогии между понятиями, «параллельные ряды значений», а второе — «причинно-целевые цепочки смыслов», как именно из услышанного текста что-то следует. Очевидно, что первое соответствует организации хозяйства как потенциального товара, который можно продать или купить, а второе — как ответственного ведения хозяйственной деятельности, не исключающего сделок, но подчиняющего сделки более общей логике блага.

Такое подчинение логике блага как высшей и нематериальной, изъятый из области сделок и соответствующих решений, вполне отвечает учению православных исихастов о нетварном свете как не соотносимым ни с какими вещами, но всегда выступающего как совершенная ценность, заставляющая отказаться от любых других ценностей и намеченных сделок. Как сам Аверинцев писал в стихах об Иисусовой молитве, посвященных практике исихазма: «Жемчужина цены многой / Что не сыщется на торжище мира» [2]. В.В. Биbihин, со ссылкой на стих Аверинцева, так объяснил возможное современное отношение к исихастским спорам: «Небывалое приобщение к новому началу всегда остается возможным для исторической общности» [3, 348].

Биbihин цитировал из «Стиха» строки о первосвете, до разделения на день и ночь, который открылся лишь «нам, Русской земли человекам, / неведомым и недоумкам». Из этого Биbihин делает вывод о том, что исихастский догмат о нетварном свете фактичен, несомненен, но не может быть формализован с помощью текстов, которые превратят его просто в еще одно различие внутри непостижимого, добавят лишнее различие в понимание богословского предмета. Таким образом, созерцание света оказывается для культуры Древней Руси не менее важным, чем развитие книжной культуры, потому что это созерцание позволяет усвоить проблематику идеального и реального лучше, чем когда она представляется в слишком институционализированных

контекстах, например, для различения философии и естественных наук.

В русской культуре и было стремление преодолеть университетскую институционализацию как основание разделений, когда идеальное достается одним кафедрам, а реальное — другим, причем именно в моменты, когда от самого преподавателя требуется присягнуть институции. Так, характеристика Платона из «Стиха» Аверинцева, «всех наставников школьных наставник» представляет собой скрытую цитату из лекции Павла Флоренского *pro venia legendi*, что само название «Духовная Академия» говорит о «несомненной преемственности нашей духовной культуры от Платона» [7, 285]. Тем самым норма созерцания в платонизме оказывается примером раннего институционального строительства, от которого проще перейти к созерцанию, существовавшему до этих профессиональных разделений.

В целом «Стих» Аверинцева выдержан в стилистике дискуссий о путях русской культуры начала XX в.: например, образ России от лица высокомерных просвещенных критиков, «туман от топей непроходных, <...> где жаба на кочку выползает» сразу напоминает «Болотный попик» Блока и образность русского севера, созданную Абрамцевским кружком (фасад Ярославского вокзала с лесными и болотными растениями), а строки «буйный ветер от бездорожья, / от степных немереных далей, / от дикого вашего поля» — мотивы цикла Блока «На поле Куликовом». Цитаты из Блока встречаются и дальше, вплоть до строки из постскриптума к «Стиху»: «Россия, мать Россия» как варианта блоковского «Россия, нищая Россия».

Такое обращение к Блоку и его экстатическому созерцанию, противопоставленному притязаниям частных наук, неслучайно: Г. Федотов, на чьи исследования русских духовных стихов Аверинцев во многом ориентировался, дал очень подробную интерпретацию цикла «На поле Куликовом», считая, что именно в этом цикле Блок переходит от культурных мотивов, от условного эротизма Прекрасной дамы, к действительности тогдашней России:

«Болота отвердевают в северно-русский пейзаж, может быть, воспринятый не без влияния Нестерова, и на этой скудной и нищей земле происходит первая встреча Блока с Христом» [5, 427]. При этом Федотов считал, что в цикле Блока само настроение Северной Руси оказывается частью более сложного умонастроения: «тоска-печаль северного поля вливается в тоску-страсть южных степей» [5, 420]. Поэтому, считал Федотов, Блок преодолел слишком книжный и частный образ Прекрасной Дамы, добившись того, что в этом образе различаются и разделяются телесное и духовное, которые могли бы проходить по ведомству частных наук, а значит, требуется более высокий идеал: «Поэзия Блока растет и крепнет в разложении единого образа, озарившего его юность» [5, 422]. Тем самым, с точки зрения поэтической философии хозяйства, Блок отказывается от экстатического приобщения к готовым ценностям, к их котировкам в мировой культуре, но ищет необходимый образ, обосновывающий милость как общее благо, хотя бы этот образ милости вырисовывался не сразу.

Федотов нигде не говорит, что Блок нашел идеал и обосновал эту новую программу милости как основы хозяйства общего блага, но показывает, насколько образ этого идеала стоял ближе к иконописи, легкой и просветленной, чем к обоснованной кодифицированными, как бы книжными правилами, живописи: «Изредка терем царевны расширяется в сказочную страну, в преображенную Русь, где в вечер под Вербную Субботу идут боярышни, где царю и боярам снятся заморские гости. <...> Весь этот мир образов совершенно лишен плотяности, тяжести, характерной для условно-национально-го русского стиля» [5, 424]. Так Федотов противопоставляет русский национальный стиль, в котором средневековый дизайн усиливает впечатление инертности сословного общества и принятых в нем порядков взаимодействия, и образность русской темы у Блока, в которой всякая сословность оказывается подчинена ритмам сновидения или ритмам церковной соборности, без тени самоутверждения отдельных сословий. Так философия хозяйства оказывается одновременно и философией

преодоления сословных разделений, санкционированных книгами и каталогами.

Аверинцев идет дальше Блока, который упрекал русскую культуру в непоследовательности, в невозможности реализации идеала: «до Царьградских святынь не дошла». У Аверинцева так думает не лирический повествователь, а высокомерные умники: «вишь, звон Цареградский вы слыхали, / а где есть он, не познали, / сиречь ухом словеса прияли, / умом же их силы не пытали». Колоколов в Константинополе не было, но в слове «звон» содержится отсылка к строке из пушкинской «Сказки о Золотом Петушке»: «Вдруг раздался легкий звон». Проще говоря, любое слишком эффектное, не смягченное созерцание оказывается роковым для культуры, поиск внешнего блеска — роковое обстоятельство для правильного ведения хозяйства. И если Блок просто недоумевал, почему в русской культуре недостаточно определенности, то Аверинцев показывает, что не всякая определенность полезна.

Также у Аверинцева отказ от частных специализаций умников не означает отказа от книжности в пользу экстатической интуиции, но новые правила чтения, когда важно, как мы говорили, «что из этого следует». Так, иконой одухотворенной плоти, которая и подтверждает исихастский догмат о нетварном свете как источнике святости, предшествующей специализации на отдельные подвиги, оказываются «постом истонченные члены», которые «без речи тайну являют». Здесь важно не то, что аскетизм необходим для святости, но что истончение, легкость, о которой писал Федотов, оказывается не только знаком чтения только идеализированных образов, как у Блока, но лучшим способом показать, как из легкости нетварного света следует и легкость хозяйственного распоряжения своим телом, бережного, а не губящего тело, раз тело продолжает являть тайну.

Здесь Аверинцев скорее всего опирается на образы стихотворения Рильке «*Weißt du von jenen Heiligen, mein Herr...*», навеянного посещением киевских пещер, где говорится, что аскеты

уже живут вне привычных сословных и даже возрастных различий: «Они забыли свой возраст и лицо». Для них чтение оказывается не способом разобраться в собственном положении, но способом одухотвориться, сделаться следствием текста, живым текстом, живым доказательством того, какое общее благо, а не распределение обязанностей, является первоначальным источником всякого хозяйствования: «Они читают редко, все засохло, / Как будто мороз проник в каждую книгу, / И как капюшон свисал с их костей, / Так смысл свисал с каждого тела», или в переводе О.А. Седаковой: «как на их костях вериги, / значения повисли на словах».

Интересно, что в переводе Седаковой, очень точном, один образ Рильке упущен: подвижники-пещерники иногда собирались «перед золотыми дверями, как золотыми садами», а в переводе сказано просто: «перед дверьми, перед блаженным садом». Золотые двери и сад напоминают золотой фон икон, иконы византийского или древнерусского письма в пещере. Для Седаковой важно, что подвиг несомненно будет совершен, что призвание осуществиться до того, как будут вновь распределены обязанности между всеми. Известный страх славянофилов и их последователей перед Западом с его правовыми принципами распределения труда здесь преодолевается личным примером подвижников. Аверинцев, наоборот, акцентирует это переживание рая прямо здесь и сейчас, как свидетельство того, что икона может быть образцом хозяйства, и распределение сюжетов на иконе очень хозяйственное во всех смыслах. Как и требует Библихин, исихастский догмат не формализуется, но становится способом показать милосердие как основу ведения хозяйства во всех его проявлениях:

Какой вертоград заповедный,
Песнею Песней воспетый,
в Богородичном цветет затворе,
как радуются о Благодатней,
о тайном Рае словесном,

о слезной сладости нашей,
и Ангелы и человеки,
купно со скотинкою Божьей,
от Флора и Лавра стрегомой,
купно со всеми древесами,
лозами, травами, цветами
и с Матерью Сырою Землею,
горними крылами осененной.

В этих строках содержится экфрасис иконописного типа «О, тебе радуется», ближе всего стоящий к древнерусской иконе круга Дионисия, где ангелы стоят на земле, причем земля передана как пустыня, белыми изображениями холмиков, иначе говоря, показан рай, явленный аскетам-пустынникам. Сам этот тип иконописи был востребован и позднее, и последняя строка этого экфрасиса оказывается ближе не к названной средневековой иконе, а, например, к модернистской мозаике Владимира Фролова в Гусе-Хрустальном, где крылья ангелов подняты и образуют круг, так что кажется, они шумят как большая сень.

Но здесь ключом к такому пониманию райского хозяйства как соединения аскетической утонченности и мужества с особой мягкостью ангельского покровительства может стать статья Георгия Федотова о духовных стихах, где он сразу объясняет, что концепция «мать сыра земля» является вовсе не пережитком языческого анимизма, во всяком случае не только пережитком, но следствием особого созерцания: можно созерцать проявления Божества и считать, что что-то, солнце или звезды, появилось из мысли или взгляда Божества, но нельзя созерцать сущность, которая не может в народном богословии быть понята иначе чем тело, что, заметим, вполне соответствует исихастскому различению неп. «Стих не дерзает говорить о теле, о костях Божиих, и в связи с этим отказывается ставить вопросы о происхождении земли, моря и гор (камней)» [6, 5].

Гористую пустынную местность мы и видим на иконе круга Дионисия. Хотя Федотов вряд ли держал в уме именно эту икону, пересечения оказываются поразительными, например, он говорит о названиях растений в духовных стихах: «Из родных деревьев певец называет березу и рябину рядом с кипарисом для построения сионской церкви, — плакучие деревья севера. Его любимые цветы — “лазоревые”, т. е. холодного, небесного цвета» [6, 13]. Но именно лазоревый цвет, яркие и прозрачные, как бы драгоценные краски, отличают школу Дионисия. Таким образом, райское хозяйство оказывается раскрытием того, что стремился углядеть Блок и к чему приблизился Рильке: постоянное различение света и цвета, перед которым меркнут любые сословные различия и разделения труда, милость общего блага, которое вдруг начинает светить всем.

Идея Федотова состоит в том, что «мать сыра земля» олицетворяет материнство, и подвижник, избирающий девственную красоту пустыни [6,13], должен не соблазняться слишком нежными его явлениями природы, преодолеть сентиментальность ради суровости. Иначе говоря, Федотов объясняет райское хозяйство, трактуя только индивидуальный путь подвижника, но не общее благо, оставаясь как бы на уровне Блока, который создал отдельные великие образы одухотворенности, но не образ рая, показывающий, что только милосердная одухотворенность полезна. Поэтому если Федотов говорит о матери сырой земле и о какой-то простой эмоции, то Аверинцев о множестве матерей и множестве слез: «по множеству слез материнских». Множественное число для Аверинцева оказывается важно, дополняя «что из этого следует» вполне серьезным филологическим учетом того, что именно ценно и что именно милосердно:

Так на Севере нашем скудном,
на просторе пустом и безвидном,
между топей наших и гатей,
и снегом занесенных весей,

и убогих могил позабытых
икона являлась молчаливо,
что свет, сокрытый под спудом,
что лал, рубищем окутан,
что дикий мед благовонный,
в дупле грубом утаенный,
или благоухание крина,
без слов излитое на безлюдьи,
не примеченное проходим.

В этих строках изображение тайного рая поддерживается наличием тайных созвучий: например, слово «лал» означает рубин, а *рубин* созвучен с *рубищем*, так это уже не скрытое созвучие, а созвучие явное, но потребовавшее перевода. Или другой пример, «дикий мед», напоминающий и о питании Иоанна Предтечи в пустыне, и о «диком» в начальном смысле «дивий», принадлежащий только сакральному, но и «благовоние» указывает на возносящийся ввысь ладан (который в русском «благовонный») не меньше, чем на привычные свойства меда. Так философия хозяйства оказывается окончательно философией тайного милосердия.

Таким образом, обоснование хозяйства не как места разделения, а как места реализации нравственного идеала, оказывается возможно в несколько этапов. Прежде всего, необходимо понять идеал не как специальный, но как общий, для чего требуется ихастский догмат, при этом Аверинцев и Бибихин справедливо отказались от его окончательной формализации в пользу иконичности. Далее необходимо понимание по принципу «что из этого следует», но не сводящееся к специализации и к только индивидуальному пути подвижника или интеллектуала. Наконец, требуется новое понимание иконы не как некоторой программы или записи догмата, но как явления рая, в котором уже налажено хозяйство, так что правильное хозяйство должно следовать из этого образца. Но чтобы это все заработало, потребовались и искания поэтов, таких как Блок и Рильке, и понимание ограничений не

только их высказываний, но и рефлексии над этими высказываниями даже ведущих интеллектуалов и переводчиков. Благодаря этому Аверинцев объяснил, почему приоритет иконописи перед книжностью способствовал развитию русского хозяйства без конфликтов, связанных со специализацией, но и почему развитие современного хозяйства потребует особого считывания рая, его множеств, чтобы милосердие и справедливость не оказались слепыми.

Литература

5. *Аверинцев С.С.* Стих о стихах духовных, или Прение о Руси // *Новый мир.* 1993. № 1. С. 44—49.
6. *Аверинцев С.С.* Стихи об имени Иисусовом // *Вестник РХД.* 1993. Т. 164. С. 160.
7. *Бибихин В.В.* Материалы к исихастским спорам // *Бибихин В.В. Энергия.* М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. С. 346—384.
8. *Бибихин В.В.* Понимание божественного слова // *Бибихин В.В. Слово и событие.* М., 2010. С. 15—24.
9. *Богданов Е.* [Федотов Г.П.] На поле Куликовом // *Современные записки (Париж).* 1927. Т. 32. С. 418—435.
10. *Федотов Г.П.* Мать земля. К религиозной космологии русского народа // *Путь (Париж).* 1935. Т. 46. С. 3—18.
11. *Флоренский П.* Общечеловеческие корни идеализма: [Пробная лекция] // *Богословский вестник* 1909. Т. 1. № 2. С. 284—297.

References

1. Averintsev, S.S. Stikh o stikhakh dukhovnykh, ili Prenie o Rusi // *Novyi mir.* 1993. № 1. S. 44—49.
2. Averintsev, S.S. Stikhi ob imeni Iisusovom // *Vestnik RKhD.* 1993. T. 164. S. 160.

3. Bibikhin, V.V. Materialy k isikhastskim sporam // Bibikhin, V.V. Energiia. Moskva: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2010. S. 346—384.
4. Bibikhin, V.V. Ponimanie bozhestvennogo slova // Bibikhin, V.V. Slovo i sobytie. Moskva, 2010. S. 15—24.
5. Bogdanov E. [Fedotov G.P.] Na pole Kulikovom // Sovremennye zapiski. Parizh, 1927. T. 32. S. 418—435.
6. Fedotov, G.P. Mat' zemlia. K religioznoi kosmologii russkogo naroda // Put'. Parizh, 1935. T. 46. S. 3—18.
7. Florenskii P. Obshchechelovecheskie korni idealizma: [Probnaia lektiia] // Bogoslovskii vestnik. 1909. T. 1. № 2. S. 284—297.

В.К. КОРОЛЕВ, О.В. ЕВГРАФОВА

**Экономическая культура в (курсе) философии хозяйства
Ю.М. Осипова***

Аннотация. Авторы обосновывают возможность включения в программу осиповского курса философии хозяйства темы «экономическая культура», ее трактовки — инновационную, философско-культурологическую, и нейтрально-универсальную как варианты презентации темы. Философской основой авторского подхода является диалектика общего, особенного и единичного, позволяющая рассматривать экономическую культуру в мир-системной парадигме «ядро — периферия». В ней общим является культурно-экономический тип; особенным — ядро экономической культуры, представленное базисными экономическими цен-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Королев В.К., Евграфова О.В. Экономическая культура в (курсе) философии хозяйства Ю.М. Осипова // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 64—77.

ностями — отношениями к труду, собственности, богатству, потреблению; единично экономическая культура периферийно воплощается всем многообразием проявлений сознания и поведения в экономической сфере. Методологической основой анализа этих отношений является концептуализация — определение ведущего смысла понимания экономической деятельности, выраженного ее концептами — ценностями, формирующими рассматриваемую культуру как систему экономически релевантных социальных, гуманитарных, ментальных, психологических феноменов.

Ключевые слова: человек, культура, экономика, деятельность, ядр, периферия, концепт, феномен.

Abstract. The authors propose the justification for the possibility of including the theme «Economic culture» in the program of Osipov's course in philosophy of economy, its interpretation — innovative, philosophical and cultural, and «neutral—universal» as variants of the topic presentation. The philosophical basis of the author's approach is the dialectic of the general, the particular and the singular, which allows us to consider economic culture in the «world—system» paradigm of «core—periphery». In it, the «common» is the «cultural and economic type»; the «special» — the «core» of economic culture — is represented by basic economic values — attitudes to work, property, wealth, consumption; «singularly» economic culture «peripherally» is embodied by all the variety of manifestations of consciousness and behavior in the economic sphere. The methodological basis for the analysis of these relations is the conceptualization as the definition of the leading meaning of understanding economic activity, expressed by its concepts — the named values that form the culture under consideration as a system of economically relevant social, humanitarian, mental, psychological phenomena.

Keywords: person, culture, economy, activity, «core», «periphery», concept, phenomenon.

УДК 33.01
ББК 65.01

В фундаментальной и уникальной работе «Курс философии хозяйства» ее автор — Ю.М. Осипов — подчеркивает принципиально открытый характер, «безграничность», исходную разнообразность этого знания [5, 245]. По сути, это предполагает необходимость и возможность развития, пополнения данного курса новыми сюжетами.

Полагаем, таковым может быть сюжет о так называемой *экономической культуре*. Тут возникают две проблемы. Первая — обоснование включения его в курс философии хозяйства. В прилагаемой к названному научно-учебному пособию «Программе...» это понятие специально тематически не выделено, но фундаментальные положения «Курса...» позволяют найти ему место в знании «философия хозяйства». Во-первых, в нем автор не противопоставляет хозяйство и экономику: в теме 30 «Приложения...» она рассматривается как «особое хозяйство», подчеркивается, что «всякая экономика — хозяйство» [7, 281]. Во-вторых, в теме 29 рассматриваются аспекты металогии перехода от хозяйства к экономике [7, 280 — 281]. В-третьих, в 19-й теме — «Хозяйство как культура» — упоминается «хозяйствующая культура», отмечается, что у любого «хозяйства есть своя культура» [7, 272], которая дает ему «смысловую наполненность» [7, 273]. Из всего вышесказанного по фундаментальной логике первого (аристотелевского) дедуктивного силлогизма, из посылок: а) у хозяйства есть культура; б) экономика есть особое хозяйство — следует вывод, что экономика имеет свою (экономическую) культуру.

Кроме того, о необходимости включения сюжета о ней в данный курс косвенно говорит и тема 8 — «Хозяйствующая субъектность»: по мнению автора «Программы», «нам остается лишь сказать, что философия хозяйства есть не что иное, как хозяйствующий субъект» [7, 249]. Из этого следуют актуальность акцентирования проблемы человеческого фактора, роль которого возрас-

тает в постиндустриальном экономическом развитии, необходимость более полной, содержательной характеристики этоса человека, занятого экономической деятельностью, нежели это возможно в традиционном ресурсном подходе — рассмотрения его как «homo economicus» [3]. (Тут особенно интересным, но требующим специального внимания, представляется рассмотрение этнонационального аспекта формирования этого этоса. Такой подход был фундаментально заявлен, в частности, в «буржуазной» работе В. Зомбарта и имеет свое развитие в современном социогуманитарном знании (см., напр.: [8, 39—42]).)

На наш взгляд, адекватной презентацией качества современного экономического человека и является экономическая культура. Полагаем, сюжет о ней, в свете вышесказанного, вполне можно вписать в тематику курса философии хозяйства в качестве отдельной темы, что свидетельствует о решаемости первой проблемы.

В переходе этой возможности в действительность возникает вторая проблема: как подавать, как трактовать экономическую культуру в этом курсе? Как уже отмечалось, его уникальность провоцирует инновационный характер дополнения, что и предлагают авторы своим междисциплинарным — *философско-культурологическим* — подходом к экономической культуре. Нельзя сказать, что она обойдена теоретическим вниманием, так или иначе эта культура рассматривается в десятках диссертаций — докторских и кандидатских, в научных монографиях (см., например, работы А.Ю. Архипова, О.В. Евграфовой, А.З. Инкиной-Ерицпеховой, Т.И. Заславской, В.К. Королева, О.Н. Крюковой, К.Н. Панферова, Р.В. Рывкиной, Е.В. Самойлова, С.В. Фатеевой, А.А. Щербины и др.), в большом массиве научных статей (в частности, Т.В. Бортниковой, О.В. Леоновой, Е.З. Майминаса, Л.А. Мясниковой, Е.И. Филоновой и др.).

Здесь нет возможности и необходимости давать обзор столь многочисленных публикаций по экономической культуре, отме-

тим лишь, что для всех работ, при несомненной научной состоятельности, характерны разнообразие и дисциплинарная ведомственность представлений об этом объекте. В имеющейся литературе достаточно мирно, рядоположенно сосуществуют разные трактовки определения экономической культуры, без их специального методологического обоснования. Это типичное, классическое состояние ее изучения — самые разные подходы к экономической культуре знаменуют доминирующий подход к ее рассмотрению. В нем можно выделить разве что узкое понимание этой культуры как *организационно-корпоративной* и расширительное отождествление с культурой *хозяйственной*. Понятно, что здесь нет необходимости содержательно оценивать это разнообразие, весьма показательным примером которого является набор (состоятельных, каждое само по себе, но не позволяющих получить некое обобщенное, системное понимание экономической культуры, связывающее ее различные аспекты, грани) представлений об этой культуре, данный К.Н. Панферовым [6, 658—677].

Отметим, что об экономической культуре вообще не упоминают в учебниках по экономической теории; не пишут о ней и в пособиях по культурологии (в лучшем случае речь идет о так называемой материальной культуре, без ее структурирования). Наверное, экономисты не рассматривают экономическую культуру, потому что считают ее проблематику чужой, культурологической, а культурологи не уделяют ей должного внимания потому, что она экономическая.

Кроме этой «межпредметности» и большого разнообразия трактовок экономической культуры, ситуация ее тематического зависания связана и с проблемой понимания культуры как таковой, ибо экономическая, понятно, является ее видовым проявлением. Не входя в огромный массив соответствующих публикаций, можно с уверенностью сказать: отсутствие единственно верного, точного, научного, объективного и т. п. ответа на вопрос — что

есть культура вообще — добавляет мучений с обобщающим определением культуры экономической.

Все эти обстоятельства, очевидно, не способствуют ее «популяризации» и, полагаем, по умолчанию предполагают интенцию выработки научной *парадигмы* экономической культуры как (по-куновски) общепризнанной, модельной постановки и решения ее современных проблем [5, 11].

Разумеется, здесь мы не ставим перед собой глобальную задачу такой «парадигмизации» (повторим — речь идет о возможности введения сюжета о ней в тематику курса философии хозяйства, о содержании этой темы). Тем не менее это не лишает нас возможности высказать некоторые положения по этому поводу, имеющие парадигмальную перспективу.

Приступая к краткому описанию анонсируемого подхода, нужно сделать предварительные замечания: 1) мы исходим из понимания экономической культуры как *формы*, схватывающей участие человека в экономической деятельности; 2) мы полагаем, что (в отличие от Марксовой «формы превращенной») экономическая культура есть *содержательная* форма этого участия, открытая наполнению конкретными экономическими реалиями; 3) мы считаем перспективным использование веберовской идеи экономической *релевантности* всех проявлений культуры как целостности, ориентирующей на рассмотрение их, в разной степени опосредованного, влияния на собственно экономическую деятельность (смысл жизни человека, место в нем материального жизнеобеспечения, роль человека в преобразовании природы и т. п.); 4) по нашему мнению, большой потенциал в парадигмальном осмыслении экономической культуры имеет методология *междисциплинарности* как взаимодействия непосредственно экономического и остального социально-гуманитарного знания — прежде всего философского и культурологического, а также психологического, исторического, политического, этического, религиозного, этнографического и др., так или иначе влияющего на

теоретическое понимание формирования и функционирования экономической культуры.

В свете вышесказанного считаем возможным заявить авторский подход, имеющий, полагаем, хорошие теоретические перспективы и еще не нашедший в соответствующей литературе адекватного освоения — *философско-культурологический*.

В его «предпосылочной» основе лежит междисциплинарное использование геополитических и экономико-географических работ относительно понимания различия культур, цивилизаций с использованием парадигмы отношения ядра (*центра*) и *периферии*. Они осуществлялись в русле так называемого мир-системного подхода (*core-periphery model*) Э. Шилдса, в котором общественная система рассматривалась как диалектическое единство этих составляющих [10]. (Свой вклад в его развитие внесли И. Валлерстайн, С. Коэн, Д. Майнинг, Д. Маккиндер, К. Хаусхофер, Дж. Эгню, а также Ю.М. Лотман, В.А. Колосов, Н.С. Мироненко и др.) Полагаем, эту парадигму можно применить и конкретизировать (философской) диалектикой общего, особенного и единичного в рассмотрении экономической культуры.

Итак, культура как образ жизни имеет свои, говоря словами основоположника культурологии Л. Уайта, «векторы», характеризующие, воплощающие основные виды жизнедеятельности человека в обществе, главным из которых, безусловно, является экономическая. Направление и величина ее «вектора» могут быть представлены разработанным ранее (одним из авторов статьи) понятием «*культурно-экономический тип*», выражающим «...принцип включенности экономики в культуру по критерию выделения главной цели данной экономической деятельности» [2, 47]. Эта типичность для нашей парадигмы экономической культуры является *общим*.

Далее необходимо выделение ее центра — неизменного ядра всего пространства смыслов, ценностей, норм, правил, значений, символов и т. п. экономической деятельности, что знаменует ее специфику, отделяющую от иных векторных сфер си-

стемы культуры. Это ядро, характеризующее сущность экономической культуры, является *особенным* — не просто абстракцией некоего центра, а атрибутивным представлением ценностных проявлений экономической культуры. Таковыми, полагаем, являются отношение человека: а) к труду, своему и вообще; б) к частной собственности (прежде всего на средства производства); в) к материальному богатству (деньгам); г) к потреблению (материальных благ). Главные функции такого ядра — сохранение и передача аккумулированных в нем культурных ценностей экономической идентичности, ее структурно-функциональных проявлений.

Все остальное в экономической культуре производно от этих особенных отношений — в нашей схеме так воплощается *единичное*. Оно характеризует любые (сознательные и практические) проявления экономической жизнедеятельности, выступает периферией экономической культуры как открытой системы. Эти проявления не только воспринимают влияние ядра, воплощают его конкретику, им определяются, но и оказывают свое обратное влияние, корректируют ядрено-центровую основу.

В этой системе именно они являются факторными. Полагаем, для их рассмотрения целесообразно использование весьма перспективной, но редко применяемой методологии *концептуализации* [9, 123—124]. Полное рассмотрение этой методологии, разумеется, не является здесь нашей целью по причине ее сложности. Отметим лишь то, что позволяет использовать ее возможности в авторской трактовке экономической культуры. Главное — она нацеливает на парадигмальное конструирование ее *концепции* — теоретического выражения предельного (на данный момент) знания, способа понимания экономической культуры. Концепция строится на основе *концептов* — ценностных единиц, связывающих всю конструкцию экономической культуры, формирующих ее центральную «ядреную» основу [3]. В этом плане экономическую культуру можно, в первом приближении, рассматривать как (ценностное) отношение человека к своей деятельности по обеспечению материальной составляющей общественной жизни, реализуемое в ее практическом осуществлении.

Сказанное можно представить и иным образом. В свете предлагаемой трактовки экономической культуры, полагаем, можно выделить три уровня ее концептуализации. На первом (вышем) — назовем его мировоззренческим — ее фундаментом является принцип включенности экономической деятельности в культуру общества (этноса, социальной группы, человека) по критерию названной ранее *культурно-экономической типичности*. Она проявляется в интенциях этой деятельности, формирующих ее средства и результаты. Именно этот принцип («тип») дает предельное на данный момент — концептуальное «общее» — понимание направленности и силы «вектора» экономической культуры, связывающее все разнообразие ее проявлений (см.: [3]).

На уровне втором (среднем) эта концептуальная установка *по-особенному* конкретизируется в собственно экономической деятельности, культурологическое ядро которой (на втором уровне) и составляют конкретные *концепты* — доминантные ценности, мотивирующие экономическую деятельность как относительно самостоятельную — упомянутые ранее экономически релевантные отношения человека как субъекта этой деятельности (к труду, частной собственности, богатству, потреблению). Подчеркнем — важна неизменность предельной значимости для экономической деятельности этих отношений; их конкретное состояние может быть разным, выступать в совокупности самых разных проявлений экономической культуры [7].

На третьем (нижнем) уровне концептуализации — *единичном* — эти концепты реализуются в различных *феноменах* — формах восприятия человеком всего богатства своей экономической жизни (подробнее см.: [4, 45—46]). Выступая своего рода проекцией названного общего и особенного, феномены экономической культуры формируются и реализуются двояко: во-первых, как образы экономического сознания, характеризующие (в том числе и бессознательно) восприятие и продуцирование человеком смыслов своей экономической деятельности, и, во-вторых, как ее практическое опредмечивание. Феномены составляют (относительно)

неустойчивую, разнообразную — и эмоциональную, и отрефлексированную — периферию экономической культуры. (Ранее мы выделили в качестве основных групп ее феноменов социально-психологическую, культурологическую (гуманитарно-аксиологическую) и ментальную [1, 56—58]; разумеется, это структурирование предполагает свою конкретизацию.) В заключение отметим, что *ноуменом* для любых экономических феноменов является труд как целенаправленное преобразование природы, общества и самого человека в целях его (стоимостного) экономического жизнеобеспечения.

Следует подчеркнуть, что эти три уровня взаимно обуславливают друг друга. В частности, как уже отмечалось, феномены не являются пассивной проекцией культурно-экономического типа и концептов экономической культуры, они корректируют их конкретную содержательность, обеспечивают модернизацию. (Примечательно, как это проявляется в процессе изучения экономических наук: в частности, сейчас во многих (западных) учебных пособиях для молодежи (например, типа «Junior Achievement») оно часто начинается со знакомства студентов с экономическими явлениями на уровне примеров — «Джон купил...», «Синти взяла кредит в банке...», «Боб сделал и продал...» и т. п., с дальнейшим их обобщением, которое ведет к выявлению экономических закономерностей, а не идет классическим путем — от изучения законов, понятий — к их конкретным проявлениям — примерам и иллюстрациям [4].)

Итак, в свете сказанного (массовую) экономическую культуру можно понимать как реализацию культурно-экономической типичности (общего) в собственно экономической деятельности, организованной на основе выделенных концептов и реализуемой в экономической деятельности ее различных групп (что является особенным), а личностную (единичное) — как конкретную производную от них (общее проявляется в единичном по особенному), выражаемую тем или иным набором феноменов экономической жизнедеятельности конкретного человека, его сознания и поведения.

Полагаем, предложенная в статье трактовка экономической культуры вполне гомогенна идеологии осиповского курса философии хозяйства в целом. Как вариант, она может быть представлена следующим образом. Экономическая культура как междисциплинарная презентация человеческого участия в экономической деятельности: на уровне общего — как система, производная от своего (капиталистического) культурно-экономического типа; на уровне особенного — представленная устойчивым, кодирующим ядром — ценностными концептами (отношение к труду, частной собственности, богатству, потреблению); на уровне единичного — конкретизированная своей периферией как совокупностью экономических и экономически релевантных социальных, гуманитарных, ментальных, психологических и других феноменов, формирующих адекватное экономическое сознание и поведение.

Подчеркнем — такую презентацию экономической культуры авторы отнюдь не считают единственно возможной и верной. Для нас важно застолбить ее тематику, обосновать возможность рассмотрения экономической культуры как новой темы (в частности, идущей после 30-й) программы осиповского курса философии хозяйства. В этом плане понятно, что наша трактовка экономической культуры, как бы она ни нравилась авторам, не может претендовать на безусловное включение в эту программу, ибо, повторимся, эта культура допускает разное осмысление. При чтении курса философии хозяйства преподаватель может давать любую трактовку экономической культуры, но при этом важны, во-первых, ее производность от понятий «культура» и «экономика»; во-вторых, методологическая концептуальность, обоснованность своей трактовки этой культуры. (Предложенная в статье может быть примером такого отношения, причем с претензией на парадигмальный характер.)

Поэтому представляется и теоретически, и практически более целесообразным включение в программу варианта «нейтрально-формально-универсального», допускающего «за-

ливку» любым содержанием. Полагаем, оно может быть представлено следующей формулировкой. Экономическая культура как презентация человеческого участия в (капиталистической) экономике. Основные подходы к экономической культуре: классический — рассмотрение экономической культуры как формообразования культуры в целом, предполагающего его содержательное наполнение разными трактовками данной культуры; широкий — ее отождествление с хозяйственной; узкий — сведение к культуре организационной (корпоративной). Концепция, определяемые ею структура и функции экономической культуры. Общественная, групповая и личностная экономическая культура. Трансформации экономической культуры в современной экономике.

В заключение отметим, что анонсированный авторский философско-культурологический подход к экономической культуре требует дальнейших исследований, здесь мы лишь обозначаем его актуальность, проблематику и достоинства: в частности, он презентует экономическую культуру в диалектике (все)общего, особенного и единичного; знаменует концептуализацию этой культуры, позволяющую в рамках своего культурно-экономического типа связывать, векторно выстраивать в системную целостность открытое многообразие ее периферийных феноменов на основе фундаментальных принципов экономической жизнедеятельности, в них воплощенных. Наконец, такой подход, полагаем, может иметь парадигмальный характер, способствующий систематизации разных трактовок экономической культуры в ее междисциплинарных исследованиях в русле философии хозяйства.

Литература

1. *Евграфова О.В.* Экономическая культура. Ростов н/Д: РТА, 2016. 118 с.
2. *Королев В.К.* Экономика и культура. Ростов н/Д: Литфонд, 2010. 352 с.

3. *Королев В.К., Евграфова О.В.* Экономическая культура как постиндустриальная форма человеческого капитала // Экономическая система современной России: пути и цели развития: Монография / Под ред. А.А. Пороховского (электронное издание). М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. С. 687—700.

4. *Королев В.К., Кондрашов В.А.* Феноменология культуры. Ростов н/Д: ЮФУ. 2011. 294 с.

5. *Кун Т.С.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 287 с.

6. *Панферов К.Н.* Экономика и культура. М.: Русаки, 2009. 726 с.

7. *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства. М.: Экономист, 2005. 320 с.

8. *Осипов Ю.М.* Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение // Философия хозяйства. 2016. № 4. С. 39—42.

9. *Филатова А.А.* Перспективы концептуального анализа в современной культурологии // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: В 5 т. Т. 4. М.: Современные тетради, 2005. С. 123—124.

10. *Шилз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход. Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 341—359.

References

1. *Evgrafova O.V.* Ekonomicheskaya kultura. Rostov-on-Don: Rostovsky filial RTA, 2016. 118 s.

2. *Korolev V.K.* Ekonomika i kultura. Rostov-on-Don: Litfond, 2010. 352 s.

3. *Korolev V.K., Yevgrafova O.V.* Ekonomicheskaya kul'tura kak postindustrial'naya forma chelovecheskogo kapitala v monografii Ekonomicheskaya sistema sovremennoy Rossii: puti i tseli razvitiya:

Монографиya / Pod red. A.A. Porokhovskogo (Elektronnoye izdaniye). M.: Ekonomicheskiy fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2015. 896 s. S. 687—700.

4. *Korolev V.K., Kondrashov V.A.* Fenomenologiya kul'tury. Rostov-on-Don: YUFU, 2011. 294 s.

5. *Kuhn T.S.* The structure of Scientific Revolutions. M.: Progress, 1975. 287 s.

6. *Panferov K.N.* Ekonomika i kultura. M.: Rusaki, 2009. 726 s.

7. *Osipov Yu.M.* Kurs filosofii hozjajstva. M.: Ekonomist, 2005. 320 s.

8. *Osipov Yu.M.* Etnonatsionalnoe soznaniye i hozjajstvennoe povedeniye // Filosofiya hozjajstva. 2016. № 4. S. 39—42.

9. *Filatova A.A.* Perspektivy kontseptualnogo analiza v sovremennoi kulturologii // Filosofiya i budushee tsivilizatsii. Tezisy dokladov i vystupleni IV Rossiiskogo filosofskogo kongressa: V 5 t., T. 4, M.: Ed. Sovremennye tetrady, 2005. 775 s. S. 123—124.

10. *Shilz Eh.* Obschestvo i obschestva: makrosotsiologicheskij podkhod // Amerikanskaya sotsiologiya: perspektivy, problemy, metody. M.: Progress, 1972. 528 s. S. 341—359.

Е.В. ЗАЙЦЕВА, П.С. ТОЛКАЧЕВ

Вектор развития российской цивилизации*

Аннотация. В статье ставится вопрос о векторе развития российской цивилизации. Показано, что историческое движение любого общества определяется его стремлением к достижению совершенного состояния, т. е. идеала. Последний имеет духовное содержание. Политические, экономические, культурные или иные

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зайцева Е.В., Толкачев П.С. Вектор развития российской цивилизации // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 77—93.

общественные ценности формируются под непосредственным воздействием идеала духовного и выступают формами его проявления. Поэтому для будущего развития России выявление ее духовного идеала имеет решающее значение. В статье показано, что духовный общественный идеал всегда имеет троичную структуру. Он раскрывается на трех уровнях: высшем (духовно-нравственные ценности всего общества), среднем (духовно-нравственные задачи государства), нижнем (духовно-нравственные отношения между гражданами). В статье говорится, что будущее развитие России зависит от поиска, раскрытия и принятия тех духовных ценностей, которые смогут сплотить и соединить всех членов общества в единый духовно-нравственный общественный организм.

Ключевые слова: высшие духовные ценности, историософия, общественный идеал.

Abstract. The article raises the question of the vector of development of Russian civilization. It is shown that the historical movement of any society is determined by its desire to achieve a perfect state, that is, an ideal. The ideal has a spiritual content. Political, economic, cultural or other social values are formed under the influence of the spiritual ideal and act as forms of its realization. Therefore, for the future development of Russia, the identification of its spiritual ideal is crucial. The article shows that the spiritual social ideal always has a threefold structure. It unfolds on three levels: higher (spiritual and moral values of society), the average (moral tasks of the state), lower (spiritual-moral relations between people). The article States that the future development of Russia depends on the search, understanding and acceptance of those spiritual values that can unite all members of society in a single spiritual and moral social organism.

Keywords: the highest spiritual values, historical philosophy, social ideal.

УДК 330.11
ББК: 65в

Постановка вопроса. Политические события, которые произошли в нашей стране в первой половине 2020 г., главными из которых явились смена правительства и принятие поправок к Конституции, обнаружили, что прежний курс развития России, начатый в 1991 г. (после распада СССР), требует если не полной перемены, то существенной корректировки.

Общий характер внесенных в Конституцию поправок свидетельствует о наличии в ней целого ряда важных изменений. В обобщенном виде основные изменения сводятся к следующим направлениям:

- утверждение политической независимости России на международной арене;
- повышение эффективности государственной системы управления на всех уровнях — от президента страны до местных органов власти;
- создание условий для экономического роста страны, повышения доверия между государством и гражданами;
- усиление социальной направленности политической и экономической жизни общества (на всех уровнях — от государства в целом до семьи и каждого человека в отдельности);
- признание семейных, культурно-исторических и духовно-нравственных начал важнейшими ценностями российского общества.

Встречаясь 3 июля 2020 г. с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию, Президент России В.В. Путин, в частности, сказал: «Граждане России сделали свой выбор... Мы приняли это значимое решение вместе, всей страной, и оно касается тех ценностей и базовых принципов, которые лежат в основе дальнейшего развития России, *делают нас действительно одним народом, единым целым*» (курсив наш. — *Е.З., П.Т.*) [13].

4 июля 2020 г. поправки в Конституцию Российской Федерации вступили в силу.

Изменение Конституции означает, что вектор развития России способен принять новое содержание и обеспечить движение страны по новому курсу. И не только в политическом отношении, но и во всех аспектах и сторонах жизни общества: социально-экономической, научно-технической, образовательной, культурной, этической, духовно-нравственной и т. д. Далее мы покажем, что духовно-нравственная сторона является определяющей для всего общества.

Принятые поправки в Конституцию России открывают для нашей страны дорогу к формированию исторически новой траектории развития. Этим определяется высокая значимость исследования по данной проблеме.

Вектор развития цивилизации в понимании советской общественной науки. В советский период в общественных научных дисциплинах было узаконено понятие «общественно-экономическая формация». Утверждалось, что историческое развитие социумов полностью подчинено законам экономики (материального производства), а движущей силой всего исторического процесса выступают производительные силы. Утверждалось, что все остальные аспекты жизни социума — политика, культура, этика, эстетика, нравственность, духовность и т. д. — являются производными от экономики и составляют так называемую надстройку над экономическим базисом.

Следует отметить, что до сих пор господство «экономического мышления» и так называемого «исторического материализма» в вопросах страноведения и цивилизационного развития общества полностью не преодолено (хотя критику этого подхода мы встречаем уже у Вернера Зомбарта (1863—1941). В своей работе «Социология» (1923) он, в частности, пишет, что «мы должны при всяком изучении человечества избрать или, вернее, сохранить в качестве естественного и постоянного руководителя всеобщую историю человеческого духа» [7]).

Николай Александрович Бердяев (1874—1948) указывает: «Культура в Иерархии ценностей должна занимать более высокое

место, чем политика и политические формы... она связана с качествами людей и потому ей должен принадлежать примат над внешними формами жизни» [3]. Но одновременно, отмечает Бердяев, культура не должна довлеть над человеком, становиться для него идолом [3]. «*Ложь гуманизма*, — пишет он, — заключалась в признании самодостаточности человека, в допущении, что человек может реализовать полноту своей человечности без сверхчеловеческого, без Бога. Но ложному гуманизму противопоставляется истинный интегральный гуманизм, который мыслит осуществление и полноту человечности в соотношении с высшим духовным началом» (курсив наш. — *Е.З., П.Т.*) [3].

Основная масса нынешних публикаций в рамках «экономического мышления» посвящается росту ВВП, эффективности производства, инновациям, конкурентоспособности, цифровизации и т. д., а в интегральном виде — социально-экономическому развитию. Вопросы, касающиеся духовной жизни общества, либо не рассматриваются вовсе, либо упоминаются вскользь. Между тем общество, как и каждый человек в отдельности, есть прежде всего существо *духовное*, а потом уже *материальное*. Духовная сущность и человека, и общества раскрывается во всех отношениях, в которые вступают люди в процессе производства и потребления материальных благ. Поэтому одни только экономические меры не могут быть объединяющим началом. Это временные материальные процессы, которые не могут быть основой для общественного развития.

Реальным фактом, опровергающим всякие утверждения о примате экономики в жизни социума, явилось нынешнее всенародное голосование в России по поправкам к Конституции. Конституция и голосование по ней суть явления политические, т. е. духовного порядка, которые к экономическим не относятся. Руководству страны (и прежде всего — Президенту России В.В. Путину) стало ясно, что действующая Конституция не соответствует целям и задачам дальнейшего развития российского общества.

И произошедшее событие (изменение Конституции) ясно показало, что перемены экономические зависят от перемен политических. Следовательно, духовные факторы являются факторами более высокого порядка, чем экономические. И именно они призваны стать промотором будущих социально-экономических перемен.

Исследование цивилизационного развития России в постсоветский период. После распада СССР, когда господство материалистической идеологии в общественных науках было ослаблено, в экономической литературе появилось немало публикаций, в которых не только политические, но и нравственные, культурные, этические и религиозные факторы назывались в качестве важнейших компонентов социально-экономического развития. Одной из таких работ явилась статья профессора С.Ю. Малкова «Устойчивость социальных структур и цивилизационные особенности России» (2007) [10].

Автор утверждает, что «главной целью государства и общества в целом является сохранение своей идентичности (“выживание”) и обеспечение поступательного устойчивого развития в складывающихся исторических условиях. Сила и “живучесть” социума зависят от: 1) имеющегося у него материально-технического потенциала (*экономический* аспект), 2) эффективности государственного управления (*организационный* аспект), 3) духовно-идеологического единства граждан (*социально-психологический* аспект)» [10].

Как видим, Малков ставит духовную деятельность общества (которую он почему-то называет «социально-психологической» — фактор 3) после экономической и государственной составляющих (факторы 1 и 2). Тем не менее в своей статье он многократно указывает на особенные духовные качества российского общества.

Например, когда он говорит о социальной ответственности системы государственного управления, то явственно слышен духовный запрос общества. «Будущее России, — пишет Малков, —

существенным образом будет зависеть от того, сможет ли государственная власть стать эффективной и социально ответственной» [10]. Яркими духовными красками он изображает характер русского социума, черты русского этноса, такие как терпение, коллективизм, непротивление власти, толерантность к другим народам и культурам. «Без этих черт характера независимое существование русского этноса и российской государственности *было бы невозможно*» (курсив наш. — *Е.З., П.Т.*) [10]. В другом месте он еще более откровенно говорит о том, что для нашего общества необходимо найти *группу идей*, которые смогли бы консолидировать и объединить в единое целое весь современный многонациональный российский социум [10].

Следует отметить, что и обозначенный Малковым на первом месте «материально-технический потенциал» нельзя правильно исследовать (оценить его размеры, структуру, направления и темпы развития) без анализа духовно-нравственной ориентации общества. Именно последняя задает приоритеты и цели развития всего общественного материального производства.

Вся работа Малкова пронизана духовными рассуждениями о цивилизационных особенностях России. Тем не менее до понимания сущности цивилизационных ценностных отношений и их *иерархической структуры* автор указанной статьи не доходит.

Другой исследователь цивилизационных особенностей России Г.В. Зазулин в своей статье «Вектор духовно-нравственного развития России в XXI веке» (2017) отмечает, что «русский человек по своей ментальности уникален... Он живет мечтой о “все-человеческом братстве” и поэтому добровольно подчиняет свои личные интересы интересам *российского государства*, удерживающего Мир от той участи, которую ему приготовили авторы “нового мирового порядка”. Русскому имманентно присуще нравственное страдание, выражаемое словами “мне за Державу обидно”. Эта наша *цивилизационная чуждость Западу* и лежит в основе западной враждебности в отношении к России» (курсив наш. — *Е.З., П.Т.*) [4].

Автор данной публикации совершенно четко обозначает духовные ценности (причем нравственные, т.е. высшего порядка, внутри всей совокупности духовных ценностей) в качестве ведущей силы российского общества. Однако он не рассматривает всю иерархическую структуру ценностей российской цивилизации. Проблемы государственного управления (средний уровень) и социально-экономического развития (нижний уровень) им опущены, что делает данный анализ в известной степени односторонним.

Среди православных исследователей, которые изучали и продолжают изучать российскую цивилизацию, разногласий по поводу главной силы, ведущей Россию по пути развития, никогда не было. Все они исходят из Божественной природы ценностей.

Российский ученый С.Л. Франк (1877—1950) в своей работе «Религиозные основы общественности» (журнал «Путь», 1925 г.) писал, что суть всей общественной жизни человека — сознательное или бессознательное служение Богу. Это выражается в идее нравственной обязанности, которую одинаково несут и личность, и общество. «Где человек считает себя самого — индивидуально или коллективно — хозяином своей жизни, там общество существовать не может...» [11].

В таком же направлении рассуждают и современные российские православные исследователи. Проректор Уральского института бизнеса и управления Н.А. Куликова в своей статье «Цели и принципы духовно-нравственной экономики» пишет, что хозяйственная практика субъекта реализуется как предстояние перед Богом. Человек лично ответствен перед Творцом за результаты своей деятельности и «стремится к осуществлению дела Божия — добра на земле» [8]. Действие духовных законов обуславливает экономическое поведение — ибо выгодно то, что нравственно оправдано. Краткосрочная же выгода от безнравственного поступка оборачивается в итоге потерями (см.: [8]).

Духовно-нравственный вектор развития России и его структура. Как мы отмечали в одной из своих работ, в общественном сознании всех цивилизаций лежит идеал своего собственного земного пути. Он имеет решающее значение в развитии каждого отдельного цивилизационного сообщества, выступая его основным внутренним духовным жизненным принципом — его внутренней правдой. «Поэтому для нашей страны выявление собственного цивилизационного вектора... играет важнейшую роль» [6].

Духовно-нравственный вектор развития России (как и вектор любой другой цивилизационной системы) является движущей и одновременно объединяющей силой общества. Он обладает троякой структурой, которая включает в себя три уровня — высший, средний и нижний.

Они иерархически связаны друг с другом: 1) высший уровень — духовно-нравственный идеал общества (в досоветский период — Православная вера; в советский период — вера в коммунизм как светлое будущее всего человечества); 2) средний уровень — любовь к своему государству (патриотизм, любовь к Родине, вера в справедливость властей и т. д.); 3) нижний уровень — любовь граждан друг к другу (уважение, порядочность, честность, взаимопомощь и т. д.).

Духовно-нравственные уровни оказывают решающее влияние на все стороны жизни российского социума, в том числе на всю систему социально-экономического развития.

Для понимания будущего нашей страны важно определить, что в современных условиях может явиться главной — высшей — движущей силой ее развития.

Известный русский религиозный философ Николай Онуфриевич Лосский (1870—1965) полагал, что «основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание *абсолютного добра Царства Божия и смысла жизни*, снижающееся при утрате религии на степень *стремления к социальной*

справедливости в земной жизни...» (курсив наш. — Е.З., П.Т.) [9, 15].

С точки зрения духовно-нравственного развития Россия в своей истории прошла три периода: досоветский (патриархальный, сословный), советский и нынешний (начавшийся после распада СССР).

В досоветскую эпоху (962—1917) нравственным идеалом развития российского социума была *русская правда*: вера, что все члены общества являются *единым народом-семьей*, в котором старшие сословия (князья, бояре и дворяне) заботятся о младших (крестьянах). Нарушение этого нравственного закона (со стороны правящих сословий) привело к падению патриархального строя и утверждению в России нового общественного строя. Страна вошла во *второй* — советский, социалистический — период своего развития.

В советский период духовная направленность российского социума была существенно изменена. Новое общество объявило о рождении *новой русской правды*: построение «рая на Земле» на основании принципов научного социализма. Причем речь шла о построении этого рая не только для себя (для России в лице СССР), но и *для всего человечества* [5].

Однако данные цели достигнуты не были. В 1991 г. СССР распался. На мировой арене снова появилось государство с названием «Россия». Страна вошла в *третий период* своего развития.

Новое российское общество попыталось выбрать для себя внешне привлекательную западную модель развития — рыночную экономику. Однако у наших сограждан, в течение тысячелетия воспитанных на коллективистских началах, не оказалось нужного для рыночной экономики духовного движителя — безграничной жажды материального благополучия и личностного эгоизма, на которых зиждется западная цивилизация. И не удивительно, что после распада СССР российская экономика утратила свою прежнюю макроэкономическую эффективность, которую до сих пор в полном объеме не смогла восстановить.

В одной из своих работ мы отмечали, что «на всем протяжении своей истории российское общество строилось на мировоззренческом, то есть цивилизационном, фундаменте. В его основе лежал идеал “русской правды”. По своей социальной сущности “русская правда” — это строй, в котором все члены общества заботятся друг о друге, образуя “народ-семью”» [6].

В подобном же ключе высказываются многие исследователи и политические деятели. Например, председатель партии Российский общенародный союз С.Н. Бабурин говорит, что «русский народ по своей природе *патриархален*, отличаясь, в том числе, доверием к власти и тягой к нравственному авторитету» [1]. Доверие к власти есть вера в возможность реализации идеала власти. Это не слабость русского народа, а его великий *духовный потенциал*.

Президент России В.В. Путин, выступая (28 апреля 2020 г.) на совещании с руководителями субъектов Федерации по вопросам противодействия распространению коронавирусной инфекции, заметил, что в государственной политике нельзя ставить на первое место заботу об экономике и материальном благополучии. «Мы учились, — сказал Президент, — у наших предков абсолютно другому. С ценностями *взаимопомощи, взаимовыручки, солидарности* Россия живет тысячу лет. И сегодня они — *главная опора нашей государственности*» (курсив наш. — *Е.З., П.Т.*) [13].

Известны также высказывания В.В. Путина, в которых он в качестве национальной идеи России называл *патриотизм* [14].

Реализация последующих уровней (среднего и нижнего) духовно-нравственного вектора развития России (средний — идеальное государственное устройство; нижний — гармоничные отношения между людьми) подчиняется воздействию на них высшего уровня (идеальное состояние всего общества). Но уже сейчас мы можем сделать предложения о том, какими свойствами должны обладать средний и нижний уровни.

В современных дискуссиях о принципах организации нового российского общества довольно широкое распространение

получили предложения о построении общества так называемой *взаимной ответственности*. Мы считаем, что такой тип общества более подходит для идеала западного человека, где существует примат личности над социумом. В западном сознании само общество рассматривается как совокупность независимых личностей (методологический индивидуализм), а не как единый субъект (не как общественное целое). Поэтому западный идеал личной свободы — как высшей ценности — с абсолютной внутренней необходимостью требует построения равных отношений между всеми индивидами, входящими в социум.

Но иначе это мы видим в ценностях русского человека. В российском обществе идеалом отношений между людьми выступают *любовь и уважение*. Другими словами — *взаимное служение и взаимное послушание*. Но не равноправие! Следовательно, для российского социума идеалом и для среднего, и для нижнего уровней должно быть не «общество взаимной ответственности», а *общество взаимного служения*. И чем более высок уровень доверия к власти, тем большими правами она наделяется. А чем большими правами она обладает, тем более эффективно может выражать сущность всего общества и вести его к более совершенному состоянию. (Историческим примером здесь может быть названо избрание на царство первого русского царя из рода Романовых — Михаила Романова в 1613 г., когда было преодолено Смутное время и возникло духовное единение всех сословий русского общества.)

Заключение. У человека (и у всего общества) двойственная природа: духовная и материальная. Но как мы видим из обзора научной литературы, который мы провели выше, строгого разграничения общественных ценностей на материальные и духовные, их диалектического взаимодействия, а также исследования их иерархической структуры не наблюдается. Между тем именно выявление единства и различия духовных и материальных ценностей (и их структуры) выступает определяющим в понимании вектора цивилизационного развития российского общества.

При этом решающую роль здесь играют духовные ценности. Именно они приводят в движение все материальные процессы, задавая им направление и границы развития. Духовно-ценностный анализ исходит из того, что как отдельный человек, так и все общество несовершенны. Духовные ценности — это видение духовного совершенного состояния (духовного идеала), к которому общество и каждый человек в отдельности должны стремиться. Это та сила, которая объединяет общество, делает его целостным и раскрывает конечную цель его развития.

Материальные ценности — это образ совершенного материального состояния человека и общества. Обладая собственным содержанием, они тем не менее подчинены духовным и выступают формами их движения. Например, в нравственном кодексе российской цивилизации жадность (стремление к избыточному материальному богатству) осуждается (чего нельзя сказать об отношении к этому в западной нравственной традиции).

Особенностью ценностей является то, что они не могут быть переданы принудительным путем. В духовном отношении каждый человек — свободная личность. Поэтому и отдельный человек, и все общество могут принять ценности только *добровольно*. Тогда ценности являются значимыми, а не переходящими симулякрами и декларациями.

Действовавший в России в первых двух периодах ее истории духовно-нравственный вектор, требовавший от всего социума искания абсолютного добра, в современном российском обществе не исчез. Но он существует, если можно так выразиться, пока только потенциально. Если нынешнее российское общество сумеет его отыскать и включить в работу, то такой движитель будет способен мобилизовать все народные силы и направить их на совершение добрых дел.

Проведенное голосование по поправкам к Конституции свидетельствует, что страна хочет и ждет принципиальных духовно-нравственных перемен. Однако до настоящего времени новый идеал своего развития Россия еще не выработала (*третью*

русскую правду). И когда он будет найден, то сможет реально объединить всех людей в единое общественное целое и повести их к построению нравственной экономики.

Литература

1. *Бабурин С.Н.* О национализме, монархизме, русском характере и любви к Родине (2020): [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/08/10/o_nacionalizme_monarhizme_russkom_haraktere_i_lyubvi_k_rodine (дата обращения: 10.08.2020).

2. *Бердяев Н.А.* О назначении человека: опыт парадоксальной этики. Париж: Изд. «Современные записки», YMCA-PRESS, 1931: [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book6194/138442/>.

3. *Бердяев Н.А.* Человеческая личность и сверхличностные ценности // *Современные записки: общественно-политический и литературный журнал*. Париж: WLIV, 1937: [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/sverhlichnie_cennosti.

4. *Зазулин Г.В.* Вектор духовно-нравственного развития России в XXI веке (2017): [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2017/12/27/vektor_duhovnonravstvennog_o_razvitiya_rossii_v_hhi_veke (дата обращения: 10.08.2020).

5. *Зайцева Е.В., Толкачев П.С.* Вектор экономического развития мировых цивилизаций // *Россия в игре: страна и мир / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой*. Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. С. 119—125.

6. *Зайцева Е.В., Толкачев П.С.* Социально-экономическое развитие России: проблемы, перспективы, региональный аспект // *Философия хозяйства*. 2019. № 6 (126). М.: ТЕИС, 2019. С. 46—59.

7. *Зомбарт В.* Социология. Пер. И.Д. Маркусона. Ленинград: Мысль: [Электронный ресурс]. URL: <http://knigi1.dissers.ru/books/library3/4715-4.php>.

8. *Куликова Н.А., Каратеев Д.Э.* Цели и принципы духовно-нравственной экономики (2014): [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-i-printsipy-duhovno-nravstvennoy-ekonomiki/viewer> (дата обращения: 10.08.2020).

9. *Лосский Н.О.* Характер русского народа // Посев. 1957. Frankfurt am Main: Deutschland: [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/russk_harakter/ (дата обращения: 10.08.2020).

10. *Малков С.Ю.* Устойчивость социальных структур и цивилизационные особенности России. 2007: [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/ustojchivost-socialnyx-struktur/3/>(дата обращения: 10.08.2020).

11. *Франк С.Л.* Религиозные основы общности (1925): [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/religioznye-osnovy-obshchestvennosti/ (дата обращения: 10.08.2020).

12. *Путин В.В.* Встреча Президента России В.В. Путина с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию (3 июля 2020 г.): [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63599/> (дата обращения: 10.08.2020).

13. *Путин В.В.* Выступление на совещании с руководителями субъектов Федерации по вопросам противодействия распространению коронавирусной инфекции (28.04.2020): [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63288> (дата обращения: 10.08.2020).

14. Путин рассказал о своем понимании национальной идеи (10.05.2020): [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/708027> (дата обращения: 10.08.2020).

References

1. *Baburin S.N.* O nacionalizme, monarhizme, russkom karaktere i lyubvi k Rodine (2020): [Elektronnyj resurs]. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/08/10/o_nacionalizme_monarhizme_russkom_karaktere_i_lyubvi_k_rodine (dannye obrashcheniya: 10.08.2020).
2. *Berdyayev N.A.* O naznachenii cheloveka: opyt paradoksal'noj etiki. Parizh: Izd. «Sovremennye zapiski», YMCA-PRESS, 1931: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://runivers.ru/lib/book6194/138442/>.
3. *Berdyayev N.A.* Chelovecheskaya lichnost' i sverhlichnye cennosti // *Sovremennye zapiski: obshchestvenno-politicheskij i literaturnyj zhurnal*. Parizh: WLIV, 1937: [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.odinblago.ru/sverhlichnie_cennosti.
4. *Zazulin G.V.* Vektor duhovno-nravstvennogo razvitiya Rossii v HKHI veka (2017): [Elektronnyj resurs]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2017/12/27/vektor_duhovnonravstvennogo_razvitiya_rossii_v_hhi_veke (data obrashcheniya: 10.08.2020).
5. *Zajceva E.V., Tolkachev P.S.* Vektor ekonomicheskogo razvitiya mirovyh civilizacij // *Rossiya v igre: strana i mir / Pod red. YU.M. Osipova, A.YU. Arhipova, E.S. Zotovoj*. Taganrog: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. S. 119—125.
6. *Zajceva E.V., Tolkachev P.S.* Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: problemy, perspektivy, regional'nyj aspekt // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 6 (126). M.: TEIS, 2019. S. 46–59.
7. *Zombart V.* Sociologiya. Per. ID Markusona. Leningrad: Mysl': [Elektronnyj resurs]. URL: <http://knigi1.dissers.ru/books/library3/4715-4.php>.
8. *Kulikova N.A., Karateev D.E.* Celi i principy duhovno-nravstvennoj ekonomiki (2014): [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-i-printsipy-duhovno-nravstvennoy-ekonomiki/viewer> (data obrashcheniya: 10.08.2020).
9. *Losskij N.O.* Karakter russkogo naroda // *Posev*. 1957. Frankfurt-na-Majne: Deutschland: [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.odinblago.ru/russk_karakter/ (data obrashcheniya: 10.08.2020).

10. *Mal'kov S.YU.* Ustojchivost' social'nyh struktur i civilizatsionnye osobennosti Rossii. 2007: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/ustojchivost-socialnyx-struktur/3/> (dannye obrashcheniya: 10.08.2020).

11. *Frank S.L.* Religioznye osnovy obshchestva (1925): [Elektronnyj resurs]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/religioznye-osnovy-obshchestvennosti/ (data obrashcheniya: 10.08.2020).

12. *Putin V.V.* Vstrecha Prezidenta Rossii V.V. Putina s rabochej gruppoj po podgotovke predlozhenij o vnesenii popravok v Konstituciyu (3 iyulya 2020 g.): [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63599/> (data obrashcheniya: 10.08.2020).

13. *Putin V.V.* Vystuplenie na soveshchaniyah s rukovoditelyami podrazdelenij Federacii po voprosam protivodejstviya rasprostraneniyu koronavirusnoj infekcii (28.04.2020): [Elektronnyj resurs]. URL: [http://kremlin.ru/events/president/president/president/](http://kremlin.ru/events/president/president/president/events/president/president/) : 10.08.2020).

14. Putin rasskazal o svoem ponimanii nacional'noj idei (10.05.2020): [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/708027> (data obrashcheniya: 10.08.2020).

У.Ж. АЛИЕВ

Почему именно конфуцианство является государственной идеологией Китая?*

Аннотация. В статье автор ставит задачу найти ответ на вопрос: почему именно конфуцианство, а не даосизм или буддизм, выступает идейным основанием и «руководством к действию» государственной власти современного Китая? Проводится срав-

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Алиев У.Ж. Почему именно конфуцианство является государственной идеологией Китая? // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 93—107.

нительный анализ основного содержания этих учений — природоцентризма, а в его рамках — подлинного гуманизма даосизма и буддизма. И антропоцентризма, в том числе китаецентризма конфуцианства. Именно последним обстоятельством объясняется «особая любовь» руководителей современного Китая к Конфуцию и конфуцианству (конфуциомания), которое служит им в качестве официальной государственной идеологии как во внутренней, так и внешней политике.

Ключевые слова: конфуцианство, даосизм, буддизм, природоцентризм, антропоцентризм, китаецентризм, конфуциомания, институты Конфуция, государственная идеология и политика Китая.

Abstract: The article searches for an answer to the question: «why exactly Confucianism», and not Daoism or Buddhism, is the ideological basis and «guide to action» of the state power of modern China? And this answer was obtained by the author through a comparative analysis of the main content of these teachings — nature-centrism, and within its framework, the genuine humanism of Taoism and Buddhism and anthropocentrism, and within its framework, the Chinese-centrism of Confucianism. It is the latter circumstance that explains the «special love» of the leaders of modern China for Confucius and Confucianism (Confucianism), which serves them as the official state ideology in both domestic and foreign policy.

Keywords: Confucianism, Taoism, Buddhism, nature-centrism, anthropocentrism, Chinese-centrism, Confucianism, Confucius institutions, state ideology and politics of China.

УДК 130.2
ББК 87

Во всем мире, и особенно в Китае, высоко ценят и даже превозносят Конфуция, основоположника идейного течения конфу-

цианства. Известно крылатое выражение: «Конфуций для Китая — почти что символ, а для самих китайцев — больше, чем символ». Этот символ Китая настолько почитаем некоторыми «грамотными» людьми из власти имущих, что в Казахстане кое-кто хотел ввести в обязательном порядке изучение китайского языка! И здесь вопрос: почему именно он, Конфуций, а не Лао-цзы или Будда, всенародно объявлен «Символом Китая», а конфуцианство, а не даосизм или буддизм — официальной государственной идеологией Китая? А ответ таков. Потому что Конфуций всецело ратовал лишь за китайцев как якобы единственно великий (богом избранный) народ и за Китай как единственную «Поднебесную» в этом мире — великое и самодостаточное государство, тогда как весь остальной мир есть всего лишь «мир» («мирок»), не заслуживающий особого внимания.

Конечно, во времена Конфуция Китай достиг весьма высокой ступени культурного, научного и экономического развития, что давало ему основания делать подобные умозаключения. И свои идеи в качестве миссии Конфуций завещал навеки всем своим потомкам: народу и правителям (царям и императорам) государства Китая. Более того, еще при жизни он не только давал многочисленные советы и конкретные рекомендации по эффективному управлению государством (империей) и укреплению государственных устоев Китая, но и сам принимал живое участие, осуществляя многолетние поездки по всей стране и уговаривая правителей различных царств империи практически реализовывать свои идеи, при этом сам временами занимал довольно высокие государственные должности. В этом отношении Конфуций, разумеется, патриот своей страны. Но все же...

Конфуций — человек прежде всего Китая, рожденный для Китая и ратававший душой и телом за свой великодержавный Китай. Был ярким государственным деятелем (большим теоретиком и несостоявшимся практиком). Независимо от того, в какие душевспасительные, толерантные, мягкие слова, выражения, афоризмы, муд-

рости и т. д. он не облакал свои мысли, по сути это были завуалированные китаецентристские идеи, ценности, установки. Весьма возможно, что многих современных не критически мыслящих читателей Конфуция удивит довольно жесткое утверждение и нелিপеприятная характеристика «доброе мудреца» Конфуция. Тем не менее, не умаляя значения многих мудрых его мыслей, утверждаю, что критика справедлива.

Стоит еще раз внимательно прочитать его произведения, стараясь вникнуть в потаенные мысли и чаяния «великого Конфуция» (причем обязательно в сопоставлении с учениями Лао-цзы и Будды), — благо, его учение с многочисленными возвышенными комментариями издается непрерывно почти на всех языках мира. Более того, в Казахстане существуют, по некоторым данным, пять институтов Конфуция (не институтов Лао-цзы или Будды), созданных отечественными «конфуциологами». И это на фоне отсутствия до сих пор хотя бы одного, финансируемого из государственного бюджета Республики Казахстан, полноценного научно-исследовательского Института Абая, имя которого на словах превозносится, а на деле его вроде бы и нет.

Абая в мире мало кто знает, а вот Конфуция... Кстати, вопрос: есть ли Институт Абая в Китае? Вряд ли. Благо, что в 2020 г. намечено всенародно отметить 175-летие нашего великого соотечественника — мыслителя Абая Кунанбаева⁴.

К сожалению, почти никто в мире (кроме незначительного числа политических лидеров высшего эшелона Китая, которые, понятно, не афишируя, делают важные и нужные выводы исключительно в своих интересах) всерьез не обращает внимания на истинные, скрытые, «длинные и сверхдлинные» потаенные замыслы учения Конфуция, конфуцианства в целом. Последнее

⁴ Тех, кого интересует причина малой известности Абая за рубежом и что надо делать, чтобы его знали и признавали во всем мире (как, например, того же Конфуция), отсылаю к моим работам [2; 3].

весьма «почитаемо и необходимо» для возрождения, а затем восхождения, даже экспансии современного Китая в целях «исправления исторической несправедливости» (в частности, «исправления имен» по Конфуцию), которую, по мнению самих китайцев, якобы переживала страна неоднократно в своей многовековой истории и особенно в недалеком прошлом.

В частности, при внимательном анализе нетрудно убедиться в том, что руководителями Китая из учения Конфуция строго избирательно (селективно) берутся следующие его положения в качестве «руководства к действию».

- *«Я познаю все с помощью одной истины».* В новейшей истории для Китая есть «одна истина» — Китай должен стать полноценной сверхдержавой, какой он был в незапамятные времена, а следовательно, «познать все (весь мир. — У.А.) с помощью» этой «одной истины».

- *«О, если бы кто-нибудь призвал меня, я бы за год произвел перемены в стране».* Эти «перемены в стране» в виде перманентных революций и реформ не прекращаются вот уже в течение последних ста лет, включая «реформы по перевоспитанию» коренного населения Синцзянь-Уйгурского автономного района (Восточного Туркестана), жестко, даже жестоко, проводимые центральной и местной властью страны в последнее время.

- *«Правитель, не поучающий подданных, не может быть прям».* Чтобы стать «прямыми», правители Китая в своей новейшей истории так увлеклись «поучением» своих подданных, что порядком «наломали дров» и, более того, чтобы быть таковыми и впредь, продолжают делать последнее и в международных отношениях, поучая подданных других стран и даже нанося им прямой и невосполнимый материальный (экономический) и духовный ущерб (урон). Чего только стоит недавний громогласный «плач» по этому поводу в Совете Безопасности ООН президента другой сверхдержавы — США — Дональда Трампа, а также нынешние справедливые выступления отечественных патриотов Казахстана по раскрытию и обузданию немереных экономических appetites

и территориальных претензий КНР относительно нашей страны, а также политики ущемления прав человека и целых народов — социально-экономических и культурно-религиозных интересов огромного числа населения СУАР.

• *«Как на небе не может быть двух солнц (откуда знать тогда Конфуцию, что в космосе бесчисленное количество звезд-солнц. — У.А.), так и у народа не может быть двух правителей».* Так вот, руководство нынешнего Китая «благосклонно» считает: не может быть у человечества двух-трех правителей-стран, а должна быть одна единственная страна-правитель, и, конечно, это Китай.

• *«Единственная настоящая ошибка — не исправлять своих прошлых ошибок».* Чтобы не совершить эту «единственную ужасную ошибку», на которую указывает «сам» Конфуций, руководство современного Китая поступает просто, придерживаясь принципа: никогда не признавать за собой никаких ошибок — ни прошлых, ни настоящих (возможно и будущих) — как во внутренней, так и во внешней политике — «нет ошибок — нет исправлений». Но если уж есть какие-то ошибки, то обвинить во всех грехах (ошибках) других и убедить в этом всех, что и пытается делать Китай в последнее время, сваливая вину за COVID-19 на другие страны.

• *«Платить добром за зло — нелепость».* Если так, то, по Конфуцию, выходит: за зло платить надо злом по принципу «Око — за око, зуб — за зуб». А где же тогда проповедуемые им же человеколюбие, нравственность, благородство, добро? Кстати, этот принцип «мудрого Учителя» взят на вооружение руководством современного Китая в «торговых войнах» и мнимых «территориальных спорах» с другими, особенно соседними, странами.

• *«При разных принципах — не найти общего языка».* И эта «мудрость» Конфуция хорошо работает в современном Китае. Как известно, для нахождения «общего языка» нужны особый ум и настоящая мудрость, а также реализующее их высоконравствен-

ное искусство дипломатии. Но незачем «могущественному» Китаю обременять себя этими «дорогими качествами», достаточно иметь лишь силу — экономическую и военную, а также беспредельное (хочется сказать: беспардонное) нахальство — все вопросы будут положительно решены в пользу Поднебесной. Это и есть искомый «общий язык» в представлении как самого Конфуция, так и нынешнего великодержавного Китая.

• *«Соотношение между правителем и народом таково: император — всадник, чиновники и законы — узда и вожжи, народ — лошадь».* Внешне это выглядит безобидно, как красивая метафора. На самом же деле «человеколюбие» Конфуция заключается в том, что народ в целом (следовательно, каждый человек, кроме правителей и чиновников) есть всего лишь «лошадь», причем не какая-то породистая скаковая, а рядовая «рабочая лошадь». Раз так, то с позиции власти Китая, как государственной, так и местной, поступай с «лошадью», то бишь с народом, как хочешь, включая проведение над ним (нею) всяких реакционных, античеловеческих биологических (в том числе вирусологических) и перманентных, по сути безумных (несправедливых по сути и асоциальных по результатам) социально-экономических и «культурно-цивилизационных» экспериментов.

При этом «лошадь» обязана выполнять свою рабочую функцию безропотно, слепо поклоняясь (преклоняясь) тем, кто ее «оседлал» и держит «вожжи» согласно другому конфуцианскому принципу «эффективного» управления государством: «Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном», а значит, народ как «лошадь» — лошадью. А что произойдет, если «всадник(и)» — никудышный(ые), а «узды и вожжи» — чиновники и законы — несправедливы? Нетрудно представить себе незавидную участь «лошади». Она запросто может превратиться в... обыкновенную клячу — в лучшем случае, а в худшем — пополнить ряды так называемых «лишних ртов» («лишних людей») не только в своей стране, но и на земле в целом, от которых нужно избавиться как можно быстрее любыми

способами и средствами и сократить численность земного населения до «золотого миллиарда», а по некоторым авторитетным источникам, аж до 500 млн!

В реализации этой зловещей идеи «золотого миллиарда» работают многие секретные и сверхсекретные лаборатории, в первую очередь, лаборатории двух фондов-миллиардеров: Фонда Рокфеллера и Фонда Билла и Мелинды Гейтс [21]. Видимо, от них не хотят отстать и представители высшего эшелона власти современного Китая с почти полуторамиллиардным населением. От примеров «рационального» использования учения Конфуция руководителями современного Китая в системе государственного управления Поднебесной, а в будущем, возможно, и всем миром, недвусмысленно веет откровенным мальтузианством (неомальтузианством).

Итак, этими и другими глубинными мотивами и обстоятельствами объясняются особая «любовь» к Конфуцию и конфуцианству в целом и неумная прыть современного Китая по завоеванию лидерского статуса в будущем мировом пространственно-временном континууме по «наказу и завету» того же Конфуция. Это послужило объективным поводом не только для слепого восхищения и неуместной, а главное, необоснованной, зависти некоторых субъектов мирового сообщества (особенно нашего родного Казахстана) к достигнутым Китаем за последние десятилетия «громким успехам» — здесь заметим, во многом однобокими, искаженными, сомнительными, — но и для справедливой критики со стороны трезво мыслящих лиц и организаций мирового социума геэкономического, геополитического и геотерриториального глобалистско-экспансионистского курса руководства современного Китая (в частности, возникновение COVID-19, поразившего весь мир, многие связывают с Китаем).

Совершенно другое дело Лао-цзы — основоположник даосизма — человек Земли, мира, Вселенной, а не только Китая. Его «Поднебесная» — это прежде всего весь человеческий мир, тогда как «Поднебесная» Конфуция — Китай. Лао-цзы, безусловно,

оставаясь китайцем, даже гордясь своим этнопроисхождением, ратовал прежде всего за Человека как такового, а не конкретно за китайца, за Человечество, а не только за Китай. Вот что сказал он о себе: «Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое — это *человеколюбие*, второе — бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других». Вот его другое утверждение: «Честные люди не бывают богаты. Богатые люди не бывают честны». Такое космополитическое, подлинно гуманистическое учение Лао-цзы (даосизм) с идеями «бережливости» (умеренности), «не быть впереди других» (не высовываться и не кичиться), «честности», «жить для всех» и т. д., естественно, не радовали, не будут радовать и «греть сердце и душу» правителей Китая различных эпох и особенно руководства современного «ершистого и дерзкого» Китая.

Идеи Лао-цзы и при его жизни не сильно воодушевляли тогдашних правителей страны, один из которых тем не менее назначил его, вопреки его же протестам, министром правосудия, а потом быстро снял с этой должности из-за общечеловеческих качеств и справедливых и решительных деяний своего назначенца. В итоге и тогда, и сейчас Лао-цзы и его учение даосизм, *формально* составляющие один из трех столпов общекитайской духовности и идеологии, *фактически*, несмотря на подлинно гуманистическое его содержание, отодвинуто на задворки и не учитывается в целеполагающей (целеобразующей) части официальной государственной идеологии и политики⁵.

⁵ Кстати, есть сведения о трехдневной встрече молодого Конфуция с великим «учителем Лао», который преподавал ему настоящие уроки мудрости, делился своими мыслями. После возвращения Конфуций с восхищением, даже с некоторыми элементами протрации от всего услышанного от Лао-Цзы, рассказывал взахлеб и в иносказательной форме своим ученикам о его, хотя внешне противоречивой, но весьма глубокой и таинственной, даже порой не понятой им самим и во многом еще не «расшифрованной» до сих пор мудрости «старца Ли Эр» (Ли Эр — подлинное имя Лао-цзы). В частности, Конфуций уподобил Лао-цзы «Дра-

Хотя в то же время идея Лао-цзы об овладении ситуацией методом наименьшего приложения сил по отношению к *природе* стала основой экспансионистской политики руководства современного Китая, но по отношению к другим *странам и народам* в форме «политики мягких сил» (ПМС) она вместе с даосской идеей об использовании внешнего воздействия в свою пользу стала основой боевого искусства ушу и единоборств дзюдо и айкидо. Практической реализацией ПМС, в частности, является ныне осуществляемый по китайской инициативе грандиозный, по замыслу инициатора, проект «Один пояс — Один путь», естественно, «Пояс», охватывающий территории около ста стран мира, а «Путь», разумеется, исходящий из Китая.

Теперь немного о Будде (Сиддхартха Гаутама, Шакья-Муни) и его учении и религии — буддизме, который точно так же, как и даосизм, *формально* составляет один из трех «источников» общекитайской духовности и идеологии, хотя *фактически* мало что из него берется в официальную государственную идеологию и политику современного Китая. В самом деле, могут ли ублажать истинные намерения и практические амбициозные действия современного китайского руководства по завоеванию мирового рынка (пространства) с далеко идущим геоэкономическим, геополитическим и геотерриториальным «аппетитом» такие совершенно гуманистические положения учения Будды (буддизма), как «стремиться к добру», «не брать чужое», «не чувствовать злобы и зависти», «освободиться от бесконечных желаний все новых богатств и удовольствий», «правильно мыслить, правильно говорить, правильно действовать, вести правильный образ жизни» и другие поучительные наставления? Разумеется, нет. При этом мировоззрения даосизма и буддизма как учений объединяет одна главная черта — *природоцентризм*, а в его рамках — подлинный

кону», что в китайском мировоззрении и культуре считается самой высшей характеристикой человека. Но это, как говорится, совершенно (хотя не совсем) другая история.

гуманистический космополитизм в отличие от конфуцианства, чему присущ, главным образом, *антропоцентризм*, а в его рамках — китаецентризм.

Вот почему из трех первооснов общекитайской духовности (конфуцианство, даосизм, буддизм) пришлось ко двору, особенно современного Китая, именно *конфуцианство*, а не другие «измы», какими бы ценными и почитаемыми на словах они ни были. Несколькими видоизменяя известную фразу, можно сказать: «А ларчик-то («конфуциомания» китайцев. — У.А.) открылся просто!», хотя сам процесс поиска подходящего к ларчику «ключа» не совсем прост, как в этом, думаю, убедился или, надеюсь, сможет убедиться внимательный читатель сего опуса.

Конфуцианство (конфуциомания) прочно въелось в сознание не только простых людей, далеких от «ученых разговоров», но и людей высокой философии и науки, которые по определению обязаны были выяснить, почему дело обстоит именно так, а не иначе. Но нет — работает многовековая инерция мышления, не терпящая сомнений, глубокого самоанализа, самокритики и остающаяся в плену «бородатых» догм и «эффекта очевидного», в данном случае «эффекта конфуцианства»: ведь все хвалят Конфуция и его учение, а зачем же мне в них сомневаться?

Между тем сам Конфуций призывал: «Если кого-нибудь сильно хвалят, то следует его проверить». Вот я и «проверил» и «проверяю» с сомнением — почему все, особенно руководство современного Китая, захлеб превозносят именно Конфуция (а не Лао-цзы или Будду)? Почему создаются по всему миру именно институты и центры Конфуция (а не Лао-цзы или Будды)? Например, в одних только США их более 500. Почему повсеместно идет процесс открытого и скрытого навязывания изучения китайского языка (особенно в Казахстане)? В конце концов, в чем потаенный «длинный и сверхдлинный» смысл, «миссия» и следствие всех этих «телодвижений» со стороны руководства и бизнес-структур современного Китая с высоко поднятым знаменем «незабвенных

идей» Конфуция? Не веет ли ото всех этих процессов великоки-тайским шовинизмом в новых всемирно исторических условиях?

Впрочем, мое кредо как исследователя: *Сомневаясь — убеждайся, убеждаясь — сомневайся!* Только в этом случае можно получить ответы на эти животрепещущие, по сути, судьбоносные не только для современного и будущего Казахстана, но и для всего мира, вопросы.

Главный метод исследования — сравнение учений [1; 4—20]. Если учение Конфуция, получившее отражение в его книге «Лунь-юй» («Суждения и беседы») — мысли, афоризмы, притчи, советы — *антропоцентрично*, а значит, довольно ясно для понимания и относительно просто для реализации, то учение Лао-цзы, изложенное в его книгах «Дао дэ дзин» («Книга о дао-пути и благой силе — дэ») и «Дао дэ чинг» (Книга о дао-пути лидера), и учение Будды с его далеко нестандартной «логикой потаенного смысла» и «сложностью простоты» *природоцентричны* и трудны для восприятия и понимания (а некоторые фрагменты и вовсе не поддаются пока удобоваримой интерпретации), не говоря уже об их практической реализации. Но было бы желание — способы понимания и реализации нашлись бы.

В заключение подчеркнем: Лао-цзы и Будда как подлинные *мудрецы* (священномудрые) дарят всему человечеству ее величество *МЫСЛЬ* (*мысли*), тогда как Конфуций как *философ* (любитель мудрости) и *государственник* — дарит, причем, главным образом, китайцам и китайским правителям всех времен, преимущественно *советы*. А как известно, легче всего давать советы. Но еще хуже, если эти советы понимаются однобоко, принимаются и реализовываются избирательно, более того, не с благими намерениями, т. е. злонамеренно, тогда и результаты получаются соответствующими. Вот и наслушались и послушались «добрых советов» Конфуция (а не Лао-цзы и Будды) руководители новейшей истории Китая, которые творили и творят разного рода китаецентристские «чудеса» как внутри страны, так и в мировом масштабе.

Но на этом никоим образом нельзя ставить точку — только многоточие. Дискуссия, точнее, обмен знаниями (именно знаниями, а не мнениями, согласно Сократу) по этому вопросу, продолжается. Включайтесь, уважаемые читатели⁶!

Литература

1. *Абрамов Ю.А, Демин В.Н.* 100 великих книг. М.: Вече, 2000
2. *Алиев О.Ж.* Абайға апарар жол // Ақиқат. 2020. № 5.
3. *Алиев У.Ж.* Путь к Абаю // Мысль. 2020. № 8.
4. *Батлер-Будон Т.* 50 книг по философии. М.: Эксмо, 2014.
5. Буддистская мудрость. Притчи и цитаты... / Авт. текста Е. Леонтьева. М.: Эксмо, 2018.
6. *Вебер М.* Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017.
7. *Вяткин А.Д.* 50 великих книг о пути к истине. М.: Эксмо, 2014.
8. *Жалевич А.М.* 50 великих книг о мудрости. М.: Эксмо, 2014.
9. *Кемел М.* Ақыл қалта. Астана: Аударма Баспасы, 2007.
10. Конфуций / Пер. и комм. Б. Виногородского. М.: Эксмо, 2019.
11. Конфуций. Жобаның авторы Кемел. М.; Астана: Аударма, 2002.
12. Конфуций. Суждения и беседы / Отв. ред. П.С. Попов. М.: Азбука классика, 2009.
13. Лао-цзы / Пер. и комм. Б. Виногородского. М.: Эксмо, 2011.
14. Лао-цзы. Дао дэ цзин. Книга пути и достоинства. М.: Центрполиграф, 2012.

⁶ Свои видения и ведания (знания) обсуждаемого вопроса можете направлять автору (aliyevu@mail.ru). Буду благодарен.

15. Мир дзэн / Под ред. С.В. Пахомова. СПб.: Наука, 2016.
16. Мудрость Востока. Притчи Конфуция / Авт.-сост. М.В. Адамчик. Минск: Харвест, 2010.
17. Мудрость Конфуция: афоризмы и поучения / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. М.: ОЛМА Медиа групп, 2010.
18. *Таранов П.С.* Анатомия мудрости. 120 философов: В 2 т. Симферополь: Реноме, 1997.
19. Философия Дао в обучении и воспитании (по трудам Лао-цзы) / Сост. А.Л. Семенов. М.: Амрита, 2019.
20. *Шлионская И.А.* 50 великих книг, изменивших человечество. М.: Эксмо, 2015.
21. *Энгдаль У.Ф.* Семена разрушения. М.: Селадо, 2015.

References

1. *Abramov YU.A, Demin V.N.* 100 velikikh knig. М.: Veche, 2000
2. *Aliev O.ZH.* Abajra aparar zhol // *Akikat.* 2020. № 5.
3. *Aliev U.ZH.* Put' k Abayu // *Mysl'.* 2020. № 8.
4. *Batler-Boudon T.* 50 knig po filosofii. М.: ЕНkсмо, 2014.
5. *Buddistskaya mudrost'.* Pritchi i tsitaty... / Avt. teksta E. Leont'eva. М.: ЕНkсмо, 2018.
6. *Veber M.* Konfutsianstvo i daosizm. SPb.: Vladimir Dal', 2017.
7. *Vyatkin A.D.* 50 velikikh knig o puti k istine. М.: ЕНkсмо, 2014.
8. *ZHalevich A.M.* 50 velikikh knig o mudrosti. М.: ЕНkсмо, 2014.
9. *Kemel M.* Aqyl qalta. Astana: Audarma Baspasy, 2007.
10. *Konfutsij / Per. i komm. B. Vinogradskogo.* М.: ЕНkсмо, 2019.
11. *Konfutsij. ZHobanuң avtory Kemel. M.; Astana: Audarma,* 2002.

12. Konfutsij. Suzhdeniya i besedy / Otv. red. P.S. Popov. M.: Azbuka klassika, 2009.
13. Lao-tszy / Per. i komm. B. Vinogradskogo. M.: EHksmo, 2011.
14. Lao-tszy. Dao deh tszin. Kniga puti i dostojnstva. M.: TSENtrpoligraf, 2012.
15. Mir dzehn / Pod red. S.V. Pakhomova. SPb.: Nauka, 2016.
16. Mudrost' Vostoka. Pritchi Konfutsiya / Avt.-sost. M.V. Adamchik. Minsk: KHarvest, 2010.
17. Mudrost' Konfutsiya: aforizmy i poucheniya / Pod red. V.P. Butromeeva, V.V. Butromeeva. M.: OLMA Media grupp, 2010.
18. *Taranov P.S.* Anatomiya mudrosti. 120 filozofov: V 2 t. Simferopol': Renome, 1997.
19. Filosofiya Dao v obuchenii i vospitanii (po trudam Lao-tszy) / Sost. A.L. Semenov. M.: Amrita, 2019.
20. *SHlionskaya I.A.* 50 velikikh knig, izmenivshikh chelovechestvo. M.: EHksmo, 2015.
21. *EHngdal' U.F.* Semena razrusheniya. M.: Selado, 2015.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.М. КУЛЬКОВ

Жив Курилка, или Новые импульсы национальной экономики*

Аннотация. Целями исследования являются выявление и систематизация новых импульсов, вызывающих усиление роли национальных интересов и национальных экономик в современном мире и подрывающих основы утвердившейся модели глобализации. Среди внешних импульсов выделяется неравномерность развития разных стран, среди внутренних (применительно к современной России) — потребность осуществления модернизации и формирования адекватной национальной экономической системы. Формулируется вывод о необходимости перестройки соотношения национального и глобального аспектов и перехода к такой модели глобализации, которая будет придавать большее значение национальной идентичности и национальным интересам. Показывается, что адекватное научное отражение происходящих изменений возможно при утверждении в экономической теории национально ориентированного подхода.

Ключевые слова: национальная экономика, экономическая система России, глобализация, национальные интересы, национальная идентичность.

Abstract. The purpose of the article is to identify and systematize new impulses that enhance the role of national interests and national economies in the modern world and undermine the foundations of the established model of globalization. The uneven development of different countries stands out among the external impulses, and the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кульков В.М. Жив Курилка, или Новые импульсы национальной экономики // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 111—124.

need for modernization and the formation of an adequate national economic system — among the internal ones (as applied to modern Russia). A conclusion is made about the need to restructure the ratio of the national and global aspects and the transition to a model of globalization that will attach greater importance to national identity and national interests. It is shown that an adequate scientific reflection of the ongoing changes is possible with the approval of a nationally oriented approach in economic theory.

Keywords: national economy, Russian economic system, globalization, national interests, national identity.

УДК 339.9
ББК 65.52

Современный мир столкнулся с целым рядом новых вызовов. Некоторые из них связаны с распространением и закреплением передовых технологических трендов, из которых особо выделяется процесс цифровизации. Претерпевает глубокие метаморфозы глобализация, казалось бы, прочно утвердившаяся на рубеже последних веков. А с ней соседствует и кризис мирохозяйственных отношений в его разных выражениях. Проявляют себя в новых условиях и формах и привычные кризисы: циклический, структурный и прочие. На это наложилась неожиданно обрушившаяся на весь мир пандемия коронавируса COVID-19, которая, несмотря на, казалось бы, первоначально чисто медицинское измерение, породила множество разнообразных проблем и поводов, касающихся и экономической деятельности, и социальных отношений, и общегуманитарных аспектов, способов поведения людей и ценностей.

Все это происходит на наших глазах и порождает «новую реальность (нормальность)». Но эту реальность не надо воспринимать только как какой-то форс-мажор или как какую-то временную волну, которая, хотя и может подняться высоко, неизбежно спадет. Новая реальность отражает более глубокие изменения системообразующего характера.

Одним из таких изменений стало возрастание роли национальных государств, национальных экономик. Это проявляется, прежде всего, в усилении внимания к обеспечению государственного суверенитета, национальных интересов, экономической и общей национальной безопасности отдельных стран. В реальности это принимает разные конкретные формы: ослабление притягательности интеграционных группировок (здесь особенно показательны примеры, связанные с европейской интеграцией: это и брексит, и низкая консолидация усилий по борьбе с пандемией, и растущее нежелание ряда стран слепо идти в фарватере брюссельской бюрократии и др.), разрушение международных торговых соглашений (речь, прежде всего, идет о так и не состоявшихся Трансатлантическом и Транстихоокеанском торговых партнерствах), резкое обострение американо-китайского торгового противоборства, противодействие миграционным потокам, рост национального внешнеторгового протекционизма, более активная забота о национальных товаропроизводителях (в том числе путем возвращения производств из-за рубежа на национальную территорию в рамках курса на реиндустриализацию, что особенно активно осуществляют в последние годы США) и др. Как видно, это довольно широкий перечень форм, явно контрастирующий с принципами и практикой глобализации, утвердившейся в последние десятилетия и пришедшей, казалось бы, навсегда.

Начинает напоминать о себе, как многим казалось, анахроничная Вестфальская система международных отношений, закрепившаяся в Европе еще в середине XVII в. по итогам Тридцатилетней войны. Ее основными чертами явились принцип государственного суверенитета, приоритет национальных интересов, равенство прав государств, невмешательство во внутренние дела и т. п., которые сыграли свою историческую роль — в том числе в образовании новых национальных государств. Но происходившие в мире последующие грандиозные изменения привели к трансформации международных отношений, а значит, и самой Вестфальской системы. И вершиной этого процесса стала глоба-

лизация, выразившаяся в унификации хозяйственных и общественных отношений, важной роли международных организаций и транснациональных компаний, возникновении международного гуманитарного права и выросшей роли прав человека относительно государственного суверенитета, подрыве национальной идентичности и т. п. Стало принято говорить о «крушении Вестфальской системы и становлении нового мирового порядка» [3].

То, что мы наблюдаем сегодня, заставляет оценивать это явление, по крайней мере, менее категорично. Наблюдается разворот в сторону усиления внимания к национальным аспектам развития и функционирования экономик, к роли национальных интересов и национальной безопасности, к вопросам обеспечения государственного суверенитета. Повышается интерес к проблемам теоретической интерпретации национальной экономики, к во многом забытому научному наследию исторической школы («национальной системе политической экономии»), на протяжении почти двух веков нещадно критикуемому представителями универсалистских парадигм. Похороны национального государства и национальной экономики оказались слишком поспешными. Получилось, как в известном выражении «Жив курилка!», когда судят о том, кто пропал, исчез и вдруг неожиданно обнаружился, объявился.

Важно понимать, что указанный процесс не является чисто субъективным действием со стороны определенных политиков, экономистов и, тем более, каких-то маргинальных сил. Он имеет свои объективные основания.

Важнейшее из них связано с неравномерностью экономического развития разных стран в условиях рыночного хозяйства. Известный в свое время политэкономический постулат о неравномерности развития подвергся забвению под натиском объединительных, интеграционных и, наконец, глобальных процессов, захлестнувших весь мир, втягивающих разные страны в «единую мировую цивилизацию» и увенчанных учебно-научным мейнстримом универсалистского характера в экономической теории. Сложившаяся либеральная модель глобализации, изначально и

долгое время служившая интересам базирующихся в США крупнейших транснациональных корпораций, подмявших под себя мировые цепочки создания стоимости, на определенном этапе стала испытывать затруднения. Они выразились в укреплении экономических позиций других игроков (прежде всего, Китая), сумевших успешно вписаться в данную модель глобализации и занять весомые позиции в качестве звеньев указанных мировых цепочек. Предпринятая США попытка изменить указанные тенденции, усилить американские акценты и интересы, ослабить позиции конкурентов стала реакцией на сложившееся в мировой экономике положение дел. «Очевидно, что стратегия США исходит из необходимости препятствовать всей силой своего финансово-правового потенциала развитию ключевых отраслей в странах, которые квалифицируются как противники. Иными словами, государства, чьи геополитические интересы расходятся с интересами Вашингтона, исключаются из глобальных цепочек поставок» [8]. Как результат этих сдвигов — расстройство мирохозяйственных отношений, выразившееся в росте внешнеэкономического протекционизма, избирательном использовании санкций, развязывании торговых войн, отказе от ранее намеченных торговых объединений и т. п. Это привело к укреплению национального эгоизма применительно к американской и, посредством обратной реакции, к экономикам других стран. При этом следует заметить, что курс на обладание ключевыми глобальными цепочками затрагивает в большей степени реальный сектор экономики и отражает национально-производственную доминанту в отличие от финансово-торговой доминанты, более характерной для утвердившейся в последние десятилетия модели глобализации. Иначе говоря, острые схватки возникают именно в производственной сфере — там, где реализуют себя интересы национальных товаропроизводителей, а не космополитического капитала, что еще более подчеркивает национальный срез проблемы.

Важно отметить, что нарастание указанного эгоизма со стороны других экономик — это не только обратная сторона реакции

на американский подход. Оно во многих случаях вызвано стремлением государств реализовать свою национальную стратегию развития, увязывая ее с укреплением своего экономического суверенитета, подорванного в результате либеральной модели глобализации и реализации доктрины геополитически ограниченного суверенитета государств. Конечная причина коренится в неравномерности развития, которая меняет позиции мировых игроков, изменяет отношение к глобализации (или к ее сложившейся модели) и приводит к сдвигам в соотношении национального и глобального. Современный сдвиг характеризуется усилением именно национальной ориентации.

К тому же сложившаяся модель глобализации выразилась в целом ряде негативных последствий: усиление спекулятивного характера экономики, деиндустриализация, углубление социального неравенства, ухудшение позиций среднего класса и т. п. Романтизм, которым еще совсем недавно была окутана глобализация, начал испаряться. Процесс глобализации нашел свое выражение также в навязывании определенных черт социокультурного, институционально-экономического и иного характера в качестве универсальных для всех стран, в размывании национальной идентичности. Это не могло не вызывать отторжения. К тому же неучет особенностей стран часто подрывает национальные конкурентные преимущества, а возрастающая бюрократизация принимаемых решений (это особенно характерно для Европейского союза) сопровождалась слабым вниманием к социальной специфике стран. В итоге стали усиливаться характеристики «холодного общества», в котором наблюдается дефицит социальной солидарности и социального внимания; в этих условиях национальное государство начинает выглядеть как «теплое общество», позволяющее учесть социально-историческую специфику разных стран (включая их социальную структуру), роль исторического наследия и т. п. Играет свою роль и присущая постиндустриальному развитию неопределенность, страх перед будущим: желание возврата к своим национальным и духовным корням, надежда на получение больших гарантий надежности и взаимоподдержки выступают

как своего рода защитная реакция на крайности универсализации и глобализации. Все это усиливает основания для укрепления национальных акцентов, ведет к росту общественной поддержки тех политических сил (по крайней мере, в Европе), для которых большее значение имеют вопросы национальной идентичности. Конечно, не обходится здесь и без популизма, но при этом в анализе надо акцентировать первоочередное внимание на более глубоких процессах, вызывающих общественное брожение, а не делать поспешные выводы в стиле «популизм — это разновидность политики идентичности» [1, 23].

Важным фактором нашего времени стала цифровизация технологических процессов, экономической и общественной жизни. Аналитика полна данных, свидетельствующих о высокой эффективности цифровых технологий. Но обратим внимание в свете анализируемой нами проблемы на то, какое влияние оказывает цифровизация на позиционирование национальной экономики. С одной стороны, она вроде бы сокрушает национальные барьеры, проходя «катком» по государственным границам и тем самым продолжая дело глобализации универсализации. Но вместе с тем цифровизация порождает целый ряд проблем другого характера, заставляющих обращать большее внимание на специфику и значимость национальной экономики и национального государства, на формирование национальной модели цифровизации. Дело в том, что цифровизация усиливает неопределенность общественных процессов, расширяет возможности всякого рода манипуляций, несанкционированного вмешательства в личную жизнь граждан, в хозяйственную деятельность фирм, во внутренние дела государств, что значительно снижает уровень доверия. Возрастает опасность превращения людей в «придаток цифры» и, более того, возникновения мирового цифрового тоталитаризма. Новые технологии (при их обладании ведущими мировыми игроками) могут серьезно подорвать технологическую, экономическую и общую национальную безопасность стран, не входящих в пул доминирующих государств, закрепить их хронически периферийное поло-

жение в структуре глобальных цифровых экономических цепочек. В этих условиях национальное государство и национальная экономика выступают как серьезный барьер, сдерживающий негативные процессы в цифровой сфере, и как стимулятор, направляющий цифровизацию в русло реализации национальных интересов. Становится все более ясным, что формирование цифровой экономики (в том числе в России) должно происходить в форме определенной национальной модели, отражающей всю совокупность национальных условий и целей, присущих стране.

В таком же свете можно оценивать и распространение пандемии коронавируса COVID-19. Несмотря на ее форс-мажорный, аварийный и, казалось бы, узкомедицинский характер, указанная проблема высветила более широкие аспекты, и это очень выпукло представлено в одной из первых книг по данной теме [2]. И один из этих аспектов вновь проявляет себя в национальном ракурсе. Вполне логичным представлялось, что наиболее эффективный путь противодействия пандемии состоит в координации усилий разных государств, в активной роли международных организаций (в данном случае ВОЗ — Всемирной организации здравоохранения). На деле, мы слышим серьезные упреки в адрес ВОЗ относительно низкой эффективности ее работы, видим пример Европейского союза, проявившего неспособность результативно координировать борьбу с коронавирусом и оказывать поддержку нуждающимся странам своего региона. И, напротив, во многих случаях показала свою относительно более высокую эффективность борьба с пандемией, проводившаяся в тесной связи с политикой национальных правительств, более адекватно учитывающей пространственные, демографические, социокультурные, социально-экономические и другие особенности разных стран и формировавшей (более или менее четким способом) национальные модели борьбы с охватившей весь мир пандемией. Этот вывод тем более важен, что трудно дать гарантии того, что не придут «новые волны» коронавируса или не случатся новые процессы подобного рода. При этом речь, конечно, не идет о национальном «оуклиивании» проблемы; потенциал международного сотрудничества в

данной области велик, но необходимо видеть и эффективные рычаги национального влияния.

Усиление национального аспекта связано и со сдвигами, происходившими в «турбулентное десятилетие», начавшееся в период мирового кризиса 2008—2009 гг. Они выразились в усилении роли государства, государственного регулирования в экономике и снижении роли чисто либеральных методов координации — иначе говоря, в «тренде на усиление этатизма и кризисе классического либерализма» [7, 7]. Государство — стержень национальной экономики, системный выразитель общенациональных интересов, и возрастание его роли неизбежно усиливает национально-ориентированное отражение экономической системы, утвердившейся в стране. Можно обозначить данный вывод и следующим образом: соотношение государства и рынка — это не просто соотношение двух способов аллокации ресурсов и координации хозяйственной деятельности, но это и выражение большей или меньшей национальной ориентации экономики. Рынок выступает как более универсальный, наднациональный механизм, государство (несмотря на свое присутствие в разных странах) в большей степени вбирает в себя национальные «примеси», учитывая специфику страны во всем ее объеме. Поэтому произошедший в мире сдвиг в сторону этатизма можно позиционировать и как возрастание роли национальной экономики и усиления внимания к ней.

Таким образом, имеется немало аргументов и свидетельств того, что национальная экономика в наше время приобретает как бы «второе дыхание», подпитываясь новыми импульсами, которые были рассмотрены выше. Все это имеет отношение и к России, хотя ее специфика специально при этом не анализировалась. Но для России национальная повестка становится еще более востребованной и по внутренним причинам.

К этим причинам надо, прежде всего, отнести необходимость проведения всесторонней экономической модернизации в единстве ее технологической, структурной, воспроизводственной, социальной, институциональной сторон. Сформулированные

ранее программы социально-экономического развития страны оказались невыполненными, что сокращает ресурс времени и делает задачу модернизации еще более острой. Другой причиной являются внешнеэкономические и геополитические трудности, связанные с санкциями и другими формами давления: они вынуждают искать адекватные национальные ответы — в частности, в форме импортозамещения, большей поддержки отечественных производителей.

Но более масштабное и фундаментальное значение имеет формирование национальной экономической системы, т. е. такой системы, которая отражает весь набор национально-специфических факторов, целей и интересов, присущих России, и обеспечивает на данной территории расширенное воспроизводство и жизнедеятельность народа (нации). Строго говоря, такая система в России не сложилась до сих пор, а то, что утвердилось, скорее, представляет собой квази-систему, слепленную из противоречивых остатков наследия последних трех десятилетий. Это к тому же не позволяет говорить и о полном завершении переходного периода, поскольку оно предполагает переход к более эффективной и конкурентоспособной экономике, которую можно обрести только в результате глубокой модернизации [4, 53]. Автор не раз обращался к проблеме содержания и формирования экономической системы (модели) России [6] и не ставит в данном случае задачи ее подробного анализа.

Главное состоит в том, что широкий набор факторов (причин, вызовов) — причем как внутренних, так и внешних — выступает в качестве новых импульсов национальной экономики, обеспечивающих ей своеобразное «второе дыхание» и усиливающих внимание к ней — и практическое, и научное. Курилка оказался жив! Слухи о его кончине не подтвердились. История сделала очень большой круг (от Вестфальской системы до глобализации) и, возможно, начинает новый оборот.

При этом надо избегать крайностей и не считать, что глобализация скоро «канет в Лету». Она имеет свои объективные причины, которые во многом сохраняются и даже, возможно, в чем-

то усилятся и расширятся, примут новое облачение. Скорее, речь должна идти о перестройке соотношения национального и глобального, а именно о формировании такой модели, которая, в отличие от уходящей модели глобализации, будет признавать большее значение национальных особенностей и национальных интересов и в этом смысле станет более сбалансированной и справедливой. Российская экономическая система, идентифицируя себя особым образом, может вписаться в современные мировые процессы и, более того, стать одним из катализаторов формирования нового соотношения глобального и национального.

Любопытно, что представители российского мейнстримовского истеблишмента также признают «усиление роли национальной повестки по отношению к глобальной» и то, что «национальные интересы вновь выходят на первый план перед глобальными или региональными» [7, 9]. Но при этом, как видится, речь здесь ведется, во-первых, о «ближайшем времени», а во-вторых, о как бы вынужденном отступлении. Между тем имеются основания для вывода о возможности утверждения такой конструкции отношений, которая предполагала бы более прочное и долгосрочное положение национальных экономик и государств в новом миропорядке, что до недавнего времени многими считалось едва ли не утопичным.

Адекватное переосмысление должно произойти и в экономической теории, имея в виду то, что она (в ее господствующем мейнстримовском выражении) сильно смещена в сторону универсалистского объяснения экономических процессов, недооценки национальной идентичности. Показательно признание в том, что «политика идентичности — непростая тема для экономистов. До недавнего времени экономическая теория не оставляла места для идентичности» [1, 21]. Все более востребованным в этих условиях становится национально ориентированный подход, содержание которого сводится к «необходимости учета и теоретического отражения всей совокупности национально-специфических факторов, присущих стране, долгосрочных целей национального разви-

тия и национальных интересов и их воздействия на экономическую жизнь» [5, 91]. Акцент на национальной ориентации, на «национальной повестке» должен коснуться всех частей экономической теории, включая политическую экономию, институциональную теорию, макро- и микроэкономику и более частные и сопутствующие направления. В таком случае все они получают национальную подпитку в рамках своих локальных парадигм, которые при этом станут более реалистичными и адекватными национальному хозяйствованию. Но более масштабными и продуктивными стали бы усилия по формированию целостного облика национальной экономической системы. Особого внимания и поддержки в этом контексте заслуживают попытки созидания такой интегральной научной парадигмы, в которой бы стержнем (или одним из стержней) интеграции стал именно национальный компонент. В этом ряду выделяется богатое творческое наследие недавно безвременно ушедшего от нас В.Т. Рязанова, активно разрабатывавшего «диалектику всеобщего и особенного», конструкцию «современного неомарксистского синтеза» и другие фундаментальные научные проблемы [9]. В структуре образовательных дисциплин интеграция подобного рода могла бы найти свое выражение в формате учебного курса, который был бы специально посвящен теории национальной экономики или российской экономической системе.

Литература

1. *Веласко А.* Признание идентичности // *Финансы и развитие.* 2020. № 2. С. 21—23.
2. *Коронованная пандемия и зачарованный мир /* Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. 408 с.
3. *Кортунов С.В.* Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm> (дата обращения: 20.08.2020).

4. *Кульков В.М.* Завершился ли переходный период в экономике России? // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2015. № 4. С. 45—59.

5. *Кульков В.М.* Пространство и содержание национально ориентированного подхода в экономической теории // *Российский экономический журнал.* 2013. № 2. С. 71—97.

6. *Кульков В.М.* Российская экономическая модель: этапы и новые вызовы // *Философия хозяйства.* 2018. № 5. С. 55—66.

7. *Мау В.А.* Экономика и политика 2019—2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы // *Вопросы экономики.* 2020. № 3. С. 5—27.

8. *Ремчуков К.* Доктрина геополитически ограниченного суверенитета и отказ от основ глобализации // *Независимая газета.* 2020. 31 мая.

9. *Рязанов В.Т.* Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя. 436 с.

References

1. *Velasko A.* Priznanie identichnosti // *Finansy i razvitie.* 2020. № 2. S. 21—23.

2. *Koronovannaya pandemiya i zacharovannyj mir / Pod red. Yu.M. Osipova, A.Yu. Arhipova, E.S. Zotovoj.* Rostov-na-Donu; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2020. 408 s.

3. *Kortunov S.V.* Krushenie Vestfal'skoj sistemy i stanovlenie novogo mirovogo poryadka: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm> (data obrashcheniya: 20.08.2020).

4. *Kul'kov V.M.* Zavershilsya li perekhodnyj period v ekonomike Rossii? // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz.* 2015. № 4. S. 45—59.

5. *Kul'kov V.M.* Prostranstvo i sodержanie nacional'no orientirovannogo podhoda v ekonomicheskoy teorii // *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal.* 2013. № 2. S. 71—97.

6. *Kul'kov V.M.* Rossijskaya ekonomicheskaya model': etapy i novye vyzovy // *Filosofiya hozyajstva*. 2018. № 5. S. 55—66.

7. *Mau V.A.* Ekonomika i politika 2019—2020 gg.: global'nye vyzovy i nacional'nye otvety // *Voprosy ekonomiki*. 2020. № 3. S. 5—27.

8. *Remchukov K.* Doktrina geopoliticheski ogranichenogo suvereniteta i otkaz ot osnov globalizacii // *Nezavisimaya gazeta*. 2020. 31 maya.

9. *Ryazanov V.T.* Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza. SPb.: Aleteya. 436 s.

А.В. КУЗНЕЦОВ

Цифровизация как логика глобальных корпораций*

Аннотация. Главным фактором текущей деглобализации мировой экономики является противоречие между глобальностью рынка и преимущественно национальным уровнем его регулирования. Такие структурные элементы ныне действующей Ямайской валютной системы, как «плавающие» валютные курсы, свободное движение капитала и доллар США как мировая резервная валюта, позволяют многонациональным компаниям накапливать свои активы темпами, многократно превышающими рост мирового ВВП. В отсутствии эффективных механизмов регулирования мировой экономики и мировых финансов данные асимметрии могут привести к созданию кибернетической финансовой системы с

*Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кузнецов А.В. Цифровизация как логика глобальных корпораций // *Философия хозяйства*. 2020. № 5. С. 124—139.

ведущей ролью высокотехнологических наднациональных корпораций, монополизировавших контроль над Большими данными. Для достижения целей устойчивого развития и защиты реального сектора суверенных государств от неконтролируемой цифровизации необходима централизация финансовых потоков на региональном уровне.

Ключевые слова: глобальное управление, деглобализация, промышленная революция, цифровизация, многонациональные компании, национальный суверенитет, устойчивое развитие, централизация финансовых потоков

Abstract. The main factor in the current de-globalization of the world economy is the contradiction between the global nature of the market and the predominantly national level of its regulation. The structural elements of the current Jamaican monetary system, such as floating exchange rates, free capital movement, and the US dollar as the world's reserve currency, allow multinational companies to accumulate their assets at rates many times higher than the growth of world GDP. In the absence of effective mechanisms for regulating the world economy and world finances, these asymmetries can lead to the creation of a cybernetic financial system with the leading role of high-tech supranational corporations that monopolize control over Big Data. In order to achieve sustainable development goals and to protect the real sector of sovereign states from uncontrolled digitalization, it is necessary to centralize financial flows at the regional level.

Keywords: global governance, de-globalization, industrial revolution, digitalization, multinational companies, national sovereignty, sustainable development, centralization of financial flows.

УДК 330, 339
ББК 65в, 65.5

Деструкция глобального управления

Вследствие распространения неолиберальной доктрины на все страны мира организации, созданные при явном доминировании США после Второй мировой войны для регулирования международных финансовых и экономических отношений, более не в состоянии адекватно выполнять роль арбитров на поле глобальной экономики. Основное противоречие, возникшее в результате глобализации, заключается в непропорциональном разделении ее издержек и выгод между суверенными государствами, масштабы оперирования которых ограничены рамками межправительственных соглашений и национального законодательства, и многонациональными корпорациями (МНК), которым предоставлена неограниченная свобода действий на нерегулируемом глобальном рынке.

Итак, под влиянием процессов глобализации главные субъекты международных экономических отношений — государства и МНК — вошли в фазу жесткого противостояния в борьбе за дефицитные мировые ресурсы. Эта борьба происходит в условиях полномасштабного развертывания двух мегатенденций — перехода на новые технологии, с одной стороны, и обострения глобально значимых социально-экономических проблем, с другой стороны.

Переход на новые технологии всегда в истории сопровождался сменой мирового валютного порядка. Так, реализации преимуществ всеобщей механизации производства (1-я промышленная революция) способствовала активизации международной торговли благодаря введению золотого стандарта. Появление массового производства (2-я промышленная революция) стало возможным вследствие перехода к частично обеспеченным деньгам золотодевизного стандарта. Повсеместное внедрение компьютеров в облуживание экономических процессов (3-я промышленная революция) происходило в рамках утверждения в мировой финансо-

вой системе мультивалютного стандарта необеспеченных (фиатных) денег. На современном этапе широкое внедрение цифровых технологий (4-я промышленная революция) сопровождается принятием инновационных решений (например, в виде создания криптовалют) в организации международного денежного обращения для приведения его в соответствие с повсеместной цифровизацией мировой экономики и мировых финансов.

Новая валютная система может стать интегратором всех предыдущих валютных стандартов на инновационной цифровой платформе. С большой долей уверенности можно предположить, что ведущие позиции в этой новой финансовой архитектуре сохранятся за англосаксонскими странами — Великобританией и США, которые выступают авторами и инициаторами всех промышленных революций и международных валютных стандартов¹.

По мнению бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, пандемия COVID-19 навсегда изменит существующий мировой экономический порядок [11]. Характерно, что широкое использование в производстве аддитивных технологий 4-й промышленной революции снижает потребность стран в международном обмене ресурсами и факторами производства. Поэтому пандемию COVID-19 можно рассматривать как своеобразную проверку готовности суверенных государств к переходу на новые технологии, в итоге которого наиболее неприспособленные государства могут навсегда оказаться отрезанными от доступа к более высокому уровню развития.

Исходя из вышеизложенного ключевая задача деятельности национальных финансовых институтов должна заключаться в ор-

¹ Можно предположить, что залогом двухвекового научно-технологического и валютно-финансового лидерства англосаксов в мире является напряженное противостояние в форме внутриродовой конкуренции (за право установления единого контроля над процессами глобального развития), которое не прекращается со времен объявления США своей независимости от Великобритании.

ганизации должного финансирования конкурентоспособных проектов цифровой экономики для перехода традиционных отраслей промышленности на новые технологии.

Глобальные корпорации и национальные институты

Следует подчеркнуть, что каждый раз прорыв в новые технологии сопровождался значительной мобилизацией потенциала социально-экономических систем и централизацией контроля над финансовыми потоками. В данной связи представляется целесообразным вкратце обратиться к опыту британской послевоенной мобилизации, когда эта страна из крупнейшей мировой империи превратилась в «младшего» партнера США. Этот опыт полезен в контексте проведения исторических сопоставлений с Россией, утратившей свою «империю» и статус сверхдержавы в 1991 г.

После Второй мировой войны Британия была вынуждена отказаться от множества имперских преференций и распродать в пользу США значительную часть своих транснациональных активов. При этом, однако, Великобритания не отказалась от идеи восстановления своей мировой значимости и пошла по нестандартному пути, кардинально изменив принципы управления экономикой, господствовавшие на протяжении нескольких столетий существования Британской империи. Перестройка началась с национализации в 1946 г. Банка Англии, находившегося с 1694 г. в частной собственности. После этого под государственный контроль перешли практически все системообразующие отраслевые компании-монополии, такие как *British Gas*, *British Aerospace*, *British Steel*, *British Telecom*, *British Petroleum*, *Rolls-Royce* и *Jaguar*. Одновременно налоги на богатых были повышены до беспрецедентного в истории уровня. Так, вплоть до тэтчеровских реформ максимальная процентная ставка налога, по которой облагались доходы наиболее состоятельных граждан, составляла 98% [5, 501]. Следует подчеркнуть, что у Британии никогда не было значимых банков развития, а функции финансирования эконо-

мики возлагались на высокоцентрализованную финансовую систему во главе с Банком Англии (формально подчиненным Казначейству Ее Величества) и лондонским Сити.

Несмотря на то, что США получили наибольшие выгоды от Второй мировой войны, они также взяли курс на кейнсианскую экономику, во многом используя элементы британской послевоенной экономической модели развития. Как отмечал глава ФРС США А. Гринспен, до середины 1980-х гг. в США деятельность американских компаний вплоть до мельчайших деталей осуществлялась под строгим государственным контролем [1, 79]. По утверждению лауреата Нобелевской премии по экономике памяти Альфреда Нобеля Дж. Стиглица, государство оказывало продолжительную поддержку ряду отраслей американской промышленности пока они не достигли высокого уровня международной конкурентоспособности [7, 35]. Европейские и японское правительства также старались не отставать от англосаксонских лидеров глобализации в плане стимулирования своих национальных чемпионов².

Побочные негативные последствия государственной поддержки корпораций проявились сразу после разрушения биполярной системы, когда их активы впервые превысили размер мирового ВВП. С этого момента корпорации стали демонстрировать опережающую динамику своего развития относительно суверенных государств. Так, в течение 1990—2018 г. добавленная стоимость, произведенная иностранными филиалами многонациональных компаний (МНК), возросла в 4,4 раза, а их совокупные активы увеличились в 17 раз. В этот же период мировой ВВП увеличился лишь в 2,6 раза. Всего около 2% от общего числа занятых

² Государственная поддержка корпораций в полной мере проявилась во время глобального финансового кризиса, когда правительства стран G7 для спасения корпораций от неминуемых банкротств в рамках политики количественного смягчения предоставили им практически неограниченный объем ликвидности без предъявления каких-либо существенных встречных требований, обязательных для исполнения.

в мире работают в иностранных филиалах МНК, на которые приходится более половины создаваемой в мире добавленной стоимости [17, 18]. Возрастающие диспропорции между темпами прироста активов МНК и мирового ВВП означают, что МНК перенаправляют в свою пользу большую часть создаваемого в мире интеллектуального и финансового капитала. Несмотря на снижение роста объемов мировой торговли, начавшееся после финансового кризиса 2009—2009 гг., продажи и активы МНК продолжали расти, что говорит о переориентации стратегий МНК с внешнего на внутренний спрос. Диспропорциональный рост активов МНК представляет значительные суверенные риски для национальных государств.

Необходимо отметить, что достижение целей устойчивого развития ООН к 2030 г. требует создания новой инфраструктуры и новых источников энергии, для финансирования которых необходимы огромные долгосрочные инвестиции в сферу исследований и разработок с длительными сроками окупаемости. Например, по оценкам управляющего Банка Англии М. Карни, сегодня глобальный спрос только на инфраструктурные проекты «зеленой» экономики составляет 90 трлн дол. [3, 14]. Однако корпоративный сектор не демонстрирует готовности мобилизации требуемого для данных проектов объема ресурсов. В настоящее время сотни триллионов долларов «простаивают» в непроизводительных ценных бумагах и производных от них экзотических финансовых инструментах. Кроме того, десятки триллионов долларов находятся на счетах богатых индивидов и корпораций в офшорных налоговых гаванях [15], причем в списке по выводу капиталов в офшоры как раз лидируют американские высокотехнологические компании цифровой экономики [9].

Следует подчеркнуть, что в мировой корпоративной иерархии лидирующие позиции по размеру располагаемых финансовых ресурсов принадлежат компаниям-посредникам, которые сами не производят никакого продукта, а лишь предоставляют в коммер-

ческое пользование глобальные виртуальные площадки для торговли готовой продукцией, выступая своеобразными цифровыми супермаркетами. К таким компаниям, например, относятся *Microsoft*, *Apple* и *Amazon*, размер капитализации каждой из которых приближается к размеру ВВП России, а личное богатство их индивидуальных собственников составляет от одной десятой до одной пятой части доходов всего российского бюджета (табл. 1).

Таблица 1

Капитализация крупнейших компаний цифровой экономики и богатство их собственников

Компания	Капитализация, млрд дол. (20.04.2020 г.)	Размер личного богатства основного(-ых) собственника(-ов), млрд дол. (18.03.2020 г.)
<i>Microsoft</i>	1330	98 (<i>Bill Gates</i>) + 64 (<i>Steve Balmer</i>)
<i>Amazon</i>	1190	113 (<i>Jeff Bezos</i>) + 36 (<i>MacKenzie Bezos</i>)
<i>Apple</i>	1249	—
<i>Google</i>	886	50,9 (<i>Larry Page</i>) + 49,1 (<i>Sergey Brin</i>)
<i>Facebook</i>	542	54,7 (<i>Mark Zuckerberg</i>)
<i>Oracle</i>	169	59,0 (<i>Larry Ellison</i>)
<i>Справочно</i>		
	ВВП в 2019 г., млрд дол.	Доходы бюджета в 2019 г., млрд дол.
Россия	1 637	594

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных: [10; 14; 16].

Показательно, что подобные диспропорции в доступе к финансовым ресурсам между ведущими государствами и МНК обуславливают принципиальную неосуществимость реализации инфраструктурных проектов «зеленой» экономики, необходимых

для достижения целей устойчивого развития. Пандемия COVID-19 четко продемонстрировала заинтересованность частных высокотехнологических корпораций в переводе в виртуальную сферу всей мировой экономической активности, что позволит этим компаниям не только закрепиться на достигнутых финансовых рубежах, но и получать абсолютную монопольную ренту от обслуживания виртуальной экономики, для которой реальный сектор представляет прямую конкуренцию. А это означает, что необходимые инвестиции в насущные инфраструктурные проекты в реальном секторе экономики так и не будут осуществлены, что угрожает медленным сползанием мирового сообщества в цифровое средневековье. В данной связи России нужен нестандартный подход для адаптации к грядущим изменениям.

Узлы глобальной конфронтации

Основной геополитической особенностью современного развития России является вхождение страны в очередной период жесткой конфронтации с Западом, начало которой было положено еще в 1555 г. с учреждением англичанами своей Московской компании. Это вселяет надежду на восстановление глобального баланса сил.

Данное противостояние, однако, усугубляется тем фактом, что на современном этапе процессы англобализации вступили в свою новейшую фазу — глобализм [4], который проявляется в трех измерениях: 1) создание проблем, одинаково актуальных для всего человечества, таких, например, как пандемии, глобальное потепление, терроризм, глобальные дисбалансы, финансовые кризисы, наркоторговля, перенаселение планеты, столкновение цивилизаций и т. д.; 2) распространение унифицированной (англосаксонской) системы ценностей как универсального метода «борьбы» с вышеуказанными проблемами, например в виде принятия единого мирового языка (английского), перехода на дистанционный режим образовательной, научной, корпоративной, пра-

вовой, судебной, аудиторской, медицинской и прочих сфер социального взаимодействия, создание мировой финансовой системы на базе единой цифровой валюты (прототипом которой сегодня выступает доллар США), навязывания единообразной формы политического устройства и т. д.; 3) всепроникающая мощь глобального финансового капитала — основного инструмента разрушения государственных суверенитетов и низложения национальных культур, традиций, религий и идеологий [6, 143—144].

По сути, находясь в состоянии необъявленной войны, Россия для сохранения своего суверенитета должна выстраивать оборону уже не только по периметру на внешних фронтах, но и внутри всех звеньев национальной социально-экономической системы. Решение данной задачи усугубляется тем фактом, что в российском обществе до сих пор не достигнут консенсус (как на уровне правящих элит, так и среди широких слоев населения) относительно неприемлемости следования России в фарватере Китая в качестве сырьевого придатка глобальной экономики и заложника однополярного англосаксонского мироустройства.

Следует подчеркнуть, что основным орудием глобализма выступает система мультипликации масштабных проблем, каждая из которых превосходит предыдущую по уровню своей неразрешимости. Так, для борьбы с проблемой экономического роста, возникшей на Западе в 1970-х гг., были сняты все запреты и ограничения на международное движение финансового капитала. Эта проблема в свою очередь породила другую проблему — надувание финансовых пузырей. Выход из последующего глобального финансового кризиса был найден через накачивание мировой экономики неограниченным объемом ликвидности, что привело к еще большей проблеме — наращиванию мирового долга. В свою очередь проблему задолженности стали решать путем снижения процентных ставок. А эта проблема привела к возникновению феномена отрицательной доходности и замедлению темпов экономического роста. В конечном итоге для камуфлирования проблемы «новой нормальности» под предлогом пандемии COVID-

19 национальные экономики были заключены в режим «самоизоляции».

Следует учитывать, что сегодня не только Европейский союз, но и США балансируют на грани распада, в случае которого неизменно пошатнутся ведущие позиции доллара и евро в мировой экономике. Место ныне действующих резервных валют в новой глобальной кибернетической финансовой архитектуре в среднесрочной перспективе может занять цифровая валюта (или несколько цифровых валют), управление которыми могут осуществлять наднациональные высокотехнологические элиты посредством подконтрольных им социальных сетей и Больших данных. Прецедент для этого уже создан в виде отложенного запуска в обращение цифровой валюты *Libra*, пользователями которой могут стать 2,7 млрд участников социальной сети *Facebook* [8]. Создание глобальной кибернетической финансовой системы, напрямую подконтрольной англосаксонскому мир-системному управленческому ядру, может произойти в обход каких-либо межправительственных соглашений и международных организаций, типа МВФ. Появление такой системы может окончательно лишить Россию рычагов влияния на мировую экономику и мировые финансы, если уже сейчас не будет создана действенная реальная альтернатива контролю над финансовыми потоками Евразии.

Эта угроза стоит не только перед Россией. Возрастание рисков утраты финансового суверенитета ощущается в наиболее развитых странах Запада, о чем ведущие ученые и финансовые практики предупреждают уже не первый год. Для упреждения создания неконтролируемых денег в экономике бывший управляющий Банка Англии М. Кинг предложил обратиться к системе 100%-го резервирования, согласно которой коммерческие банки и другие финансовые посредники должны будут обеспечивать свои депозиты 100%-ми резервами в Центробанке, благодаря чему правительство получит возможность финансирования своих займов по нулевой процентной ставке [12]. В 2012 г. МВФ успешно протестировал на экономике США модель «суверенных

денег», в соответствии с которой коммерческие банки полностью лишаются возможности создания собственных денег за счет депозитов вкладчиков, а весь контроль над созданием дополнительных денег в экономике переходит к Центробанку [13]. Следует отметить, что в советский период Россия накопила значительный (незаслуженно забытый) опыт финансирования стратегически важных проектов путем осуществления централизованного контроля за распределением финансовых ресурсов в экономике.

Таким образом, у правительств суверенных государств отсутствуют полномочия на регулирование международного движения финансового капитала, правила обращения которого всецело подчинены англо-американским неформальным институтам [2]. В контексте косметических реформ МВФ и Всемирного банка, прошедших в 2010—2015 гг., важным представляется создание паназиатских финансовых институтов под эгидой Китая. Однако в данной связи возникает ряд проблем. Во-первых, эти институты продолжают зависеть от доллара как основной валюты проведения транзакций. Во-вторых, банки развития в значительной степени финансируют свою деятельность на международных рынках капитала, выпуская международные облигации, номинированные преимущественно в долларах США, что означает их пребывание в постоянной зависимости от ФРС США. В-третьих, кредитная деятельность этих банков основывается на принципах обусловленности Вашингтонского консенсуса и способствует направлению капитала в наиболее прибыльные, а не в наиболее стратегически важные для развития стран отрасли.

* * *

Мировая экономика нерегулируема на наднациональном уровне. Доходность капитала мультинациональных корпораций опережает рост мирового ВВП, что ведет к перманентной дестабилизации национального экономического развития (как это в очередной раз доказала пандемия коронавируса). В условиях функционирования мировой экономики в центр-периферийном

режиме в посткризисный период центр укрепляет свои позиции относительно периферии, поскольку во время надувания очередного финансового пузыря аккумулирует капиталы со всего остального мира и продолжает привлекать капиталы дальше, поскольку первым выходит из кризиса. Данная закономерность прослеживается со времен тюльпаномании. Цифровизация может оказаться очередным таким пузырем, если на периферийном уровне не будут созданы механизмы централизации региональных финансовых потоков для перенаправления ресурсов из виртуального в реальный сектор экономики.

С целью обеспечения экономического и финансового суверенитета России и стран — членов ЕАЭС необходимо создание собственного финансового института-эмитента наднациональной ликвидности. Данная задача выглядит утопией, учитывая современную расстановку сил в мире и самое главное — стремление национальных элит и широких слоев населения извлекать своекорыстные выгоды из сложившейся системы международных экономических отношений, основным современным лейтмотивом которой является «политика разорения соседа». Следует, однако, вспомнить, что Россия всегда поднималась на волне решения сверхзадач, которые до этого всему остальному человечеству казались утопией.

Литература

1. *Гринспен А.* Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. 2-е изд., доп. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.
2. *Звонова Е.А., Кузнецов А.В.* Институциональные подходы к монополизации мировой экономики и мировых финансов // *Философия хозяйства.* 2017. № 6. С. 90—108.
3. *Карни М.* Пятьдесят оттенков зеленого // *Финансы и развитие.* Декабрь 2019. С. 12—15: [Электронный ресурс]. URL:

- <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2019/12/pdf/a-new-sustainable-financial-system-to-stop-climate-change-carney.pdf>.
4. Кузнецов А.В. Россия и англосаксонский глобализм. М.: КНОРУС, 2019.
 5. Пиккетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Маргинем Пресс, 2016.
 6. Россия под переменами: монография / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. По итогам международной научной конференции «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера» (4—6 декабря 2019 г., экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова). М.; Ростов н/Д: Издательство ЮРНИЦ РАНХиГС, 2020.
 7. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции; пер. с англ. и примеч. Г.Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003.
 8. Шукин О. Либрация доллара // Завтра. 2019. 26 июня: [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/libratciya_dollara.
 9. Davison L., Kearnes J. Trump Promised to Bring Back \$4 Trillion in Offshore Cash. He Missed by \$3.3 Trillion // Bloomberg. 2019. March: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-03-27/trump-s-offshore-cash-promise-falters-as-665-billion-returns>.
 10. Forbes World's Billionaires List. The Richest in 2020. Forbes: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/billionaires/>.
 11. Kissinger H. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // Wall Street Journal. 2020. April. No. 3: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005>.
 12. Kliesen K. L. The End of Alchemy: Money, Banking, and the Future of the Global Economy // Business Economics, Palgrave Macmillan; National Association for Business Economics. Vol. 52. No. 3. P. 181—183.

13. *Kumhof M., Benes J.* The Chicago Plan Revisited. IMF Working Paper WP/12/202, 2012. August: [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/Alexey/Downloads/_wp12202%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Alexey/Downloads/_wp12202%20(1).pdf).
14. Russia Forecast: Government Revenue. CEIC: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/russia/forecast-government-revenue>.
15. *Shaxson N.* The Price of Offshore Revisited. Tax Justice Network, 2014. January 17: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.taxjustice.net/2014/01/17/price-offshore-revisited/>.
16. World Economic Outlook Database. IMF: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weo-data/index.aspx>.
17. World Investment Report 2019. UNCTAD: [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf.

References

1. *Grinspen A.* Epokha potryaseniya: Problemy i perspektivy mirovoi finansovoi sistemy. 2-e izdanie, dopolnennoe. M.: Al'pina Biznes Buks, 2009.
2. *Zvonova E.A., Kuznetsov A.V.* Institutsional'nye podkhody k monopolizatsii mirovoi ekonomiki i mirovykh finansov // *Filosofiya khozyaistva*. 2017. № 6. S. 90—108.
3. *Karni M.* Pyat'desyat ottenkov zelenogo // *Finansy i razvitie*. Dekabr' 2019: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2019/12/pdf/a-new-sustainable-financial-system-to-stop-climate-change-carney.pdf>.
4. *Kuznetsov A.V.* Rossiya i anglosaksonskii globalizm. M.: KNORUS, 2019.
5. *Pikketi T.* Kapital v XXI veke. M.: Marginem Press, 2016.
6. Rossiya pod peremenami: monografiya / Pod red. Yu.M. Osipova, I.R. Bugayana, E.S. Zotovoi. Po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Rossiya v koordinatakh udarnykh peremen: sotsium,

ekonomika, tekhnosfera» (4—6 dekabrya 2019 g., ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova). M.; Rostov n/D: Izdatel'stvo YuRNTs RANKhiGS, 2020.

7. *Stiglits Dzh.* Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii; per. s angl. i primech. G.G. Pirogova. M.: Mysl', 2003.

8. *Shchukin O.* Libratsiya dollara // *Zavtra*. 26 iyunya 2019: [Elektronnyj resurs]. URL: http://zavtra.ru/blogs/libratciya_dollara.

К.В. МОЛЧАНОВ

О различии диалектического и научного понимания противоречия производительных сил и производственных отношений, актуального для осмысления качественного преобразования недостаточно развитой экономики*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы, связанные с развитием общества, включая противоречие системы производительных сил и производственных отношений. Ее изучение включает ряд научных и методологических вопросов. Изучение положения дел обусловило принципиально новое рассмотрение ряда вопросов социально-экономического развития отдельной страны и определило новую сферу социально-экономических исследований, которые осуществляются только в Современной политической экономии. Результаты исследований могут быть использованы для определения ряда новых возможностей развития недостаточно развитой экономики.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. О различии диалектического и научного понимания противоречия производительных сил и производственных отношений, актуального для осмысления качественного преобразования недостаточно развитой экономики // *Философия хозяйства*. 2020. № 5. С. 139—153.

Ключевые слова: диалектика, социально-экономические исследования, общество, кризис, экономика, производительные силы, производственные отношения, способ производства.

Abstract. The article discusses some topical issues related to the development of society, including the contradiction of the system of productive forces and relations of production. The study of the system includes a number of scientific and methodological issues. The study of the state of affairs has conditioned the fundamentally new consideration of some issues of the socio-economic development of a particular country and determined the new field of socio-economic researches which are done in Modern political economy only. The results of the researches can be used to determine some new opportunities of the development of an underdeveloped economy.

Keywords: dialectics, socio-economic research, society, crisis, economy, productive forces, relations of production, mode of production.

УДК 008
ББК 87.6

1. В предыдущей нашей статье [8] был обозначен и рассмотрен исследуемый в Современной политической экономии (ее парадигмальные и методологические основы обозначены в работе [5]) вопрос о качественном преобразовании недостаточно развитой экономики (например, сырьевой) в ситуации, определяемой не обычно обсуждаемыми кризисными условиями, а новыми, специфическими, например, характерными для ситуации 2020 г., особенностями которой уже достаточно широко обсуждены в научном сообществе. Отметим, что речь идет не столько о *преодолении* кризиса, или даже кризиса некоторого *особого рода*, сколько о возможности *качественного развития* экономики, причем не столько за счет традиционных мер (например, монетарных), сколько за счет решения «противоречия производительных сил и

производственных отношений, но рассматриваемых в современном (неоэкономическом) контексте» [8, 230] (в смысле [5; 6]) — как системы производительных сил и производственных отношений, причем с учетом того, что «механизм капиталистического процесса производства сам устраняет те преходящие препятствия, которые он создает» [4, т. 23, 633].

Иными словами, нами был поставлен и исследуется принципиально новый для экономической науки *вопрос о преодолении кризиса как о качественном развитии экономики* на основе следующей совокупности политэкономических положений: использования указанного К. Марксом объективного принципа капитализма; решения проблемы качественного развития экономики, не характерного для существующих научных представлений, определяемого через диалектически понимаемое противоречие системы производительных сил и производственных отношений в специфических условиях (например, вызванных коронавирусом), можно сказать — в неоэкономических условиях. (Иными словами, речь идет о мерах, которые определяются конкретной ситуацией, в данном случае — качественно новой, сложившейся в результате коронавируса, а не о том, что кризисная ситуация вообще требует некоего решения, обычно осуществляемого стандартными мерами. Сказанное можно пояснить на примере тушения пожара: общеизвестные меры при тушении горящего объекта водой бесполезны в качественно иной ситуации, — например при горении разлившейся нефти.)

Обозначенный вопрос для экономической науки не только нов (в том числе в силу не присущего ей широкомасштабного применения диалектики при осмыслении и решении социально-экономических проблем), но и достаточно парадоксален, что может вызвать его некоторое недопонимание, в том числе в смысле предыдущей нашей статьи, поэтому необходимо отдельно рассмотреть его краеугольное положение, чему и посвящена настоящая статья.

2. Начнем с того, что производительные силы Маркс рассмотрел с разных сторон, правда, бессистемно и в разных контекстах, указывая их элементы, условия, формы, структуру, особенности, историчность, ступени развития и т. д. Маркс раскрывает их во многих своих трудах, в основном, в следующих: «Немецкая идеология», «Нищета философии», «Манифест коммунистической партии» и «Капитал» — что, однако, весьма затрудняет выделение ядра (основы) определения производительных сил и соответственно их однозначное понимание. Не случайно же представители современной экономической науки признают, что «существует проблема строго научного определения, что такое есть производительные силы?» [9, 305]. (Быть может поэтому «сегодня в работах неоклассиков понятие «производительные силы» отсутствует, не используется, исключено» [9, 306].) По нашему мнению, следует исходить из утверждения Маркса о том, что любой товар создается «при посредстве специальной, целесообразной производственной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям» [4, т. 23, 51], и при этом определяется *производительная сила* как «способ совместной деятельности» («сотрудничество многих индивидов») [4, т. 3, 28], уже на основании чего можно понимать производительные силы как «исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу» [4, т. 3, 37] и даже использовать созвучные термины, такие, например, как «производительные силы общественного труда» и «всеобщие общественные производительные силы» [4, т. 26, ч. I, 400], что, однако, скорее, все же действительно усложняет понимание высказанных Марксом многих разнообразных сентенций, по крайней мере, дает основания для их различных пониманий и трактовок. Более того, имеются определенные претензии к Марксовым формулировкам и выводам, ибо существенна их неоднозначность в зависимости от содержания контекста и его идеологической нагрузки, что само по себе является основой многих ошибок, широко известных и уже достаточно хорошо изученных [1; 7].

Поэтому для исключения возможных разночтений обратимся к такому фундаментальному изданию, как Большая советская энциклопедия (2-е изд.), относительно которой можно с почти полной уверенностью утверждать, что большой коллектив самых маститых советских ученых, ведомый академиками и светилами тогдашних наук, отшлифовал все формулировки, выбрал *наилучшие* слова и т. д.

Итак, «к производительным силам общества относятся орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду» [2, т. 34, 628]; при этом отмечалось, что «люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ, представляют главный элемент производительных сил» [2, т. 34, 628].

В отличие от производительных сил производственные отношения Марксом были определены более или менее корректно, по крайней мере, однозначно: «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [4, т. 13, 6]³.

Однако наиболее важным при исследовании поставленного нами вопроса является то, что, по Марксу, «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выраже-

³ В Большой советской энциклопедии: «Люди производят материальные блага не в одиночку, не изолированно, а сообща, вступая в определенные связи и отношения для совместной деятельности и для взаимного обмена продуктами этой деятельности, становятся в необходимые, от их воли и сознания не зависящие отношения — производственные отношения», основой которых «являются отношения собственности» [2, т. 34, 628].

нием последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [4, т. 13, 7]⁴.

Таким образом, в марксизме и в советской политической экономии понятия производительных сил и производственных отношений, а также соответствующая посылка (причина) развития производства, общества — противоречие производительных сил и производственных — были определены и рассмотрены в достаточной мере, по крайней мере, на первый взгляд⁵. Поэтому постановка нами вопроса о развитии экономики и страны за счет решения противоречия производительных сил и производственных отношений могла бы быть признанной неактуальной, что как раз и требует дополнительных разъяснений, причем по ряду причин, и не только указанных выше.

Во-первых, в марксистском понимании (определении) развития общества имеются, по меньшей мере, некорректности,

⁴ «Производственные отношения во всех общественно-экономических формациях имеют тенденцию отставать и отстают от развития производительных сил. Вследствие этого между развившимися производительными силами и старыми производственными отношениями возникает противоречие», которое «перерастает в конфликт, производственные отношения становятся оковами для развития производства» [2, т. 34, 628], что является основой создания новых производственных отношений. При этом «противоречием, являющимся источником развития материальной жизни общества и причиной смены способов производства материальных благ, служит противоречие между производительными силами общества и производственными отношениями, препятствующими дальнейшему развитию производительных сил» [2, т. 35, 135].

⁵ Например, возможность того, что правящая верхушка, чтобы сохранить свое господство в стране, может преднамеренно или нет тормозить развитие производительных сил ни Марксом, ни Лениным, ни советской политической экономией рассмотрена не была, — быть может, потому, что на ум не могло прийти стремление сохранить себя у власти вопреки необходимости развития страны, государственного устройства, системы власти и т. д., без чего страна со всей очевидностью проиграет в цивилизационной гонке и погибнет, и тогда уже обладать властью будет попросту негде, что судьба СССР и подтвердила.

преднамеренно или по недоумию не замеченные советскими политэкономами, из которых обозначим одно — существенное для настоящей статьи.

С одной стороны, Марксом рассматривается противоречие производительных сил и производственных отношений, являющихся *разнокачественными категориями*, т. е. на самом деле между ними противоречия быть не может (тем более развивающего их). Это можно пояснить на хорошо известном примере иронии Платона о «противоречии» находящейся в вертикальном положении (стоящей) вращающейся (движущейся) игрушки «волчок»: если игрушка не вращалась бы, то она не могла бы находиться в вертикальном положении (стоять); — но речь, как видно, идет о разных аспектах одного объекта (игрушки), которые не противоречат друг другу (само понятие противоречия рассмотрено было подробно Гегелем в его грандиозном труде «Наука логики», поэтому сейчас не будем останавливаться на всем известных доводах и определениях великого философа).

С другой стороны, противоречие в марксизме попросту не определено, а понимается интуитивно (применяется интуитивно как бы в понятном каждому по-своему смысле), причем обычно как конфликт, в смысле конфликта — т. е. противоречием на самом деле попросту не является, что открывает широкие возможности для различных смысловых и терминологических манипуляций. (Если Маркс все же имел некое свое представление о противоречии как категории, то он должен был бы дать его определение, так как иначе всеми подразумевается гегелевское определение, которое было дано, но к случаю двух различных феноменов — производительных сил и производственных отношений — применено быть не может.)

При этом в Большой советской энциклопедии (в науках) противоречие понимается двояко [2, т. 35, 135]:

- как логическое противоречие, определяемое как «соединение в мысли исключающих друг друга понятий»;

- как диалектическое противоречие, определяемое как «объективно присущее предметам и явлениям существенное отношение между противоположными сторонами, чертами, тенденциями единого целого» (на самом деле это не диалектическое определение противоречия согласно диалектике (Гегеля), а искаженное материалистическое, лучше сказать — ошибочное советское).

При этом логическое противоречие, определяемое через включающие друг друга понятия, для марксистско-советских представлений о развитии производства и общества применять нельзя, и оно не применялось, так как производительные силы и производственные отношения не исключают друг друга, а взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Но и обозначенное «диалектическое противоречие» применять нельзя, так как оно определено для разных сторон одного нечего, подразумеваемых как однокачественные (а не как, например, красное и длинное), в то время как для рассматриваемого случая (для производительных сил и производственных отношений) марксизм и советская политическая экономия оглашали противоречие, возникающее а) для двух самостоятельных нечего, *между* двумя нечего, причем б) разнокачественных нечего; при этом следует учитывать, как было отмечено в нашей предыдущей статье, что *такое* противоречие «в науках означает не более чем парадоксальность ситуации, и оно не является основой решения проблемы» [8, 227].

Таким образом, марксистского определения противоречия нет, советское в данном случае некорректно, а гегелевское не применяется (поэтому-то Маркс не сослался на Гегеля и просто умолчал об определении противоречия), следовательно, говорить об «источнике развития материальной жизни общества и причине смены способов производства материальных благ», по Марксу, на самом деле не представляется возможным.

При этом Марксу *нужно было обосновать смену капитализма*, поэтому подмена истинного смысла противоречия как философской категории, действительно означающей смену старого

на новое, была весьма заманчивой (да еще на фоне соответствующего термина грандиозной философии Гегеля) и на первый взгляд весьма логичной, тем более органичным пониманием конфликта. А в СССР критиковать Маркса было нельзя, и все попросту привыкли к бытию обозначенной ошибки (или преднамеренной Марксовой подмены значений термина хотя бы просто за счет отсутствия определения им этой категории при наличии одноименной категории в философии Гегеля). Но такая подмена значения категории или хотя бы попросту недоработка — это не просто промах, а критичная ошибка марксизма и советской политической экономии, которая не могла не привести в конкретной стране не только к застою экономики, но и к куда более существенным негативам...

Кроме того, во-вторых, имеют место конкретные Марксовы методологические и предметные ошибки и неточности [1; 7], что значительно усложняет и существенно запутывает рассмотрение противоречия, по Марксу, производительных сил и производственных отношений. (В частности, и в этом смысле обозначенный нами вопрос о качественном преобразовании недостаточно развитой экономики также мог вызвать недопонимание, что тоже требует дополнительных разъяснений.)

В принципе в марксизме положение дел могло бы быть спасено, так как в нем говорилось еще и о способе производства, который понимался как «единство производительных сил и производственных отношений» [2, т. 40, 337]. Это весьма важная категория, ибо «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [4, т. 13, 7], что актуально для жизни и развития страны и нужно для рассмотрения существа и возможностей современного развития России. Однако и это, на первый взгляд, спасительное, общепризнанное определение является ничтожным.

Действительно, во-первых, известна его критика в постсоветский период. Например, В.Т. Кондрашев обосновал, что известное определение способа производства некорректно, так как оно игнорирует то, что обычно понимаемые производительные

силы и производственные отношения лишены способности объединяться и др. [3, 28—29]. Поэтому он дал другое определение способа производства: «способ производства — это способ присвоения веществ природы, обусловленный единством и взаимодействием его факторов: работников и средств производства, находящихся в исторически определенных общественных формах» [3, 20] (интересно, что современные ученые говорят об использовании средств производства людьми (об их соединении) при определении... производительных сил (см., напр.: [9])). То есть производственные отношения в явной форме элиминируются, что логично в том смысле, что они играют более значимую роль для «социальных, политических и духовных процессов жизни вообще» и для преобразования общества, чем для производства, и поэтому, в частности, оказывается под вопросом противоречие производительных сил и производственных отношений, к тому же лишенных, по Кондрашову, способности объединяться. Но если вопросы элиминирования производственных отношений и их противоречие с производительными силами являются дискуссионными, что, однако, все же ставит под вопрос рассуждения Маркса, то вот некорректность общепринятого определения способа производства становится очевидной; хотя вряд ли экономическая наука будет сейчас заниматься по-новому анализом марксизма с критической точки зрения (максимум, что может быть, так это его отвержение или, наоборот, апология, а не анализ, тем более что и надлежащих диалектических инструментов-то в науках, не следующих диалектике, нет).

При этом можно и вовсе не дискутировать по поводу доводов Маркса, советской политической экономии и Кондрашова, ибо, во-вторых, в любых определениях способа производства присутствует категория «единство», которая в науках... не определена (понимается как бы вроде в качестве объединения, соединения и т. п., но это все различные понятия, каждое по-своему понимаемое, лишь размывающие представления и о единстве, и о способе производства). Интересно, что эта категория в Большой советской энциклопедии не приводится, а в современных науках эта

категория имеет множество трактовок, т. е. не определена по сути⁶. Так что и в смысле единства, не определенного в марксизме и в науках, невозможны обоснование, определение и рассмотрение способа производства — источника и существа «развития материальной жизни общества и причины смены способов производства материальных благ», да и развития и роста экономики. (Экономическая наука в этом смысле вообще бессильна, и, быть может, именно поэтому даже поручение Президента России о создании программы роста экономики страны, данное им еще в 2016 г., так и не исполнено: программа роста экономики России не создана, — но уже говорится о планировании развития страны до 2030 г. ...)

А в целом можно сделать следующий вывод: имеющиеся марксистские, советские политэкономические и современные экономические представления (да и любые объективно-научные) не могут определить и поэтому правильно оперировать понятиями противоречия и единства, что и предопределяет некорректность многих научных исследований, включающих эти понятия. Это также обусловило а) вообще наш поиск принципиально новых решений социально-экономического развития на основах, отличных от научных; б) в частности, поставленный нами вопрос о качественном развитии экономики, причем не столько за счет тра-

⁶ Обычно говорится о некоей взаимосвязи определенных предметов, процессов, которая образует целостную систему взаимодействия, внутренне устойчивую в изменениях и в то же время включающуюся в более широкую систему, в конечном счете, — в составе бесконечного во времени и пространстве мира (см., напр.: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/enc/unitas.html>). При этом такого рода «определения» не только обобщены, но и даются через некорректно определенные термины (например, такие, как «целое») или даже через неопределенные термины (например, такие, как «бесконечность»). А в Новой философской энциклопедии ее авторы вообще ограничились указанием только на то, что эта категория является одним из фундаментальных понятий философии и математики (<http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/515/edinstvo.htm>) и дальше привели большой набор определений — выбирай какое хочешь, а вот какое верное, так и остается неизвестным.

диционных мер, сколько за счет решения «противоречия производительных сил и производственных отношений, но рассматриваемых в современном (неоэкономическом) контексте», в их системе; в) соответствующие разъяснения по поводу возможности *качественного развития* экономики.

3. В Современной политической экономии производительные силы, производственные отношения и способ производства понимаются не как в науках и не как некие самостоятельные сущности, порочность представлений о чем проглядывается в указанных выше критических взглядах Кондрашова, а как системные аспекты цельного социально-экономического объекта — общества. Поэтому в Современной политической экономии рассматривается противоречие (состояния, развития) объекта — самого общества (его развития) или системы его аспектов («части объекта», стороны, имеющей свои особенности, но не его взятых по отдельности аспектов или сторон), например *системы* производительных сил и производственных отношений [5], и именно в ее смысле в предыдущей статье понимался анализ опережающего развития экономики России, причем на основе продвинутых политэкономических взглядов (неоэкономических позиций [6]) и с учетом конкретной ситуации 2020 г., что и определило принципиальную новизну и специфику наших исследований. Иными словами, в Современной политической экономии вообще и в нашей предыдущей статье, в частности, речь идет не о

<противоречии> <производительных сил> и <производственных отношений>,

не о

<производительных силах>, *<противоречащих> <производственным отношениям>*,

а о

<противоречии> {системы производительных сил и производственных отношений},

т. е. о противоречии определенного (цельного) состояния (системы позиций) объекта (среза социально-экономического со-

стояния общества), однако понимаемого не в смыслах не имеющегося в науках понятия единства и указанного выше научного «диалектического противоречия», а в смысле (истинного) противоречия, или противоречия по Гегелю. И только в таком случае — в случае понимания противоречия по Гегелю — можно говорить

а) о противоречии (одного) объекта (или его конкретного состояния, или некоторой системы, например, системы производительных сил и производственных отношений), в том числе о противоречии социально-экономического состояния общества со слаборазвитой экономикой, а не о научно понимаемом, ничтожном по своему существу противоречии неких самостоятельных и разнокачественных сущностей (т. е. не о «противоречии» разных аспектов игрушки-волчка); б) о развитии экономики и общества.

Иными словами, в Современной политической экономии речь идет не столько о критичной социальной ситуации, когда возможны социальные потрясения, революции и т. п., сколько о различных текущих состояниях общества, в том числе о критичной экономической ситуации и о соотношениях различных аспектов кризисной ситуации (*здесь*: в общем случае не революционной), причем с учетом состояния (развития) общества. Поэтому нами и подчеркивалось то, что в Современной политической экономии производительные силы и производственные отношения рассматриваются, прежде всего, в их системе [5]; в современном (неоэкономическом) контексте [6]; диалектическим образом [5—8].

Указанное составляет новизну, основу и суть (см., напр.: [6; 8]) нашей диалектической оценки кризисной ситуации нового (2020 г.) образца; поиска и осуществления принципиально нового решения вопроса развития экономики, выходящего за рамки традиционного экономического познания: решения, служащего не только преодолению кризиса, но и, главным образом, качественному развитию экономики и, следовательно, значимому развитию страны, что особенно важно для страны с недостаточно развитой экономикой; наших обозначенных исследований.

Литература

1. *Бём-Баверк О.* Критика теории Маркса. М., 2002.
2. Большая советская энциклопедия. 2-е изд.
3. *Кондрашов В.Т.* Политэкономические очерки. М., 2004.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд.
5. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Дис. ... канд. экон. наук. МГУ имени М.В. Ломоносова, 2003.
6. *Молчанов К.В.* Политико-экономические начала неэкономической идеи: диалектическое осмысление современной экономики как другой капиталистической экономики (некоторые положения, обусловленные продолжением труда Гегеля «Феноменология духа») // *Философия хозяйства*. 2017. № 1.
7. *Молчанов К.В.* Базовые положения проекта «Капитал—2» // *Философия хозяйства*. 2019. № 6.
8. *Молчанов К.В.* Социально-экономическая кризисная ситуация 2020 г. как актуальная посылка качественного преобразования недостаточно развитой экономики // *Философия хозяйства*. 2020. № 4.
9. *Пашков В.П.* Производительные и разрушительные силы в политической экономии // *Экономика как объект междисциплинарных исследований. Сборник материалов IV международного политэкономического конгресса (МПЭК-IV)* / Под ред. С.Д. Бодрунова, А.В. Бузгалина. М., 2020.

Reference

1. *Byom-Baverk O.* Kritika teorii Marksa. M. 2002.
2. Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. 2-e izd.
3. *Kondrashov V.T.* Politekonomicheskie ocherki. M. 2004.
4. *Marks K., Engel's F.* Soch., 2-e izd.
5. *Molchanov K.V.* Vyyavlenie sovremennyh paradigmat'no-gnoseologicheskikh osnov politicheskoy ekonomii. Dis. ... kand. ekon. nauk. MGU imeni M.V. Lomonosova, 2003.

6. *Molchanov K.V.* Politiko-ekonomicheskie nachala neoekonomicheskoy idei: dialekticheskoe osmyslenie sovremennoj ekonomiki kak drugoj kapitalisticheskoy ekonomiki (nekotorye polozheniya, obuslovlennyye prodolzheniem truda Gegelya «Fenomenologiya duha») // *Filosofiya hozyajstva*. 2017, № 1.

7. *Molchanov K.V.* Bazovye polozheniya proekta «Kapital—2». // *Filosofiya hozyajstva*. 2019, № 6.

8. *Molchanov K.V.* Social'no-ekonomicheskaya krizisnaya situatsiya 2020 g. kak aktual'naya posylka kachestvennogo preobrazovaniya nedostatochno razvitoj ekonomiki // *Filosofiya hozyajstva*. 2020, № 4.

9. *Pashkov V.P.* Proizvoditel'nye i razrushitel'nye sily v politicheskoy ekonomii // *Ekonomika kak ob"ekt mezhdisciplinarnyh issledovanij*. Sbornik materialov IV mezhdunarodnogo politekonomicheskogo kongressa (MPEK-IV) / Pod red. S.D. Bodrunova i A.V. Buzgalina. M., 2020.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

В.А. КУТЫРЁВ

**Знание как сила, сверхсила и бессилие
(к 400-летию создания Ф. Бэконом «Нового Органона»)^{1*}**

Аннотация. Обсуждаются этапы изменения роли знания в истории общества от Ф. Бэкона до наших дней. Различение светящего и плодотворного знания можно считать исходным пунктом его превращения в технологическую силу, нарастание которой составило содержание индустриальной эпохи. В конце XX в. произошло слияние светящей классической науки и технологий, в результате чего возникла сверхсильная Большая наука (Megascience). Она саморазвивается и вместе с информационной революцией ведет к ослаблению человеческой способности к самостоятельному мышлению. «Расширяя» сознание до виртуального универсума, человек не нуждается в собственном знании и памяти, поскольку «там» все есть. Возникают вирусный Homo dementia и состоящее из таких индивидов общество постзнания. Начальным этапом этого процесса является on-line образование. Выступая против превращения прогресса в трансгресс, автор проповедует философию сопротивления.

Ключевые слова: Бэкон, знание, сила, Большая наука, сверхсила, образование, расширенное сознание, постзнание, вирус, деменция.

Abstract. The stages of changing the role of knowledge in the history of society from Fr. Bacon to the present day. Distinguishing of luminiferous and fruitful knowledge can be considered the starting

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кутырёв В.А. Знание как сила, сверхсила и бессилие (к 400-летию создания Ф. Бэконом «Нового Органона») // Философия хозяйства. 2020. № 5. С.157—172.

point of its transformation into a technological force, the growth of which amounted to the content of the industrial era. At the end of the 20th century, the luminiferous classical science and technology merged, as a result of which the super-strong Big Science (Megascience) arose. Together with the information revolution, it leads to a weakening of the human ability to think independently. «Expanding» consciousness to a virtual universe, a person does not need his own knowledge and memory, since «everything» is there. There is a viral homo dementia and a society of post-knowledge consisting of such individuals. The initial step in this process is on-line education. Opposing the transformation of progress into transgression, the author preaches a philosophy of resistance.

Keywords: Bacon, knowledge, power, Megascience, education, expanded consciousness, post-knowledge, virus, dementia.

УДК 101
ББК 87.5

«Река времен в своем стремлении уносит все дела людей. / И топит в пропасти забвения народы, царства и царей» (Гавриил Державин). Не исключая накопленные людьми знания, историческую память о них. Непрерывно изменяя, оно их уничтожает. Печальная судьба всего сущего! Но человек оказывает ей сопротивление. Его существование предполагает под(у)держание связи времен, празднование юбилейных, знаковых дат является точкой их сборки, духовным выражением данной потребности. Это стремление Homo Genus (родового человека) к вечному бытию через сохранение уникального вклада в него каждого индивида. Институционально такую роль выполняют образование и гуманитаристика.

Образованные люди Нового времени (Просвещения, Модерна) вплоть до XX в. имели представление о повседневной

жизни древних греков и римлян, знали главные события, определившие судьбу этих народов, деяния их героев, полководцев, высказывания и писания мудрецов. Изучение греческого и латыни в гимназиях считалось необходимым условием приобщения к накопленным человечеством достижениям культуры, ее высшим образцам. Выпускники университетов при сильном желании могли прочитать в подлиннике Овидия или Горация или, на худой конец, «в конце письма поставить *vale*».

У выпускника современного университета от знания древних языков осталось «*In vino veritas*» и, может быть, «*O, tempore, o moe*». Тенденция же такова, что по мере развертывания Великой информационной революции (эпоха Постмодерна) подобная участь постигнет — уже постигает — и Новое время. Людям поколения Z, день и ночь сидящим в интернете, оно будет представляться таким же исторически далеким и, в общем, для успешной деятельности ненужным, как древняя мифология. От свершившихся в нем деяний у самых продвинутых интеллектуалов останутся, возможно, знания о том, что была Французская революция, ближе к нам, у среднеобразованных об открытии электричества и атома, в искусстве что-то о Леонардо-да-Винчи, в науке имена Эйнштейна, Коперника и, может быть, «все-таки она вертится» — Галилея. Да и зачем их знать, когда все есть в компьютере (смартфоне, чипе), скажет выпускник университета с электронным образованием [9].

Выражая состояние сознания людей, живших в нововременную эпоху, называвших себя личностями, а не фактором техники и капиталом экономики, получившим знание от педагогов, а не из машины, было бы справедливо обратить внимание на еще одного представителя древне-нового времени, которого можно считать предвестником современной научно-технической революции. Это Френсис Бэкон, первый ученый и философ, объявивший о Великом восстановлении наук после их подчинения религиозной вере в Средневековье и предложивший вместо аристотелевского органа, на который опиралась господствовавшая до того мысль,

Новый Органон как свод научных правил для наступающего индустриального общества. Тем самым он, с одной стороны, сузил философию до столь сейчас актуальной философии науки, а с другой, расширил теоретические поиски до общенаучной методологии [1]. Знания, особенно в виде занятия наукой, из праздных и даже подозрительных, стали считаться полезными. Новый Органон — это символ, своего рода второе (научное) название Нового времени.

От Знания к Techne

Бэкон различал опыты «светоносные» и «плодоносные», но с высоты сегодняшнего дня видно, что принципиальный вклад им сделан в обоснование плодоносного знания. Он повернул головы ученых в направлении практической реализации мысли. Рискнем предположить, что даже среди on-line образованных найдутся люди, которые сами, не заглядывая в интернет, вспомнят знаменитую фразу: *Scientia est potentia = Knowledge is power = Знание — сила*. Хотя, если они нечаянно окажутся один на один с собственной, без смартфона, памятью, им надо помочь, сообщив, что ее автором был Ф. Бэкон, что она была высказана ровно 400 лет назад и мы имеем право отметить это как выдающееся историческое событие в духовной жизни человечества. Идеи Бэкона сохраняют свое значение ввиду базальной связи с современной техногенной эпохой.

Данный им посыл, что задачей науки является увеличение власти людей над природой, ее преобразование так, чтобы вырвать у нее богатства и силу, сейчас кажется очевидным, однако это упрощение. Еще в XIX в. новаторски звучало положение К. Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его». Его цитировали для обоснования активной природы познания. А убеждение, что знание является производительной силой, находило признание лишь по мере практической индустриализации мира, постепенно укреп-

ляясь в течение всего XX столетия. И только в ходе информационной революции, когда наука превратилась в технонауку (technoscience), знание стало реализовываться как сила — явно и непосредственно. Оно уже не мысленное воспроизведение преданной ему реальности, а деятельность по созданию не существовавших до него артефактов. Приобретая проектно-конструктивный характер, оно являет свою силу не в результате последующего применения, а как таковое — изобретение, творчество, мыслепроизводство. Знание перестает отвечать на вопросы, «что» и «почему», отражать и воспроизводить существующую реальность. Отвечая на вопросы, «как» и «для чего», оно создает новую реальность. Само становясь при этом чем-то иным.

Процесс обретения знанием деятельной силы завершается парадоксально. Его концом. Если называть вещи правильными именами, то мы должны говорить о его смерти от собственной силы, которая его раздавила. Так же, как говорят о конце и смерти науки в классическом смысле слова. Если знанию и науке придавать силу, значит, превращать их в науку, в знание — в «свое другое». В Techne. И Бэкон, будучи прежде всего методологом, в современном контексте предстает предтечей техногенной эпохи. Приобретая утилитарные свойства, знание утрачивает ценностный и мировоззренческий характер. Не случайно он считал, что наука не должна вмешиваться, тем более решать вопросы добра и зла. Бог запретил человеку ими заниматься. Что есть добро и зло сказано в Библии, об этом учит церковь, думать о них с позиции силы и выгоды — грех. Люди, однако, всегда много грешили.

В начале XXI в. в России про(изо)шла реформа Академии наук, в результате которой были уменьшены объемы ее финансирования, изменился статус входивших в нее институтов, упал престиж членства в ней. Многие критики этих реформ усматривали и усматривают в них некий злой умысел, желание ослабить жизненный потенциал российского общества. Они отождествляют действительно происходящее «обессиление» Академии с ослаблением научной деятельности вообще, не замечая, что параллельно

весьма щедро финансируются количественно быстро растущие разного уровня и направления техноцентры, главное преимущество которых в том, что, в отличие от традиционной Академии, они не отягощены ориентацией на знание, не дающее прямой выгоды. В них нет отвлекающей от развития техники сколько-нибудь значимой гуманитарной составляющей, если не считать ею экономическую эффективность. Вся сила человеческой мысли «без потерь» уходит в технологии.

«Основное достижение всех наук, всех физик, — обобщает эту научно-драматическую ситуацию выдающийся современный философ хозяйства, и не только, мудрец-софиолог по жизни Ю.М. Осипов, — состоит не в познании бытия, его объяснении, хотя частично на уровне материи и механики все это есть, а в создании *технологий*, о чем наука чистосердечно (не без восторга) призналась. Отсюда новое веяние: *от теории к технологиям*, что фактически означает и *от фундаментальной науки к прикладной технологике*. Но что интересно: наука как наука, знаете ли, нынче усиленно свертывается, правда, не так в глобальном центре — в США, как по всей мировой периферии. Хватит на Земле науки, ведь ее хватит для всей Земли и в США, зачем столько науки повсюду!

Вот и наука дождалась своей судьбоносной трагедии, вот и онаученные университеты переживают свою экзистенциальную драму! Остаются технологии и ознакомление с ними учащихся, уже и не студентов. Не так сегодня важно что-либо полно и прочно знать, тем более что-нибудь фундаментальное, как важно быть готовым использовать внешне и извне поставляемое знание, конечно же, технологическое. А что общего в технологиях? Математика, механика, моделирование, информатика, технологический язык, включая английский, программирование, любые компьютерные манипуляции. Вот этим-то теперь нынешние университеты и занимаются, да и то в лучшем случае, а в худшем — *недо-образованием, полу-образованием, псевдо-образованием*» [8, 157— 158].

Как видим, судьба университетов и образования повторяет судьбу Академии наук и ее «светоносных ученых». В целом это институциональное подтверждение положения, что наука и знание в их классическом смысле объяснения мира, как *естествознание*, вслед за *humanity* утратили свое значение. Отсюда падает и роль учреждений, в которых они функционируют. Знания (наука) как открытия и светоносные исследования заверш(а)ют или свое историческое существование. Знание (наука) как сила, как «плодоносные исследования» — это технологии.

От Знания к Megascience

Но не так все линейно. «Улица полна неожиданностей» и «История, — решимся вспомнить высказывание Н.Г. Чернышевского, — не тротуар Невского проспекта», она петляет, делает повороты, круги, а нередко, набравшись новой энергии, возвращается в старое русло. И вот парадокс: в последние десятилетия возник феномен «Megascience» (Большой науки), которая вся, являясь воплощением технологий, их концентратом, не ставит, однако, своей целью получение какого-то конкретного полезного результата. По той причине, что еще не знает, куда эти исследования приведут. Они — светоносные. На базе предыдущих «каковых» — плодоносных достижений чистое знание с его вопросами «что» и «почему» берет реванш. Возникает «свет второй ступени» — знание ради знания, что-то даже похожее на сурово критиковавшуюся Ф. Бэконом метафизику. Но метафизику не макро-, а микро-, мега- и вирту-миров. Стремление к мегазнанию оправдывается тем, что «оно интересное» и «раздражает мысль». Об этом, не стесняясь упреков в бесполезности, говорят сами ученые, когда просят мегамиллионы средств на мегаэксперименты. Практический результат, возможно, будет, но как побочный, на данном этапе не планируемый. Потому что нет ясности, что должно произойти в ходе исследований.

Поскольку на проекты Большой науки нужны огромные средства, наиболее значимые из них являются международными.

В сооружении самого известного — адронного коллайдера — участвовали ученые из всех стран, где есть технонаука. Не столь крупные, но все равно Мегасайенс-ы строят в каждой стране свои, в том числе в России. В добыче сверхзнания начала участвовать так называемая частная наука, ярким примером которой является деятельность консорциума Илона Маска, который тоже заявляет, что занимается своими проектами «ради любопытства». В них действительно содержатся сверхсилы, исходящие из идеи «хочу все знать». Если ставятся цели, то предельно амбициозные — имитировать Большой взрыв Вселенной или найти исходную частицу Всего (бозон Хиггса). Человечество приобрело такое познавательное могущество, что замахнулось на поиски Бога, а честнее, его вос-создание. Правда, для чего, зачем и куда приведет это сверхсильное знание, не погубим ли мы «из любопытства» собственную планету или, манипулируя для начала геномом, жизнь на ней — не говорят — эти вопросы не обсуждаются. Опасения насчет последствий использования сверхсилы подавляются желанием удовлетворить «сверхлюбопытство», порождаемое саморазвитием технологий. Как всякая азартная игра, «игра по-научному» затягивает, участвовать в ней не просто интересно, а «очень интересно». До потери здравого смысла.

Это обстоятельство порождает второй смысл понятия меганауки. Сверхсильное познание вторглось в системы и отношения, последствия изменения которых нельзя предвидеть по определению. Они, как признают сами ученые, непредсказуемы. По причине их сверхсложного нелинейного характера. Решая какую-то одну, частную проблему, например, заменяя «вредный» ген, мы входим в зону бифуркации, порождающей еще более трудные и не решаемые или решаемые за счет перспектив родового человека, его будущих поколений проблемы. Сверхсильные знания — это знания, переступающие через человека, выводящие его на дорогу непрерывно провоцирующих одно другим трансгуманистических преобразований. Стихийное, неконтролируемое меганауч-

ное — сверхсильное знание — это опасное кризисное знание, занятия которым юридически следовало бы квалифицировать как преступные, несущие угрозу человеку. Если на Земле произойдет апокалипсис, то это будет самоапокалипсис. Не по невежеству или извне, а на научной основе. В ее контексте он называется сингулярностью, достичь которой без(д)умно ученые люди надеются к 2045 г.

Большая наука и сверхсильное знание стали возможны на базе высших достижений компьютерных технологий и робототехники. Их перехода к состоянию, при котором человек перестает быть не только субъектом этого процесса, но и значимым фактором, превращаясь в элемент и агента сетей, в материал, уравниваясь с вещами (симметрия) в роли «подставки» для функционирования информации. Internet of thing включает в себя Internet of man. В том числе и в процессе познания. Не вооруженного машинным интеллектом, без наморд(мозг)ника из вычислительных систем, а в сущности, без опоры на искусственный интеллект никакое сверхзнание невозможно. Работы на адронном коллайдере и сверхсильный Internet of everything и — шире — сверхсильный мегасайенс и Техногенный интеллект обуславливают друг друга. Это единый процесс становления на Земле пост(сверх)человеческой искусственной реальности.

От Знания к Dementia

Третий, уже конкретно трагический, но в силу своей природы меньше всего замечаемый парадокс нашей цивилизации в том, что в своем познании и техническом преобразовании мира она зашла так далеко, что ее члены-носители могут позволить себе ничего не знать, не помнить и не делать. Они становятся паразитами техногенного разума. По все большим и большим параметрам, ему все меньше и меньше нужна сначала их физическая, а потом и умственная сила. Их знание. Их образование как способ овладения знанием. Все реформы образования в скрытом виде питаются этими тенденциями. Оно теряет трудовой, личностный,

смысловой и творческий характер, заменяясь игрой и программированием, притом особого рода, направленными на непрерывное взаимодействие с вычислительной техникой, на его конвергенцию (слияние) с ней. Конкретно это происходит (каждый «образованец» видит, использует), посредством on-line приспособлений и приставок — смартфонов, чипов, очков дополненной реальности и пр. Возникает феномен универсализации сознания, когда, если вы подсоединены к компьютеру, то знаете несравненно больше, «шире», чем может знать самый талантливый и много учившийся человек, включая обучающего вас, если он, в свою очередь не имеет подобного же на(морд)мозгника [3—5]. И так в любой деятельности, не только в образовании. В самом деле, зачем что-либо знать и помнить, если в мгновение, одним нажатием кнопки, а потом голосом или просто помышлением любое знание можно извлечь из Сети. Какое огромное приобретение — всего мира — и какая огромная потеря — Себя!

Римляне говорили: *tantum scimus quantum memoria tenemus* (знаем столько, сколько удерживаем в памяти). Так вот нет — теперь люди могут знать, даже если ничего не знают и не помнят. Знать все — и ничего. Подобно тому, как физически малосильный или вовсе бессильный человек, нажав на кнопку, может поднять многотонный груз, или не способный своими ногами пройти 3—4 м пронесется с огромной скоростью сотни километров, так мало или совсем не обладающий силой знания человек может оперировать огромными массивами информации, получая нужные ему результаты. Но ему ли? Ибо самостоятельно, творчески и действительно в собственных целях люди мыслить уже не (с)могут, и чем дальше, тем больше они будут только комбинировать информацию или программы будут делать за них и это. Без напряжения мысли, памяти, субъектно и личностно знать и что-то создавать невозможно. Но эти способности умяются как ненужные. Образуется новый вид сознания — «расширенное», сливающееся с интернет-(не)реальностью. Возникает «посткреативный человек» (психологическое определение «after-постмодернистского» типа

личности). А рефлексом (к сожалению, не рефлексией) остающегося без познающего субъекта мира стало появление так называемого спекулятивного реализма, с подразделом ООО — «объект(ив)но ориентированной онтологии» — последний крик философской моды на Западе, которую еще только предстоит перенимать прогрессивным российским мыслителям².

Расширенное сознание — это (со)-знание индивидуально потерянное, растворившееся в виртуальном пространстве, ставшее каплей, минимальной единицей, «узлом» информационного океана. И не больше. К тому же — неизвестно чьим. Даже хромой, идущий по дороге, обгонит всадника, скачущего по бездорожью — подчеркивал Бэкон роль метода. Он не знал, что их всех обгонит машина или самолет, независимо от состояния дороги. А теперь, перефразируя великого методолога, можно сказать, что даже знающий только арифметику и не дальше таблицы умножения, «расширив сознание», обсчитает самого изощренного математика, а их обоих оставит не у дел компьютер. Отделенный от машины, человек утрачивает свои мыслительные способности: знания, память, волю, все, что ими обусловлено. Он становится паразитом в форме вируса, который сам по себе мертвый и оживает только в соответствующей, в данном случае, компьютерной среде. Понятие расширенного сознания маскирует процесс его сужения до отсутствия, превращения в «ничто». Техногенное возвышение и, как следствие, низведение субъектно и творчески мыслящего человека до статуса паразита, это процесс самоотрицания, его подготовка к замещению, что естественно, искусственным интеллектом. «Цифровизация есть процесс передачи выработки и принятия решений от людей к компьютеру», — ничтоже сумняшеся в ее благе для судеб людей скажет вам любой эксперт по ИТМ. Перевод деятельности в on-line является расчисткой места, начальной стадией туда направленного процесса. Таково коварство перерастания знания-силы в техногенную

²Более полноценный анализ новейших течений по обоснованию и оправданию рас-пост-транс-бес-человечивания бытия см.: [6, 8—17].

сверхсилу и — человеческое бессилие. Перверсивная диалектика господина и раба по/на пути Homo vitae sapiens в состояние(и) эвтаназии, если он не будет пытаться им управлять.

Вызванное информационной революцией движение знания к бессилию порождает «потребность в непонимании», деменцию человека как социальную необходимость. С одной стороны, это следствие деградации собственно человеческого знания, а с другой — «эхо предстоящего события», детерминация будущим. «Матрица» перестраивает систему под задачи своего дальнейшего развития. Об этом нам приходилось писать ранее, но здесь уместно вспомнить (еще без смартфона!). «В последнее время постиндустриальная информационная цивилизация предпочитает называть себя другим именем: “общество знания”. Подобное переименование следует объяснить ее идеологической потребностью. Эта потребность состоит в непонимании того, что происходит на самом деле, ибо истина настоящего положения Homo sapiens противоречит его природе, как в телесной, так и в разумной ипостаси Его антропологическая идентичность как определенной формы бытия начала изменяться в сторону самоотрицания. Процесс когнитивизации влияет прежде всего на sapiens, поскольку “по истине и на самом деле” формируется общество посмыслового мышления-исчисления, все более автоматизирующегося и синергетически саморазвивающегося. (Это утверждение можно подкрепить бесчисленными фактами и самопризнаниями его членов.) Другими словами — это “общество незнания”, в котором процесс потери сознания как понимания идет полным ходом. Общество не-о-сознающее, но информационно эффективное и *безумно* производительное, отчего когнитивно-техническое знание-незнание незаметно, но довольно быстро становится парадигмальным способом отношения к миру» [7, 225].

Первыми членами общества знания, а на самом деле — незнания — пост-знания (которое можно считать обобщением понятий «постистина», «постправда», уже получивших категориальный статус в литературе), являются носители расширенного до потери собственного со-знания пользователи технических систем,

ограниченные в своем мышлении узкими рамками специализации. Носители так называемого цифрового слабоумия, постепенно захватывающего все общество. Пассивность, одиночество и буквально реализующееся в дистантности психологическое отчуждение начинают считаться в нем нормой жизни. Насаждение электронно-небытийного образования не произвол и выражение естественной тупости чиновников, за ними объективные закономерности прогресса, захватывающего людей сначала как материал, делая из них поколение мутантов, а потом замещая вообще. Возникает культура зомби, новая разновидность людей, для которых в англоязычной литературе появился термин — «undead». Не мертвые, но и не живые. Как вирусы. Так теперь их лучше и называть. Мировая биовирусная эпидемия внутренне связана со стихийным процессом бездумно внедряемых новаций. Вкупе с индустрией вакцинации «всех от всего» и инженерными манипуляциями геномом она сама — инновация. Одна из наиболее опасных. «Уникальность угрозы, с которой столкнулись люди, заключается в том, что этот самый коронавирус COVID-19 первый в истории не только и не столько биологический вирус, но одновременно и, может быть, в первую очередь, информационный, когнитивный, нановирус. Если в условиях 4-ой промышленной революции говорят о NBIC-(нано-био-инфо-когно) технологической конвергенции, то сегодня мы имеем дело с NBIC-вирусом, действующим одновременно во всех четырех сферах...» [10, 194].

Философско-антропологическим выражением вирусной мутации человечества является распространение идей трансгуманизма как социального блага, чтобы не понимать, куда все идет. «Яндекс есть — ума не надо» — вот мудрость мира сего! Девиз, под которым движется вперед не только образование, в сущности, к (само)программированию, но начинает жить все большее число людей. С сознанием, расширенным = растянутым до дыр в нем, реально, фактически. Превращение *Homo sapiens* в *Homo dementia* это его вялотекущий самоапокалипсис. Таков «основной вопрос» (философии) современной жизни, который обозначил еще М. Хайдеггер, когда говорил, что люди перестают мыслить. В его

время он был в стадии возникновения, сейчас обострился до рокового состояния. Люди перестают сначала о-сознавать, «философствовать», а потом и думать — даже технически (!), поскольку за них это делают созданные ими сверхсильные материальные и интеллектуальные Аппараты. Все собственно человеческое знание обессиливается и это, пожалуй, главная = трагическая проблема проблем настоящего и ближайшего будущего человечества. Оно глупеет посредством знания, его трансформации в Ничто. Глупеет — по-научному (см.: [2]).

Прогрессивно(е), глупеющее, слепое, несчастное человечество. Счастливо только непониманием того, что делает=ся.

Ф. Бэкон писал об «идолах», мешающих познанию природы, — о том, как бороться с ними. Но самые страшные идола те, что мешают человеку жить. Таким идолищем становится стихийное, неконтролируемое, подавляющее способности людей к любви и воле, вообще — к жизни, вырвавшееся за рамки целостного духа знание. Став сверхсильным, оно вместо питания силами природы стало их уничтожать. Включая человека, его идентичность как уникальную форму бытия. Ситуация XXI в. требует благословлять все силы разрушения электронного мега-концлагеря, виртуальные кризисы и катастрофы, с их неопределенными последствиями, которые бы при-остановили этот определенно самоубийственный процесс. Управлять им, чтобы удерживать в бытийных рамках коэволюции с жизнью, — вот «задача на существование» нашего мира. Которую должна объяснять людям философия как идейная сила сопротивления пере(вы)рождению человеческого прогресса в постчеловеческий трансгресс. Если ею руководствоваться, хотя бы немного, продлимся...

Литература

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Фр. Соч. Т. 2. М., 1978. 518 с.

2. Гиренок Ф.И. Может ли новая антропология связать мысль и бытие? // Философия хозяйства. 2019. № 6. С. 197—205.

3. *Дмитриев И.С.* Остров концентрированного счастья. СПб., 2020. 320 с.
4. *Дюрренматт Ф.* Поручение, или О наблюдении за наблюдающим за наблюдателями. М., 1990. 175 с.
5. *Коупленд Д.* Рабы «Майкрософта». М., 2004. 493 с.
6. *Кутырёв В.А.* Спекулятивный реализм как философия фактичности начала конца человеческого (мира). Размышления над книгой: К. Мейясу «После конечности». Екатеринбург; М., 2015 // *Философия и культура*. 2018. № 10. С. 8—17.
7. *Кутырёв В.А.* Человеческое и иное: борьба миров. СПб., 2009. 253 с.
8. *Осинов Ю.М.* Восхождение. Четыре века в походе за истиной. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015. М.: ТЕИС, 2015. 236 с.
9. *Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М.* Цифровая революция и экзистенциальный кризис личности // *Век глобализации*. 2018. № 4. С. 145—151.
10. *Тарасов А.А.* NBIC-вирус пандемического контроля: quo vadis? // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 193—198.

References

1. *Bexkon F.* Novy`j Organon // *Bexkon Fr. Soch.* Т. 2. М., 1978. 518 s.
2. *Girenok F.I.* Mozhet li novaya antropologiya svyazy`-vat`my`sl` i by`tie? // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 6. S. 197—205.
3. *Dmitriev I.S.* Ostrov koncentrirovannogo schast`ya. SPb., 2020. 320 s.
4. *Dyurrenmatt F.* Poruchenie, ili O nablyudenii za nablyudatelyami za nablyudatelyami. М., 1990. 175 s.
5. *Kuplend D.* Raby` «Majkrosofta». М., 2004. 493 s.
6. *Kuty`rev V.A.* Spekulyativny`j realizm kak filosofiya faktichnosti nachala koncza chelovecheskogo (mira). Razmy`shle-niya nad

knigoj: K. Medzhyasu «Posle okonchaniya». Ekaterin-burg; M., 2015 // *Filosofiya i kul'tura*. 2018. № 10. S. 8—17.

7. *Kuty`rev V.A.* Chelovecheskoe i inoe: borba mirov. SPb., 2009. 253 s.

8. *Osipov Yu.M.* Vxozhdenie. Chety`re veka v poxode za istinoj. 25 let Centru obshhestvenny`x nauk pri MGU. 1990—2015 gg. M.: TE`IS, 2015. 236 s.

9. *Slyusarev V.V., Xusainov T.M.* Cifrovaya revolyuciya i e`kzistencial'ny`j krizis lichnosti // *Vek globalizacii*. 2018. № 4. S. 145—151.

10. *Tarasov A.A.* NBIC-virus pandemicheskogo kontrolya: quo vadis? // *Filosofiya xozyajstva*. 2020. № 3. S. 193—198.

А.И. БУЛГАРОВ

Мышление, свободное от техники*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы мышления, приводящие к наступлению времени планетарного господства техники и тем самым к катастрофическому положению человека, при котором, чтобы ему выжить, как скажет Хайдеггер, остается единственная возможность помыслить или пробудить такой способ мышления, который позволил бы обрести свободное отношение к технике. Цель статьи — показать возможность такого мышления, которое будет искать свои истоки в древнем мышлении и выходить за пределы мышления современного. Такое мышление будет обозначено как мышление постсовременное, мышление сингулярное. Задачи статьи — раскрыть, каким образом это мышление может быть явлено, а также, от чего при этом оно должно быть свободно, чтобы это могло случиться.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Булгаров А.И. Мышление, свободное от техники // *Философия хозяйства*. 2020. № 5. С. 172—187.

Ключевые слова: мышление, древнее мышление, современное мышление, сингулярное мышление, антропологический поворот в философии, метафизика, бытие, человек.

Abstract. The article deals with the problems of thinking that lead to the time of the planetary domination of technology, and thus the catastrophic situation of man, in which, in order to survive, as Heidegger will say, there is only one opportunity to think or awaken a way of thinking that would allow him to find a free attitude to technology. The purpose of the article is to show the possibility of such thinking, which will look for its origins in ancient thinking, and go beyond the limits of modern thinking. This kind of thinking will be labelled as a postmodern thinking, thinking singularly. The objectives of the article are to reveal how this thinking can be manifested. And also, from what at the same time, it must be free, so that it can happen.

Keywords: thinking, ancient thinking, modern thinking, singular thinking, anthropological turn in philosophy, metaphysics, being, man.

УДК 130.3, 14
ББК 87

Согласно оценке Хайдеггера, состояние современного мира таково, и с тех пор ситуация только усугубилась, что остается только, как заключит он, «...единственная возможность: в мышлении и поэзии подготовить готовность к явлению Бога или же к отсутствию Бога и гибели; к тому, чтобы перед лицом отсутствующего Бога мы погибли» [11, 241]³. Далее Хайдеггер отметит:

³ Фрагмент ответа Хайдеггера на вопрос о том, может ли отдельный человек или философия, могут ли они вместе что-то сделать, чтобы повлиять или предотвратить неизбежное наступление планетарного движения техники нового времени, которое либо ведет к появлению абсолютно технического государства, либо уже привело к нему. Полный ответ Хайдеггера следующий: «Если мне будет позволено ответить коротко и, может быть, немного грубо, но на основе долгих раз-

«...кто из нас решится предсказать, не пробудятся ли в один прекрасный день в России или в Китае прадревние традиции такого “мышления”, которое позволит человеку достичь свободного отношения к миру техники?» [11, 245].

Такая оценка Хайдеггера принимается как отправная, и в этой связи возникает запрос на такое мышление, которое могло бы послужить в качестве этой подготовки. Стоит прояснить, что проблема гибели для Хайдеггера обусловлена проблемой наступления века технического господства, которое по своему замыслу есть исполнение проекта западноевропейской метафизики. Исходя из такой постановки вопроса, возникает необходимость обращения к истокам метафизики, разумея то, что Хайдеггер, как представляется, наметит в виде «прадревнего мышления». Именно в обращении к нему, Хайдеггер увидит надежду, которая вместе с тем может стать подготовкой готовности к явлению Бога.

Метафизика: бытие или человек

Но для Хайдеггера это обращение усложняется тем, как он понимает метафизику в виде фундаментальной онтологии. Для Хайдеггера — это учение о бытии, и человек для него будет выступать как часть бытия наряду с другими частями: миром и даже Богом и т. д. В таком случае его понимание «прадревнего мышления» может осмысливаться в некотором горизонтальном, а точнее, имманентном отношении к бытию, поскольку Бог для него выступает как часть сущего, часть бытия⁴.

мышлений: философия не сможет вызвать никаких непосредственных изменений в теперешнем состоянии мира. Это относится не только к философии, но и ко всем чисто человеческим помыслам и действиям (Sinnen und Trachten). Только Бог еще может нас спасти. Нам остается единственная возможность: в мышлении и поэзии подготовить готовность к явлению Бога или же к отсутствию Бога и гибели; к тому, чтобы перед лицом отсутствующего Бога мы погибли».

⁴ В письме о гуманизме такое понимание Бога ясно выражено: «Бытие шире, чем все сущее, и все равно оно ближе человеку, чем любое сущее, будь то скала, зверь, художественное произведение, машина, будь то ангел или Бог. Бытие — это ближайшее. Бытие — это не Бог и не основа мира. Бытие шире» [12, 202].

Иначе рассматривается метафизика в философской антропологии. Для философской антропологии метафизика — это учение не о бытии, а о человеке. Вкратце говоря, такое заключение о метафизике как учении в первую очередь о человеке, а не о бытии, можно сделать, исходя из антропологического поворота Канта в философии. Подробно это различие было хорошо осмыслено и показано в текстах Ф.И. Гиренка: «Кант, Хайдеггер и проблема метафизики» (2013) [5], «Признаки постхайдеггерианского мышления» (2019) [6], а также в авторской работе «К вопросу о метафизике: бытие или человек» (2020) [4].

В результате этого поворота Канта бытие становится в зависимое положение от человека и в таком случае в своих основаниях не может его определять, но само становится тем, что определяется человеком. В этой связи о нем можно говорить противоположным образом, а именно: не человек часть бытия, а бытие может становиться частью человека. Эту мысль можно встретить, например, у Бердяева. В таком случае и Бог не будет пониматься как часть бытия. И тогда это обращение к Богу в мышлении будет иметь не имманентный характер, а трансцендентный.

Такова особенность понимаемого здесь древнего мышления, которое сущностно находится в нетождественном и неимманентном к бытию отношении. В этом нетождестве заключены смысл свободы, смысл сознания человека, смысл того, что в антропологии известно в виде его двойственности, поскольку эта двойственность выступает как сила, обеспечивающая восходящий горизонт трансцендирования человека в самом себе. Здесь возникает глубокое расхождение с Хайдеггером в отношении подхода к способу мышления Бога: в этом определении для него — «прадревнего мышления», в нашем случае — древнего.

Древнее или архаическое мышление

Нужно также отметить и то расхождение в отношении древнего мышления, которое должно быть установлено между философским пониманием человека и тем, которое сложилось в рамках

методов и принципов исследования древнего мышления человека, заданных эволюционной теорией, известное как архаическое мышление.

«Научная, социология и антропология, — писал Н.А. Бердяев, — очень много занималась первобытным человеком. Но методы и основные принципы исследования определялись эволюционной теорией второй половины XIX в. Исследовали современных дикарей и от них заключали о первобытном человеке. Совсем не в результате научного исследования, которое, в сущности, было невозможно, а в результате предвзятого философского принципа полагали, что человек был сначала в диком полуживотном состоянии и потом постепенно цивилизовался до человека XIX в. О далеком прошлом человека судили по настоящему, по дикарям и животным. И воображение ученых было так слабо, что не могли себе в далеком прошлом ничего представить иного, чем то, что видели в современности и на более низких иерархических ступенях жизни. Но древний человек и древняя жизнь были безмерно таинственнее и загадочнее, чем это представляется антропологам и социологам» [2, 87].

Эта мысль, высказанная Бердяевым, во-первых, позволяет иначе подойти к вопросу о мышлении древних, чем это было сделано учеными в XIX и XX вв., и исследовать его уже за рамками методов, применяемых в биологии и социологии, а во-вторых — провести от древнего к современному мышлению уже иную линию, линию, скажем так, нисходящего процесса в мышлении.

Такой взгляд на процесс изменения мышления человека и исследование его уже не с точки зрения антропологии и социологии становятся возможными как раз в свете применения философско-антропологического контекста, где человек изначально принимается не как животное, пусть и разумное, и социальное, но как существо, свободное в своем самоопределении, как существо, недетерминированное какой-либо внешней причиной, как существо, по выражению Бердяева, духовное, присутствие которого

выражено главным образом не в биологической и социально-политической, но в мистериальной и религиозной жизни, а также в искусстве, в поэзии и в философии.

Вместе с тем, устанавливая различия в подходах в определении древнего и архаического мышления, считая первое предметом философской антропологии, а второе — социальной антропологии, необходимо также установить различия между древним мышлением и современным. И через установление этого различия посмотреть, каким образом мы можем поставить вопрос о мышлении сегодня, имея ввиду ту изначальную задачу поиска мышления в обращенности к Богу, которое в своих основаниях позволит быть человеку свободным от техники.

Но прежде необходимо внести уточнение, проясняющее нашу мысль о человеке.

Мысль о человеке

Итак, сущностно человек не есть существо биологическое и социальное, но свободное, пусть эта свобода с точки зрения социально-биологического понимания человека и невозможна. В этом зазоре, обусловленном свободой, которая невозможна, состоит суть нетождества человека с наличным бытием, и эта суть говорит о *иномирности* человека. Это измерение *иномирности* есть сущностно *религиозное* человека, которое только в обращении к Богу в его различных *именах* позволяет преодолевать ту множественность и внутреннюю разрывность, которая на определенном этапе нас отворачивает от мира и обращает к тому, что может ее собрать. Собственно говоря, эта потребность в реализации *чувства свободы* может приходиться не только как религиозное чувство, но и как мысль, но не как абстрактная мысль, а как *свое* чувство мысли. Это чувство экстатично, но дело не в экстазе, а в том, вследствие чего этот экстаз возникает. А возникает он от *встречи* со своим *большим*, со своим *идеальным «я»*. В этих *встречах* происходит связывание внутреннего, поскольку они вносят — осознано или нет, но смысл в нашу жизнь.

Так вот — эта мысль о свободе есть в прямом смысле *религиозное*, которое может быть, и не осмысливаемо, поскольку оно может быть дано в опыте созерцания — как дар простого понимания простых вещей без понимания. *Великое* в религии в том, что она не нуждается в понимании, поскольку в понимании нет нужды. В религии достаточно лишь веры. В этом смысле религия ближе, чем философия, к тому, к чему она обращена. Но у этого *плана обращенности к себе* существует множество путей. И каждый из них образует в целом неисповедимый простор для жизни. Его внутреннюю красоту. И эти неисповедимая *сообщенность* и неслиянность множества путей также обеспечиваются свободой.

Эти пути, наконец, суть не только различные пути, определяющими из которых можно назвать религию и философию, но главным образом, пути людей в целом и по отдельности. Этим неисповедимым *планом обращенности к себе*, как и свободой, определяется существо *иномирности* человека.

Это исходная мысль о человеке.

Тезис о философско-антропологическом контексте

Именно в соответствии с таким пониманием человека вырастает идея контекста, максимум *смысла* которого — максимум *смысла* человека — могут передать религия и философия (как здесь они понимаются), поскольку они в этой *обращенности* направлены к *большему* человека. И через эту обращенность к *большему* человека приходят к некоторому *равному*. Это и есть опыт самопознания как опыт *встречи со своим большим*, поскольку в этой *встрече* и есть узнавание в *большем равного*.

Указание на такое понимание можно встретить у Августина: «Когда человек живет по человеку, а не по Богу, он подобен дьяволу» [1, 8]. Почти в тех же словах эта мысль будет выражена у Е.Н. Трубецкого: «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя» [10, 41].

«Быть человеком, — пишет Ф.И. Гиренок, — это значит... подниматься в этом соотношении над собой, удерживая себя в этой вертикали подъема. В подъеме нет никакой коммуникативной пользы. Он не ведет к новым практикам, к новому использованию вещей. Он прерывает горизонтальное существование человека, в котором человек выступает как вещь среди вещей. Стать ниже себя — значит унизить себя, учредить в себе нечеловеческое начало. Задача человека состоит в том, чтобы привести себя к самому себе. Все остальное — игра социума, уловки языка и кажимости прогресса». «Но как привести себя к себе, если человек не совпадает с самим собой? Как подняться над собой, — спрашивает Гиренок, — если чем лучше устроен социум, тем меньше в человеке человеческого?» [7].

Таким образом, чем в таком случае являются учения о человеке, исходящие из социального и/или биологического понимания природы человека, которые сегодня суть выражают научные представления о человеке? Если говорить мягче, не так, как могут себе позволить, например, Августин или Трубецкой, то в этом обращении к *равному* человека, они неизбежно приходят к его *меньшему*. И в этой претензии на *объективное* человека в обращении к *равному* человека — большая ложь позитивных наук о человеке. В таком случае, если и говорить про «*объективное*» человека, возможно о нем говорить лишь при обращении к *большему* его.

В этом обращении к большему применительно к способам исследования человека состоит смысл первого тезиса о контексте.

Тезис о мышлении

Говоря о философии, которая, как и религия, имеет эту направленность на *большее* человека, о какой философии в таком случае может идти речь? О философской антропологии. Поскольку именно в ней открыта возможность легко ускользнуть из философии *о* человеке (обращенность на *равное*) в философию (*из, в*) человека (обращенность на *большее*).

Философия — это метафизика. Но при чем тут философская антропология? На этот вопрос можно ответить благодаря коперниканскому повороту Канта, смысл которого хорошо передается вторичностью вопроса «что я могу знать?» (метафизика) по отношению к вопросу «что такое человек?» (антропология), которую Кант установит в «Логике» [8, 280], тем самым представив философию как антропологию.

В таком случае философия как антропология будет выступать уже не как философия о бытии, а как философия, согласно Канту, обращенная к внутренним принципам выбора человека между различными целями, т. е. как философская антропология, в основе которой будет заключена идея свободы, с одной стороны, а с другой — *идея цели*, образующая путь к *большему* себя.

Именно этот вектор мысли от человека к мышлению человека составляет смысл второго тезиса о мышлении.

Тезис о современном мышлении

Но Кант — это скорее исключение из философии. Нонсенс. Скандал. Его поворот в философии не будет принят, хотя последствия окажутся определяющими для философии.

Почему не принят? Как было отмечено, философия — это метафизика. А метафизика для философии есть то *большее*, которое изначально не обязательно связано с человеком. Это проект западноевропейской метафизики. В предельном смысле человек может быть из нее выкинут. Или, как скажет Фуко, метафизика как онтология должна быть от человека очищена [13]. Это мы имеем сегодня. В этом *выкидывании* человека из себя исполняется проект западноевропейской метафизики. Это финал. Точку в этом вопросе поставил еще Ницше.

В таком случае, каким событием лучше всего можно охарактеризовать начало проекта западной метафизики? Как скажет А.А. Мейер в письме А.Ф. Лосеву: это событие есть событие ухода мысли из храмового пространства [9, 90]. И как следствие:

через полагание на свой разум — обращение к *равному* себе, т. е. забвение себя. Это есть линия гуманизма.

В этом обращении к *равному* себя, в определении себя через бытие, состоит отношение к себе как части сущего, как вещи, а это и есть техническое отношение. Поскольку вещи между собой взаимосвязаны причинно-следственной связью, и эта связь перекладывается на человека. В результате человек оказывается в ситуации, которую Хайдеггер назовет катастрофической, и это его катастрофичность как раз обусловлена техническим мышлением человека, техническим пониманием себя. В таком случае не важно, чем эта причинно-следственная связь образуется — инстинктом, разумом или компьютерным кодом.

Существо такого мышления определяется здесь как мышление современное, поскольку в этой идее *технического* оно только и раскрывается.

Это есть третий тезис о современном мышлении.

Тезис о древнем мышлении

Но наряду с западным проектом метафизики можно говорить и о восточном. Для проекта восточной метафизики человек не может быть выкинут из нее, поскольку, скорее, он должен *ее* выкинуть из себя, а не себя из *нее*. В этом суть всех традиционных восточных учений. Элементу техническому здесь противопоставлена идея свободы — в своей максиме — как идея освобождения, идея спасения.

Существо такого мышления определяется здесь как мышление древнее.

И когда Хайдеггер говорит: «...кто из нас решится предсказать, не пробудятся ли в один прекрасный день в России или в Китае прадревние традиции такого “мышления”, которое позволит человеку достичь свободного отношения к миру техники?», в этой интуиции — в обращении к «прадревнему мышлению» — он оказывается наиболее близок к тому, что здесь понимается как древнее мышление. Однако проблема Хайдеггера в другом — в том,

что он остается в корне западным мыслителем, ориентация которого — бытие, а не человек.

И в этом смысле его постановка вопроса о «прадревнем мышлении» предполагая свободу от техники, оказывается обреченной, поскольку бытие по существу своему исполнено технически. Оно технично.

Это четвертое положение о древнем мышлении.

Тезис о постсовременном (сингулярном) мышлении

Как было сказано ранее, человека можно понимать как *иномирное* существо. Эта *иномирность* обеспечивается, с одной стороны, свободой от бытия, а с другой — неисповедимым *планом обращенности к себе*, свидетелем которого мы можем быть в событиях *встреч* со своим *большим* себя. *События* этих *встреч* есть таинство, которое в религиозном плане лучше всего может быть передано через религиозное чувство, возникающее в богообщении, в философии — как экстатическое переживание, возникающее в актах рождения смыслов.

Но и в одном и в другом случае происходит то, что можно отчасти передать словами Бубера о вере. «Вера, — говорит он, — это не чувство в человеческой душе, это есть вступление человека в действительность, в полную действительность, без пропусков и сокращений» [3, 341].

Чем интересно это высказывание? Идеей полноты — как полноты без пропусков и сокращений. Как это возможно представить, разумея не технический план, а неисповедимый? Представить это невозможно, поскольку полнота дается как *миговая* полнота чувства себя, как вспышка. Но этого мига хватает, чтобы обрести ту полноту, которая потом сложится уже в горизонте надежды. Это полнота есть полнота надежды в обращении к своему *идеальному*, как знание того, что кроме этой полноты ничего нет и ничего более не нужно.

Собственно говоря, эта идея полноты *себя*, рождающаяся в этих всегда уникальных и неповторимых мигах и вспышках полноты, образующая план надежды, составляет существо сингулярного мышления, которое всегда происходит только с *собой* и *собой*.

В этом мышлении возможна мысль, но мысль не как *абстрактное* мысли, переданное понятием мысли, а как *живое* мысли, как *сообщенное* в таинстве *встречи*. Как завет. В таком случае нужно сказать: в сингулярном мышлении мыслят не понятиями, понятия появляются потом, но заветами.

Это свобода от биосоциального и понятийного детерминизма в обращенности к большему себя открывает горизонт мышления, свободного от техники.

Это, наконец, заключительный, пятый, тезис о сингулярном мышлении.

Резюме

Ап. Павел говорит: «*Теперь* мы видим как бы сквозь *тусклое стекло*, гадательно, *тогда же* лицом к лицу; теперь знаю я *отчасти*, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13:12). И в этой же главе: «когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1 Кор. 13:10).

«Что я могу знать?» — спрашивает Кант, полагая за этим вопросом вопрос о метафизике, а следовательно, вопрос о мышлении.

Но нужно себя спросить, как можно ответить на этот вопрос, не имея того горизонта полноты и совершенства, о котором так явно не только пророчествует, сколько свидетельствует ап. Павел, хотя это свидетельствование и свершается словно через тусклое стекло.

Безусловно прав Кант, когда говорит, что прежде, чем отвечать на вопрос о мышлении, нужно отвечать на вопрос о человеке. Но на вопрос о человеке нельзя отвечать, не отвечая на вопрос о

Боге, о душе и свободе. Не мир интересен человеку, но его собственная мысль о самом себе.

А как же быть бытием, с миром? Как бы странно это не звучало, но вопросы о бытии, о мире представляются более проблематичными, чем вопрос о человеке. Почему? Потому что бытие есть лишь *учреждаемое* человеком о мире. Чем в таком случае является мир? Пещерой Платона? Вещью в себе Канта? Частью человека Бердяева? «Космосом» как составной частью макро- и микрокосма Флоренского? Или это лишь идея человека, подобная идее Хайдеггера о бытии.

Поскольку летают самолеты, а волки едят зайцев, нужно сказать, что мир устроен технически, в смысле той связи, которая возникает в четко устанавливаемом причинно-следственном ряду. Поэтому, рождаясь, человек умирает. Так устроен мир. И в этом мире человек конечен, поскольку его тело конечно. В этом мире есть место человеку, поскольку он, как Хайдеггер, может создавать свое понимание мира в виде философии *Dasen*.

Однако, если современное (западноевропейское) мышление, как мы его понимаем, через формулу тождества бытия и мышления пытается целиком и неустранимо связать человека с миром, с сущим, т. е. определить человека через мир, тем самым внушить ему идею его конечности и его смертность, то мышление древнее (восточное), в нашем определении, напротив, делает человека от мира свободным, и относится к миру в самом лучшем виде — как к миру падшего человека.

Это «наилучшее» представление видится самым верным. Поскольку позволяет, с одной стороны, уйти от объективации мира, т. е. принятия его как самостоятельной реальности, а с другой — вернуть целостное отношение к себе. Вернуть себе свой мир. И с ним, но уже на условиях человека, разобраться.

И наконец, стоит сказать, несмотря на факт антропологической катастрофы, установленный западноевропейскими мыслителями в отношении, собственно, самих себя и своей культуры, для

русской традиции в том, насколько она еще свободна от западно-европейской, еще есть надежда не распасться, надежда отстоять в себе человека.

Более того, вопрос о надежде не должен восприниматься, как вопрос пассивного ожидания, но напротив — пробуждать в человеке ту активность, которая необходима, чтобы *этот* мир, в котором живет человек, был миром человека, а не наоборот — его придатком.

В этом обращении к человеку в перспективе его *большого* «я» состоит задача для русской философии. И именно так нужно понимать антропологический поворот в философии сегодня.

Литература

1. *Августин*. О граде божьем, XIV—XXII. СПб.: Алетейя, 1998. 585 с.
2. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
3. *Бубер М.* Затмение Бога. Сборник. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 341 с.
4. *Булгаров А.И.* К вопросу о метафизике: бытие или человек // Философия хозяйства. 2020. № 127. С.187—196.
5. *Гиренок Ф.И.* Кант, Хайдеггер и проблемы метафизики // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2013. № 2. С. 86 — 97.
6. *Гиренок Ф.И.* Признаки постхайдеггерианского мышления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2019. № 2. С. 19 — 25.
7. *Гиренок Ф.И.* Подступы к философии человека: [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/692> (дата обращения: 26.09.2020).
8. *Кант И.* Соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. 718 с.
9. *Мейер А.А.* Переписка с Лосевым А.Ф. // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 87—100.
10. *Трубецкой Е.Н.* Умозрение в красках. М., 1916. 47 с.

11. *Хайдеггер М.* Интервью журналу «Шпигель» // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. 253 с.

12. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления: М.: Республика, 1993. 447 с.

13. *Фуко М.* В интервью Бадью А. [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-cto-takoe-psikhologiya> (дата обращения: 26.09.2020).

References

1. *Avgustin.* О grade bozh'em, XIV—XXII. SPb.: Aletejya, 1998. 585 s.

2. *Berdyayev N.A.* О naznachenii cheloveka. М.: Respublika, 1993. 383 s.

3. *Buber M.* Zatmenie Boga. Sbornik. Dva obraza very. М.: Respublika, 1995. 341 s.

4. *Bulgarov A.I.* К voprosu o metafizike: bytie ili chelovek // Filosophiya khozyajstva. 2020. № 127. S.187—196.

5. *Girenok F.I.* Kant, KHajdegger i problemy metafiziki // Vestnik RUDN. Ser. Filosophiya. 2013. № 2. S. 86 — 97.

6. *Girenok F.I.* Priznaki postkhajdeggerianskogo myshleniya // Vest. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosophiya. 2019. № 2. S. 19 — 25.

7. *Girenok F.I.* Podstupy k filosofii cheloveka: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/692> (data obrashheniya: 26.09.2020.)

8. *Kant I.* Soch. V 8 t. T. 8. М.: CHoro, 1994. 718 s.

9. *Mejer A.A.* Perepiska s Losevym A.F. // Voprosy filosofii. 2000. № 3. S. 87—100.

10. *Trubetskoj E.N.* Umozrenie v kraskakh. М., 1916. 47 s.

11. *KHajdegger M.* Interv'yu zhurnalu «SHpigel» // Filosophiya Martina KHajdeggera i sovremennost'. М.: Nauka, 1991. 253 s.

12. *KHajdegger M.* Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: М.: Respublika, 1993. 447 s.

13. *Fuko M. V interv'yu Bad'yu A. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya> (data obrashheniya: 26.09.2020).*

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

Мыслительная игра о природе мудрости*

Аннотация. В статье раскрывается структура универсального знания как одной из форм проявления мудрости. Для этого выявляются субстанция, возникающие из нее принципы, механизмы и законы, на которых базируются способы познания, с чьей помощью постигаются разные типы истин. Проницательный взгляд, дифференцирующий и интегрирующий ряды причинения, приводящие к разным типам истины, становится одним из источников знания устройства бытия и методов его постижения. Структурно организованное знание становится рациональным способом постижения иррационального.

Ключевые слова: магнетизм, энтропия, мудрость, эклектика, гармония, герменевтика, механизм, принцип, закон, игра.

Abstract. The article reveals the structure of universal knowledge as one of the forms of manifestation of wisdom. For this, the substance is revealed, principles arising from it, mechanisms and laws on which methods of knowledge are based, with whose help different types of truths are comprehended. An insightful view that differentiates and integrates rows of infliction, leading to different types

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Родзинский Д.Л. Мыслительная игра о природе мудрости // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 187—203

of truth, becomes one of the sources of knowledge of the device of being and the methods of comprehending it.

Keywords: magnetism, entropy, wisdom, eclecticism, harmony, hermeneutics, mechanism, principle, law, game.

УДК 111.1, 124.1
ББК 87.1

Мышление, свободное от техники. Актуальность поиска знания связана с универсальной способностью всех людей руководствоваться в своей жизни, как отмечал Аристотель, двумя началами — удовольствием и страданием. Совокупность духовных, физических и моральных удовольствий рождает понятие «полнота бытия», в котором одним из важнейших аспектов выступает его интеллектуальная составляющая. Иначе говоря, знание является неотъемлемым условием достижения предельной цели существования человека — обретения психического здоровья, выраженного в гармонии с собой и миром, кратко именуемого счастьем. Знание как интеллектуальная сфера деятельности, главной ценностью которой выступает истина, тесно переплетается с другой областью существования человека — моральной, занимающейся вопросами границ добра и зла. И действительно, всякое знание морально, ибо возникает в обществе и существует для него. Вместе с тем всякая мораль интеллектуальна, ибо несет в себе определенный срез знания о разрешенном и запрещенном, о границах добра и зла. Одной из ярких форм проявления морального знания становится игра, а ее высшей формой выступает игра мыслью [8].

Дадим определение понятию «игра», представляющему собой творческое самовыражение человека, чья свобода ограничена знанием пределов, установленных ранее оговоренными и принятыми правилами. Иначе говоря, игра — это форма интеллектуальной свободы в рамках заданных условий. Тогда игра мыслью становится творческим самовыражением разума человека, чей поиск

знания ограничен субъективными и объективными условиями его социального проявления [6]. К субъективным условиям игры разума мы отнесем его ментальный потенциал, состоящий из сочетания двух важнейших составляющих — родовой коллективной памяти предыдущих поколений, включающей в себя архетипические ассоциации и извлекаемые из них образы, и индивидуальной памяти, сформированной усилиями образования самого субъекта. К объективным условиям игры разума мы отнесем культурные традиции и социальную среду, которые в разной степени тормозят или мотивируют разум человека к поиску знания. Следовательно, отличие игры как таковой, в обобщенном ее понимании, от игры разума обнаруживается в конечной цели, стоящей перед ними. Если целью игры выступает победа, то итогом игры разума становится красота мысли, представляющая эстетическое проявление истины [13]. Иными словами, подлинная красота есть чувственное проявление истины, тогда как истина — рациональный результат познания чувственной красоты. Но если красота возбуждает в разуме любовь, то стремление к истине — жажду знания. Теперь становится понятным убеждение древних, утверждавших, что если знание не приводит к любви, то оно не только бесполезно, но даже вредно. Ибо конечным результатом познания должна выступать мудрость человека, выражающая себя в способности во всем видеть благо, истину, красоту и справедливость [10, 96].

Возникает вопрос: что такое знание и какова его связь с мудростью? Знание — аргументированный прогноз грядущего, которое, в отличие от религиозного пророчества, видит не только совокупность причинно-следственных рядов, но и их конечный результат, именуемый в философии и науке истиной. Знание, таким образом, это, прежде всего, знание истины, за которым стоит аргументированный прогноз неизбежного. Разберемся с видами прогностического знания. Бытовая форма знания называется предусмотрительностью, моральная — благоразумием. Следовательно, особой чертой индивида, отличающей его от животного,

становится предусмотрительность. Чертой, отличающей морального человека от индивида, выступает благоразумие; умного человека от морального — знание; совершенного человека от умного — мудрость. В чем отличие предусмотрительности, благоразумия, знания от мудрости? Предусмотрительностью движет инстинкт самосохранения, благоразумием — целесообразность, знанием — аргументированный прогноз. Возникает закономерный вопрос: что движет мудростью, каковы механизмы ее проявления?

Пределная сложность обретения мудрости как высшей формой проявления универсального знания связана с тем, что познаваемая реальность соткана из различных типов детерминизма, которые имеют как линейный, так и нелинейный характер своего становления. Разные типы детерминизма, постигнутые пронизательным разумом человека, приводят к соответствующим типам знания, за которыми стоят разные образы истины — абсолютная, объективная, относительная и субъективная [9]. Тесное переплетение причинно-следственных рядов создает иллюзию непредсказуемости событий, имеющих различную детерминистическую природу, распутать которую может только тот, кто обладает пронизательной способностью разума выделять различные ряды причинения и аргументированно прогнозировать перспективу их взаимодействия. Итак, если с функцией знания мы определились, она связана с аргументированным прогнозом неизбежного будущего, кратко именуемого истиной, то остается выявить организацию, или механизмы, мудрости как универсального интеллектуального явления, связанного с взаимодействием разных типов детерминации, приводящим к гармонии единства всех типов истины.

Всякое содержание знания как знания истины должно обладать полнотой, или завершенностью, которая включает в себя мудрость — как знание целого и его частей. Но если знание целого как конечного состояния, итога развития связано со статикой, которой занимается метафизика, то знанием динамики как

эволюции частей занимается диалектика. Таким образом, структура мудрости представляет собой конструктивное содружество, как минимум, двух фундаментальных разделов философии — метафизики и диалектики. Их взаимное обогащение происходит в тесном переплетении диалектики развивающегося знания и метафизики завершенной и потому статичной истины.

Попробуем, сохраняя строгость логического мышления, определиться со структурой феномена универсального знания, которая должна сочетать в себе динамику познания со статикой обретенной истины. Из приведенного рассуждения следует, что любое знание как знание целостной и завершенной истины должно с необходимостью опираться за знание своих динамических частей. Что относится к частям универсального целостного знания?

Во-первых, все, что обладает бытием. Знание — форма бытия разума — должно обладать началом, или основанием, именуемым в философии субстанцией. Таким образом, знание должно начинаться с субстанциональных основ всего бытия, которое получит свое дальнейшее становление.

Во-вторых, универсальное начало, или субстанциональное основание бытия, должно быть выражено в принципе всеобщего существования, играющего роль конституции, или высшего правила, зарождающегося знания. Таким образом, знание, кроме всеобщего основания, должно опираться еще и на универсальный принцип существования, играющий роль связующего звена между покоящимся основанием — субстанцией — и ее подвижным продолжением.

В-третьих, универсальный принцип становится условием для механизма развития бытия и знания о нем. Таким образом, знание, кроме своего основания и принципа существования, должно иметь еще и механизм своего развития.

В-четвертых, всякий механизм становления должен приводить к итогу своего развития — промежуточному этапу между не-

знанием и знанием истины, получившим название закона. Совокупность логически связанных между собой законов рождает теорию, высшая форма проявления которой подобна вершине айсберга и называется истиной.

Таким образом, к структуре, или содержанию, универсального знания как вида мудрости относятся четыре фундаментальных части — это основание, принцип, механизм и закон. Именно из них складывается целостное знание истины как аргументированного прогноза неизбежного. Исследуем каждую из частей знания, из которых складывается алгоритм постижения истины.

Первым аспектом универсальной формулы знания выступает начало, которое мы назвали основанием, или субстанцией. Что может претендовать на роль универсальной субстанции, опираясь на которую знание станет совершенным, или истинным? Совершенно только то знание, которое приводит все многообразие к единству. Совершенно только то единство, которое находит всему начало и завершение в пустоте. Совершенно только та пустота, которая вечна и бесконечна. Следовательно, единственным универсальным началом, или субстанцией, истинного знания может быть только вечная и бесконечная пустота, которая часто обозначается в философии через свои синонимы — небытие, ничто, Абсолют, Благо, Единое, Бог. Объяснимся.

Поскольку в пустоте ничего нет, то она представляет собой «чистое» бытие или небытие [9]. Это значит, что пустота, «чистое» бытие и небытие — аналоги. Поскольку пустота ничего в себе не содержит, постольку она — ничто из того, что есть в бытии. Следовательно, пустота и ничто — синонимы. Поскольку пустота изначальна, иначе говоря, вечна и бесконечна, то она выступает Абсолютом для того, что может в ней возникнуть относительно или ограниченно как по времени, так и по размерам. Примером может выступать наша Вселенная. Поскольку пустота изначальна и потому ни от чего не зависит, а от нее как условия своего существования зависит все, то в этом смысле она выступает

Богом, личностными характеристиками которого выступают свобода и любовь. В христианстве Бог есть любовь; Бог есть свобода. Анализ пустоты приводит нас к тому, что она есть высшая любовь, которая будет притягивать к себе любую полноту, ею же сотворенную. В этом смысле бесконечная пустота — абсолютный магнит, универсальный аттрактор, притягивающий к себе все частные и временные формы ее проявления в ограниченных видах полноты. Анализ пустоты, которая пребывает в покое, приводит нас к тому, что она есть и высшая свобода. Ибо то, что пребывает в движении, зависит или от того, к чему движется, или от того, от чего получила импульс движения. Покоящаяся пустота независима как от первого, так и от второго, следовательно, свобода покоящейся пустоты сильнее и значительнее свободы всякого движения, которое не только берет свое начало в покое, но и находит в нем свое завершение. И, наконец, поскольку бесконечная и вечная пустота — это высшая сила, от которой все зависит, то ее можно сравнить со здоровьем. И действительно, сила — это проявление здоровья, а слабость — болезни. Вместе с тем здоровье — это благо, а болезнь — зло. Следовательно, пустота как универсальная сила есть высшее Благо. Итак, основанием мудрости как универсального знания может быть только вечная и бесконечная пустота, выступающая «альфой» и «омегой» всех временных и ограниченных образований, частными случаями которых являются наша Вселенная и разум человека [9, 40].

Вторым аспектом универсальной формулы знания выступает начало, которое мы назвали принципом. Принципом является исходное положение универсального знания, развитие которого приводит к открытию механизмов, постоянство проявления которых получает название законов. Закон обнаруживает себя в динамичном постоянстве бытия, где знание законов позволяет предвидеть как его динамику, так и конечный результат. Оптимизируем наши представления об основании универсального знания, которое по содержанию пусто, по форме проявления — просто, по состоянию — покойно, по размерам — бесконечно. Здесь

каждое атрибутивное свойство пустоты проявляет себя в соответствующем принципе организации мудрости.

Так, пустота по содержанию представляет собой идеал единства, из которого проистекает в любом становлении множество противоположностей. В том случае, если ограниченные противоположности в массе других полюсов находят друг друга, то они, нейтрализуя свою особенность, возвращают себе идеал единства бесконечной и вечной пустоты. Что побуждает объединяться противоположностям? Ответ: принцип симпатии или подобия, провозглашающий, что «подобное устремляется к подобному» и «подобное порождает подобное». Это значит, что пустота, с одной стороны, всегда порождает в разной степени подобные себе противоположности — наполненности. С другой стороны, полюсы соединяются между собой, образуя единство, только в том случае, если они максимально качественно или количественно подобны друг другу. Отсутствие подобия в полюсах оставляет их безразличными или даже чуждыми друг другу. Так, например, для образования единства женское начало нуждается в мужском, левое — в правом, инь — в ян, светлое — в темном и т. п. Таким образом, первым принципом организации универсального бытия и знания о нем становится *принцип подобия* [13].

Пустота по форме своего проявления проста. Нет ничего проще пустоты, как и нет ничего бессодержательнее простоты. Простота — высшая форма экономии ресурсов: энергии, сил, информации, жизни. Простота пустоты как начало и завершение всякого усложнения становится причиной возникновения второго принципа организации универсального знания — принципа экономии [13, 533], более известного в философии, как «бритва Оккама». Чем экономнее организация, тем совершеннее. И наоборот, чем сложнее система, тем более уязвима и ближе к самоуничтожению из-за множества возможных ошибок, критическая величина которых становится причиной ее крушения, гибели. Таким образом, вторым принципом организации универсального знания становится *принцип экономии*.

Пустота по содержанию своего проявления покойна. Покой простой пустоты — это высшая форма порядка, усложнение которого происходит постепенно, поэтапно, последовательно. Поэтапный, последовательный переход покоя в движение и простого в сложное рождает универсальную иерархию. Иерархия как соподчиненность представляет собой универсальную организацию любого порядка. Это значит, что покой пустоты — это порядок вечности и бесконечности, а иерархия — порядок любой временной ограниченности. Таким образом, третьим принципом организации универсального знания становится *принцип иерархии*, или последовательной соподчиненности [5].

Пустота по размерам своего проявления бесконечна. Бесконечность пустоты рождает свою противоположность — ограниченность полноты, становление которой от простоты к сложности неизбежно приводит к разрыву магнетических связей, обеспечивающих единство и целостность иерархической системы. Разрыв магнетических связей приводит все усложняющуюся иерархию к хаосу, который знаменует собой рождение четвертого принципа организации универсального знания — *принципа энтропии* [7]. Что такое энтропия? Энтропию следует ассоциировать с беспорядком, или мерой хаоса, которая рано или поздно превратит всякую организацию в неупорядоченное состояние, чьи перспективы связаны с одним из двух вариантов. Первый вариант: растворение хаоса в бесконечной и вечной пустоте, покой которой является аттрактором для любого движения. Второй вариант: в хаосе происходит перезагрузка старых и неэффективных отношений в новые, эффективные на основании универсального принципа «подобное устремляется к подобному». Четвертый принцип знания известен как второе начало термодинамики, которое утверждает, что в спонтанном процессе общая энтропия Вселенной всегда возрастает. Второе начало термодинамики движет как Вселенной, так и знаниям. Нам известно, что Вселенная и знания расширяются, итогом чего становится их растворение в бесконечной и вечной

пустоте, представленной для знания незнанием, а для Вселенной — «ничто», из которого она возникла.

Таким образом, пустота как универсальная основа знания рождает четыре принципа своего последовательного становления: подобие, экономию мышления, иерархию и энтропию.

Третьим аспектом универсальной формулы знания мы назвали «механизм». Механизмы мышления соединяют собой принципы мышления с его законами. Знание последовательного сочетания законов мышления и бытия рождает мудрость как универсальную формулу знания [10]. Если каждому принципу будет соответствовать свой механизм мышления, то проследим эту связь.

Так, первому принципу подобия, на котором строится универсальная организация бытия и знания, будет соответствовать механизм магнетизма мышления. Что такое магнетизм? Магнетизм — это спонтанная устремленность частей друг к другу, образующая разные типы целостности. Здесь принцип подобия становится той силой, которая спонтанно соединяет схожие между собой части. Примером механизма магнетического мышления может служить спекулятивная способность созерцания, связанная со способностью интуиции видеть то, что не доступно для других людей. Таким образом, магнетический механизм мышления, названный впоследствии интуицией, берет свое начало в принципе подобия, универсальным основанием которого остается вечная и бесконечная пустота [9, 58].

Второму принципу экономии будет соответствовать механизм подражания, или мимесис мышления. Что такое подражание — мимесис? Подражание, или мимесис, — это сознательное повторение, уподобление определенному образцу, выступающему эталоном воспроизведения. Единственной формой универсального мышления, которой можно подражать и воспроизводить, остается логика. Примером логического мышления может служить рациональная способность рассудка выстраивать строгие причинно-следственные ряды научных и философских суждений.

Таким образом, подражательным механизмом мышления, подчиняющемся принципу экономии, может быть только логика, последовательность и непротиворечивость которой принадлежит рассудочному суждению [9, 86].

Третьему принципу организации универсального знания — иерархии — будет соответствовать механизм герменевтики, или интерпретационного мышления. Что такое интерпретация? Это процесс толкования, или объяснения, связанный с пониманием загадочного. Процесс толкования может использовать два механизма — внешний и внутренний. Внешний механизм толкования связан с уже имеющейся традицией линейного обоснования, где непонятное объясняется через понятное, а неизвестное — через известное. В этом случае субъект мыслит в рамках традиции, расширяя ее сферу, но не углубляя ее. Внутренний механизм толкования связан с родовой памятью субъекта, или архетипами коллективного бессознательного, рождающими нелинейные ряды ассоциативных образов. В этом случае субъект выходит за границы имеющейся традиции и потому может мыслить новационно. Традиционный или новационный типы мышления, опирающиеся на внешний или внутренний мир человека, возникают из принципа иерархии растолкованных образов. Примером герменевтического мышления может служить художественное, успех использования которого связан со способностью в старых образцах культуры видеть новые родовые образы. Следовательно, интерпретационный механизм, подчиняющийся принципу иерархии, связан с конкуренцией образов внешнего и внутреннего миров [9, 122].

Четвертому принципу, на котором строится универсальная организация знания — энтропии, будет соответствовать механизм эклектического мышления. Что такое эклектизм, и как он связан с энтропией? Эклектизм — это механическое соединение частей в целостность по одному из второстепенных признаков подобия, подбор которых осуществляется телесными чувствами. Эклектическое соединение формально из-за увеличивающейся энтропии информации, и потому оно не достигает содержательного подобия, именуемого синтезом, или единством. Принцип энтропии,

расширяющий и потому разрывающий внутренние более устойчивые связи, выступает условием, при котором эклектизм никогда не станет органическим синтезом. Примером эклектического мышления может служить софистика, успех применения приемов которой связан с отсутствием внутренней логики в угоду внешней эффективности, мотивированной не достижением истины, а стремлением к победе. Следовательно, эклектический механизм мышления, связанный с телесно-чувственным восприятием мира, подчиняется принципу энтропии, согласно которому расширяющийся хаос стремится к покою бесконечной пустоты. Именно поэтому формальные связи эклектизма, основанные на принципе энтропии, уступают содержательному наполнению синтеза, обязанные своим рождением принципу подобия [9, 155].

Таким образом, четыре принципа универсальной организации знания — подобия, экономии мышления, иерархии и энтропии — формируют четыре соответствующих механизма — магнетизм, мимесис, герменевтику и эклектику.

Четвертым аспектом универсальной формулы знания мы назвали законы, высшей формой проявления которых могут быть только законы гармонии [12]. Их обобщающий характер выделяет самое главное свойство бытия всего, а, следовательно, и знания о нем. Этим свойством становится траектория движения, ибо все, что существует, движется, или изменяется. Если движение — это внешнее изменение положение объекта в пространстве, то изменение — результат внутреннего движения объекта по отношению к самому себе. Так, пешеход движется в пространстве, но, если рассматривать пешехода как индивида, то он изменяется с возрастом. Это значит, что материя, природа, мысль, события и, наконец, история имеют свою траекторию движения — изменения, сложность познания которых связана с их наслоением и переплетением друг с другом. Разум пронизательного человека знает не только то, что основанием всего выступает пустота, но и сочетание принципов организации всего, из чего возникают механизмы, иначе, движущие силы, постоянство проявления которых получило название «закон». Среди иерархии законов есть те, которые

обобщают собою всю динамику становления бытия и знания о нем. Эти законы получили наименование «законы гармонии» [9, 26].

Что такое гармония? Это согласованная связь динамичных частей, образующих более или менее статичное благообразие целого. Благо целого выше блага своих частей, так как целое надежнее, сильнее, эффективнее, функциональнее. Что обладает всеми перечисленными характеристиками высшей гармонии? Ответ очевиден — только вечная и бесконечная пустота. Будучи абсолютным покоем, пустота становится началом и концом, или «альфой» и «омегой», всех видов движения, детерминизма, причинно-следственных рядов, чье постоянство проявления получило название «законы гармонии». Рассмотрим их связь с основанием, принципами и механизмами.

Вечная пустота — это идеал единства. Закон единства — это единство возможных противоположностей. Поэтому, когда пустота порождает свои подобные противоположности, то, не встречая преград, препятствий и сопротивления, движется линейно, подчиняясь еще и принципу экономии. Таким образом, принципы подобия и экономии вместе с механизмом магнетизма формируют линейную траекторию движения между полюсами подобных противоположностей, получивших название «гармония единства и борьбы противоположностей». Здесь подобные противоположности образуют единство, а неподобные — борьбу.

Простота пустоты, оставаясь магнитом для линейного движения, превращается для него в ось вращения так, что всякое линейное движение, претерпевая магнетическое притяжение, превращается в замкнутое, или цикличное. Цикличная траектория не только экономна по своим ресурсам, но и представляет собой законченность, завершенность между подражаемым и подражателем, образующим целостность, или завершенность, бытия. Таким образом, принцип экономии и механизм подражания имеют цикличную траекторию движения вокруг оси своего вращения как аттрактора, или образца. В результате подобное постоянство получило название «гармония целостности».

Покой пустоты, оставаясь неиссякаемым источником энергии движения, увеличивает его количество так, что энергия циклического движения более не уместается на одной орбите и потому вынуждена последовательно переходить на следующую, а затем на следующую орбиту. В результате циклическое вращение превращается в спиралевидное движение, организация которого связана с все уменьшающимся магнетизмом оси. Принцип иерархии отражает утрату магнетизма траектории движения с высшим порядком — осью кручения, за которой стоит покой простоты пустоты как основания и вместе с тем аттрактора всего. Механизм герменевтики связан с иерархией знания, высшим итогом которого выступает абсолютная истина. За ней последовательно выстраивается убывающий ряд ее проявлений — истины, объективная, относительная и субъективная, за ними — мнение и невежество. Абсолютная истина символизирует знание абсолютного порядка, в рамках которого чем дальше от пустотного основания высшей истины, тем меньше порядка, тем ближе к хаосу. Однако все виды траектории движения, наполняющих собой бытие, согласованы с универсальным своим основанием — пустотой абсолютной истины, остающейся «альфой» и «омегой» всех временных неполных форм. Эта иерархия всех временных форм бытия с абсолютной истиной получила название «гармония согласованности».

Бесконечная пустота, проецируясь в свою противоположность, формирует ограниченный хаос бытия и информации, становящихся одновременно и последним, четвертым, типом траектории движения, свидетельствующим о полной утрате магнетических свойств пустоты над подвижной полнотой. На самом деле хаос — это хранилище всех видов порядка, которые, будучи наложены друг на друга, вызывают ощущение беспорядка. Так что пустота и хаос выступают полюсами единого универсального порядка. Принцип энтропии, расширяющий бытие Вселенной, или знания разума, к бесконечной пустоте «ничто», или «незнанию», вместе с механизмом эклектики формирует поверхностные и скоротечные связи. Последние отражаются в разных пропорциональ-

ных отношениях между частями, образующими непродолжительные комбинации. Мимолетные связи, по формальным признакам готовые в любой миг, будто калейдоскоп, изменить свою конфигурацию в разбегающейся среде, получили название «гармония пропорции».

Таким образом, четыре механизма — магнетизм, мимесис, герменевтика и эклектика — формируют четыре соответствующих закона — единства, целостности, согласованности и пропорции.

Все это говорит о том, что проникательный разум мудреца видит динамичное становление бытия знания и его статичную целостность в виде матрицы устойчивых изменений, рождающих линейно-нелинейные связи вертикально-горизонтальных рядов причинения. Здесь четыре проявления субстанции обнаруживают себя в виде четырех последовательных принципов, которые формируют, в свою очередь, четыре соответствующих механизма. Становление механизмов как движущих сил приводит к четырем законам гармонии, которые обобщают собой все прочие законы бытия и знания о нем. Умение соотнести событие с определенным рядом причинения, который неизбежно пересечется во времени и пространстве с другими рядами, и есть аргументированный прогноз грядущего, именуемый универсальным знанием, или мудростью. Итак, мудр тот, кто видит множество видов движения к единому покою и общий покой — в многообразии движений.

Литература

1. *Богомолов А.С.* Диалектический Логос. Становление античной диалектики. М., 1982.
2. *Борн М.* Физика в жизни моего поколения. М., 1963.
3. *Борн М.* Размышления и воспоминания физика. М., 1977.
4. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М., 1987.
5. Иерархия / А.Г. Бондач, Д.Г. Подвойский; В.А. Попов // Большая российская энциклопедия: В 35 т. / Гл. ред. Ю.С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017.

6. *Мещеряков В.Т.* Гармония и гармоническое развитие. Л., 1976.
7. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.
8. *Рекшинская А.Я.* Философские концепции игры XX столетия: компаративный анализ // *Universon: общественные науки: электрон. научн. журн.* 2017. № 1 (31): [Электронный ресурс]. URL: <https://universon.com/ru/social/archive/item/4140> (дата обращения: 12.08.2020).
9. *Родзинский Д.Л.* Абсолютная природа разума. Онтолого-антропологическая парадигма: бытие и небытие. М., 2015.
10. *Родзинский Д. Л.* Сознание античного мудреца. М., 2003.
11. *Рожанский И.Д.* Развитие естествознания в эпоху античности. Ранняя греческая наука о «природе». М., 1997.
12. *Суминова Т.Н.* Ноосфера: поиски гармонии. М., 2005.
13. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981.
14. *Финк О.* Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.

References

1. *Bogomolov A.S.* Dialectical Logos. The formation of ancient dialectics. М., 1982.
2. *Born M.* Physics in the life of my generation. М., 1963.
3. *Born M.* Reflections and memories of a physicist. М., 1977.
4. *Heisenberg V.* Steps beyond the horizon. М., 1987.
5. *Hierarchy* / A.G. Bondach, D.G. Podvoysky; V.A. Popov // *Big Russian Encyclopedia: [in 35 t.] / Ch. Ed. Yu.S. Osipov.* М.: Big Russian Encyclopedia, 2004 — 2017.
6. *Meshcheryakov V.T.* Harmony and harmonic development. L., 1976.
7. *Prigozhin I., Stengers I.* Order from chaos. A new dialogue between man and nature. М., 1986.

8. *Rekshinsky A.Ya.* Philosophical concepts of the game of the twentieth century: comparative analysis // *Universum: social sciences: electron. научн. журн.* 2017. № 1 (31). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/4140> (case date: 12.08.2020).

9. *Rodzinsky D.L.* The absolute nature of the mind. Ontological-anthropological paradigm: being and non-being. М., 2015.

10. *Rodzinsky D.L.* Consciousness of the ancient sage. М., 2003.

11. *Rozhansky I.D.* The development of natural science in the era of antiquity. Early Greek science of «nature». М., 1997.

12. *Suminova T.N.* Noosphere: the search for harmony. М., 2005.

13. *Philosophical Dictionary* / Ed. I.T. Frolova. 4th edition. М.: Politizdat, 1981.

14. *Fink O.* The main phenomena of human being // *The human problem in Western philosophy.* М.: Progress, 1988.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

**Истина и заблуждение
(тезисы)***

Аннотация. Истина — идея наличествующего во всем существующем (в каждом явлении вплоть до универсума) диалектического единства материального и идеального. Субъектом истины является философ, субъектом заблуждения — обыватель. Заблуждение — не только противоположность истины, но и необходимое условие ее актуализации. Типы заблуждения: формальнологическое и алогическое.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Горбачев А.Ю. Истина и заблуждение (тезисы) // *Философия хозяйства.* 2020. № 5. С. 203—219.

Ключевые слова: истина, заблуждение, материальное, идеальное, сознание, познание (мышление), деятельность, философ.

Abstract. Truth is the idea of dialectical unity of material and ideal present in all existing (in every phenomenon up to the universe). The subject of truth is philosopher, the subject of delusion is everyman. Delusion is not just the opposite of the truth, but also a necessary condition for its actualization. Types of delusion: formal-logical and illogical.

Keywords: truth, delusion, material, ideal, consciousness, cognition (thinking), activity, philosopher.

1. Главный вопрос философии — вопрос об истине, потому что главной целью философии является достижение истины.

2. Вопрос об истине есть вопрос о базовых компонентах универсума. И наоборот: вопрос о базовых компонентах универсума есть вопрос об истине.

Примечание: базовыми компонентами универсума являются материальное (материя) и идеальное (отражение: движение, изменение, развитие, взаимодействие).

3. «В любом вопросе скрыта подсказка ответа. Она минимальна в вопросах максимальной сложности (универсального уровня); сложнейший из них — “Что такое истина? “» [1, 123 — 124].

4. Истина является не только высшим, но и предельным гносеологическим и экзистенциальным феноменом.

5. Истина представляет собой «сущностный компонент всякого явления вплоть до универсума» [1, 309].

6. Истина — главная идея универсального уровня (главная универсальная идея).

7. Истина — идея наличествующего во всем существующем (в каждом явлении вплоть до универсума) противоречивого единства материального и идеального.

8. Истина является коррелятом универсума и существования (бытия). Следовательно, правильное (точное) определение истины соотносится с определениями универсума и существования (бытия). Объединяющим элементом этих трех определений выступают категории материального и идеального.

9. Заблуждение — идея наличествующего в локальных (неуниверсальных) явлениях противоречивого единства материального и идеального.

10. Истина — единственная идея, которая не является заблуждением.

11. В определении истины должна быть элиминирована вероятность его трансформации в определение заблуждения.

12. Если в определении истины допускается вероятность его превращения в определение заблуждения, то только она будет реализована и тем самым данное определение окажется определением заблуждения.

13. «Определение: “истина есть соответствие понятия действительности“ тавтологично, следовательно, паллиативно, поскольку понятие включает в себе соответствие действительности» [1, 394].

14. Формулировка истины как соответствия между действительностью и ее пониманием является заблужденческой, потому что это определение не дает ответа на вопрос о содержании истины, т. е. оказывается формальным.

15. У предназначения истины имеются гносеологическая, или схоластическая (истина ради истины), и идеологическая, или утилитаристская (истина ради выживания человечества), стороны, причем первая из них асимптотически доминирует над второй.

16. Любые концепции истины, в которых фигурируют доминирование идеологической (утилитаристской) стороны ее предназначения над гносеологической (схоластической) либо не-

асимптотическое доминирование гносеологической (схоластической) стороны предназначения истины над идеологической (утилитаристской), низводят истину до заблуждения.

17. Так называемая «прагматистская трактовка истины» психогенна и, следовательно, фиктивна: в ней истина подменена набором субъективистски приемлемых заблуждений.

18. Прагматистская концепция истины зиждется на абсолютизации ее идеологического (утилитаристского) предназначения.

19. Все концепции истины, кроме диалектико-материалистической, являются идеологизированными (утилитаризированными) и содержат в себе в качестве ключевого звена ее прагматистскую трактовку.

20. У каждой концепции истины наличествуют логический, гносеологический и гуманистический аспекты. Однако лишь диалектико-материалистическая концепция истины репрезентирует их в полной мере и в неискаженной форме.

21. Все концепции истины, в которых она полагается неуниверсальной (локальной), являются заблужденческими.

22. Познание не безгранично: его предел — достижение истины.

Примечание: хотя достижение истины представляет собой предел познания, сама истина беспредельна, поскольку универсальна.

23. Беспредельность истины коррелирует с ее универсальностью (всеохватностью), а не с перманентной изменчивостью явлений вплоть до универсума. Истина неизменна.

24. «Поскольку истина — идеальная универсалия, ее критерий соотносится с ней по уровню, т. е. также является идеальной универсалией. Этому параметру соответствует исключительно познание (мышление), или познавательная (мыслительная) деятельность» [1, 303].

25. Познавательная (мыслительная) деятельность в снятом виде содержит в себе все уровни идеального (отражения). Следовательно, она представляет собой критерий истины.

26. «Познавательная (мыслительная) деятельность существует не сама по себе и не просто как вершина деятельности, а в связи с остальными типами деятельности; она в снятом виде включает их в себя и поэтому является критерием истины» [1, 417].

27. Типы деятельности, от низшего к высшему:

а) биологический (деятельность телесности и / или невербализованной психики) — инстинктивная (рефлекторная) деятельность;

б) социальный (деятельность вербализованной психики) — отношенческая (хозяйственная) деятельность;

в) духовный (деятельность сознания) — познавательная (мыслительная) деятельность.

28. «Биологический и социальный уровни деятельности образуют инфраструктуру относительного (частного / общего) уровня истины и поэтому являются относительным (частным либо общим) критерием истины. Духовный уровень деятельности образует инфраструктуру абсолютного (универсального) уровня истины и поэтому является абсолютным (универсальным) критерием истины» [1, 135].

29. Без определения критерия истины всякая ее трактовка не только неполна, но и несостоятельна.

30. Игнорирование вопроса о критерии истины при рассуждении о ней есть форма лукавого умолчания, субъект которого гносеологически некомпетентен.

31. Поскольку истина представляет собой результат адекватного отражения действительности людьми, претендовать на статус критерия истины могут исключительно антропогенные типы деятельности (практики): духовная (познавательная (мыслительная)), или познание (мышление), и социальная (отношенческая, хозяйственная). Познание (мышление) исчерпывающе отражает не только внешнюю по отношению к нему действительность, но и самое себя, причем отражает адекватно. Социальная деятельность отражает, и то далеко не целиком, лишь внешнюю

по отношению к ней действительность, причем либо с недостаточной адекватностью, либо неадекватно. Следовательно, критерием истины является познание (мышление).

32. «Типологические элементы структуры познания:

а) объект — универсум (действительность, существующее, мир);

б) субъект — философ (человек, принадлежащий к сознательно-психико-телесному антропологическому типу);

в) инструмент — сознание;

г) процесс — мышление;

д) результат — истина» [1, 177].

33. Если, согласно релятивистской установке, истина — это процесс, то, во-первых, в структуре познания истина оказывается процессом наряду с мышлением, что является nonsensom; во-вторых, мышление предстает безрезультатным, а истина, соответственно, принципиально непознаваемой.

34. Чем сознание отличается от познания? Тем, что сознание инструментально (оно — инструмент познания), а познание процессуально (оно — процесс освоения истины). Однако, будучи непосредственно процессуальным, познание является опосредованно результатным, поскольку его результат — истина.

35. Сознание, познание (мышление) и истина суть предельно высокие формы отражения (идеального): сознание — инструментальная, познание (мышление) — процессуальная, истина — результатная.

36. Истина — идея универсальной противоречивости явлений вплоть до универсума, определяемая субъектом познания (носителем сознания) — философом.

Примечания:

а) универсальная противоречивость явлений представляет собой наличествующее в каждом явлении вплоть до универсума противоречивое единство материального и идеального;

б) противоречивое единство материального и идеального есть такое их единство, в котором материальное является низшим,

идеальное — высшим, хотя в их конкретных сочетаниях каждый из этих компонентов универсума может неасимптотически либо асимптотически доминировать над противоположным.

37. Истина не может возникнуть без философа, потому что она представляет собой результат познания (мышления), а его уникальным субъектом (носителем) — единственным существом, которое познает истину, т. е. определяет ее содержание и тем самым констатирует ее наличие, — является философ.

38. «Как и всякое идеальное, истина не существует сама по себе, независимо от ее носителя. Однако зависимость истины от ее носителя означает не просто то, что она без него не актуализируется, но и то, что истина зависит исключительно от такого носителя, который способен быть объективным, или, иначе говоря, способен познавать (мыслить)» [1, 269].

39. Истина не зависит от субъекта? Не зависит в том смысле, что она объективна. И зависит в том смысле, что она не существует бессубъектно, сама по себе, и не возникает сама собой: ее продуцирует субъект — философ и принимают к сведению его последователи.

40. Если истина объективна, то почему для ее возникновения и существования необходим философ? Почему она не может возникнуть и существовать, будучи непознанной им? Потому что философ как субъект сознания, познания (мышления) и истины — не только вершинный, но и завершающий и, соответственно, универсальный компонент универсума. С появлением философа универсум обретает содержательную полноту (формальное многообразие универсума, поскольку оно репрезентировано перманентно изменяющимся неограниченным множеством феноменов, оказывается принципиально неполным).

41. Залогом актуализации истины служит постоянство наличия ее субъекта (носителя). Иными словами, истина наличествует в том случае, если существуют философы, и до тех пор, пока они есть.

42. «Философ — высшее существо, но не высшее существующее. Высшее существующее — истина, по отношению к которой философ выступает эксклюзивным носителем. Уникальность истины состоит в том, что она — единственное произведенное, которое выше (ценнее), причем асимптотически выше (ценнее), своего производителя» [1, 309].

43. Хотя истина асимптотически выше философа, она не может возникнуть без него и поэтому не является надчеловеческим (и, следовательно, мистическим) феноменом.

44. «Философ в принципе не может не быть субъективным. Однако дело не в субъективности философа, а в том, что он объективирует ее. Тем самым субъективность входит в истину как снятая противоположность» [1, 174 — 175].

45. «Нет истины объективной и субъективной — есть истина и заблуждение. «Объективная истина» — тавтология, «субъективная истина» — алогизм» [1, 346].

46. «Истина тотальна. Поэтому заблуждение является не отсутствием истины, а относительной (частной / общей) истиной и моментом абсолютной (универсальной) истины. Формы относительной истины различаются между собой степенью их удаленности от абсолютной истины» [1, 106].

47. Заблуждение, в отличие от истины, неуниверсально (локально): оно носит частный / общий характер. Типологические инструменты продуцирования заблуждения — алогизм и формальная логика — также неуниверсальны (носят частный / общий характер), в отличие от типологического инструмента продуцирования истины — диалектической логики. Алогизм является типологическим инструментом продуцирования недостоверности, формальная логика — типологическим инструментом продуцирования достоверности локального (частного / общего) уровня, диалектическая логика — типологическим инструментом продуцирования достоверности универсального уровня.

48. В формальной логике имеются необходимое и достаточное условия истинности высказываний. Однако при этом сама

формальная логика, поскольку в ней элиминирована противоречивость, является лишь необходимым условием актуализации истины, а достаточным условием ее актуализации выступает диалектическая логика.

49. «Заблуждение — результат подмены (всегда осуществляемой бессознательно, поэтому не важно, намеренной или ненамеренной) универсального локальным: общим либо частным» [1, 106].

50. Индифферентность по отношению к универсальному, или гносеологическая индифферентность, — атрибут заблуждения. Следовательно, всякая истина локального (частного / общего) порядка представляет собой заблуждение. Считать ее истинной означает психологизировать истину, т. е. подменять ее гносеологическую атрибуцию (соотнесенность) психологической.

51. Немотивированных заблуждений нет. Сущностно любое заблуждение обладает субъективистской (психогенной) мотивированностью.

52. Истина и заблуждение суть феномены идеального, которые соотносятся между собой как высшее и низшее, следовательно, как идеальное и материальное, точнее, как идеальное, максимально удаленное от материального, и идеальное, не максимально удаленное от материального.

53. Истина — противоречивое единство высшего и низшего при асимптотическом доминировании высшего; заблуждение — противоречивое единство низшего и высшего при асимптотическом либо неасимптотическом доминировании низшего.

54. «Низшее — необходимое высшего. Заблуждение — необходимое истины» [1, 189].

55. Заблуждение первично по отношению к истине: оно возникает раньше ее; кроме того, заблуждение без истины существует, истина без заблуждения — нет.

56. Всякое заблуждение обременено не только собственной, но и родовой логико-гносеологической дефектностью, поскольку

оно утверждает логико-гносеологическую единственность заблуждения как такового, т. е. выступает тотальным блокиратором истины.

57. Истина — результат преодоления заблуждения (поэтому без него она не существует), вернее, того аспекта заблуждения, который представляет собой принцип гносеологической неадекватности и который присутствует в каждом заблуждении в качестве определяющего его содержание (сущность).

58. По отношению к входящему в ее структуру заблуждению истина является асимптотически доминирующей над ним. Иначе говоря, истина существует только при условии ее асимптотического превалирования над заблуждением. Любые формы доминирования заблуждения над истиной суть заблуждения. Неасимптотическое доминирование истины над заблуждением невозможно, потому что в данном случае не преодолевается самодостаточность заблуждения и оно не образует основу истины, а без заблуждения как своей основы истина не актуализируется.

59. Заблуждение входит в структуру истины в качестве снятой (угнетенной, преодоленной) противоположности. Следовательно, «чистой» истины нет: истина — это «преодоленное, но не ликвидированное заблуждение» [1, 17]; его невозможно устранить полностью, не устранив также истину.

60. «Хотя заблуждение входит в структуру истины, совокупность заблуждений не образует истину» [1, 115]. Иными словами, абсолютная (универсальная) истина не составляется из какого угодно множества относительных (локальных (частных и / или общих)) истин; она репрезентирует высший уровень гносеологического, они же ни по отдельности, ни совместно не достигают и не могут достичь этого уровня.

61. Заблуждение заблуждению рознь. Гносеологическая ценность заблуждения определяется степенью его близости к истине.

62. «Не только истина, но и заблуждение обладает гносеологической ценностью (конструктивностью, продуктивностью).

Однако его гносеологическая ценность — не высшего (универсального), а низшего (локального (частного / общего)) уровня» [1, 419].

63. «В заблуждении имеется доля истины, потому что заблуждение оказывается первым и необходимым шагом к пониманию истины» [1, 421].

64. В каждом заблуждении есть доля истины, но это не превращает заблуждение в истину и не является комплиментом ему.

65. «Поскольку заблуждение — противоположность истины и, следовательно, не только ее отрицание, но и необходимое условие, а также локальная (частная / общая) форма ее актуализации, существует бесконечное множество возможностей доказательства истинности заблуждения. И лишь на уровне универсального заблуждение может быть идентифицировано» [1, 224].

66. Доказательность, или окончательная (исчерпывающая) обоснованность, коррелирует с неизменностью истины. А трактовка истины как вариативной требует бесконечной доказательности (после обоснования исходного положения необходимо обосновать его обоснование, затем обосновать обоснование обоснования и т. д.), следовательно, оборачивается бездоказательностью.

67. Доказательству подлежат:

а) абсолютная истина, или собственно истина;

б) относительные истины, или заблуждения формальнологического типа;

в) заблуждения алогического типа, или собственно заблуждения.

68. «Если при обосновании заблужденческого высказывания выдвигаются верные тезисы, то их правота локальна, а не универсальна и непосредственно предназначена для вуалирования гносеологической ущербности данного высказывания» [1, 425].

69. Формальная логика не служит препятствием для алогизма: она позволяет осуществить какое угодно количество дока-

зательств истинности любого заблуждения. Диалектическая логика не дает такой возможности, потому что является единственным эффективным инструментом идентификации истины и заблуждения.

70. Тезис «Всякое утверждение (аргумент, идею, концепцию и т. п.) можно оспорить (подвергнуть сомнению, признать мнимым и т. д.)» волюнтаристски мотивирован, следовательно, безоснователен. Ведь дело не в спорности того или иного утверждения, а в его гносеологическом статусе — соотносительности с истиной либо с заблуждением.

71. Истина универсальна, едина и единственна. Следовательно, ее обозначение не нуждается в конкретизирующих коррективах типа «истина факта» («фактографическая истина»), «локальная истина» («частная истина»), «объективная истина» и т. д., которые на деле выступают маркерами подмены истины заблуждением.

72. В тезисе об «объективности фактов» игнорируется наличие субъективности выбора фактов, вследствие которой «истина факта» оказывается заблуждением.

73. Установка на изложение фактов без их истолкования алогична (отрицает себя): по сути она является формулировкой принципа связи между излагаемыми фактами, т. е. их истолкованием.

74. «Типы (уровни) заблуждения:

а) формальнологическое, или заблуждение формальнологического типа (заблуждение уровня формальной логики);

б) алогическое, или заблуждение алогического типа (заблуждение уровня алогизма)» [1, 116].

75. Формальнологическое заблуждение есть локальная (частичная, неуниверсальная) истина, или истина частного / общего уровня, следовательно, преходящая, приближительная и вероятностная истина. Алогическое заблуждение есть безоговорочное заблуждение, или заблуждение в собственном смысле слова.

76. На истинность высказывания, помимо гносеологической компетентности его субъекта, влияет качество его объекта, а именно то, относится ли объект высказывания к универсалиям (объектам универсального уровня) либо к локалиям (объектам частного / общего уровня). Высказывания об универсалиях бывают истинными либо заблужденческими; высказывания о локалиях (о явлениях, в том числе о неуниверсальных сущностях) — исключительно заблужденческими.

Примечание: заблужденческие высказывания могут быть формальнологическими либо алогическими.

77. По большому счету, гносеологической значимостью обладают только адекватные высказывания о главных универсалиях — сознании, познании (мышлении), истине. Все прочие высказывания относятся к заблужденческим: формальнологическим и алогическим. Их гносеологическая значимость условна и выше у первых, нежели у вторых.

78. Рациональное рациональному рознь. Рациональное локального (частного / общего) уровня представляет собой формальнологическую разновидность иррационального (заблуждения). А рациональное универсального уровня является собственно рациональным, т. е. истиной.

79. Поскольку познание (мышление) представляет собой процесс достижения (освоения) истины, или, иначе говоря, поскольку познание является и может быть исключительно познанием истины, оно является и может быть только точным (адекватным). Неточное (неадекватное) познание есть не познание, а переживание, или оперирование вербализованными (словесно-знаковыми) представлениями (словесными образами), результатом которого оказывается не истина, а заблуждение в двух его типологических разновидностях: первичной — формальнологической либо вторичной — алогической.

80. Переживание беспредельно в том смысле, что его результатом является бесчисленная совокупность заблуждений, и

ограниченно в том смысле, что его результат не выходит за рамки заблуждения.

Познание (мышление) предельно: его результат — истина.

81. Истина — результат познания, т. е. сознательной деятельности. Следовательно, бессознательно, — не мысля, а переживая (используя не диалектическую логику, а сочетание формальной логики с алогизмом; оперируя не понятиями, а вербализованными представлениями), — прийти к истине невозможно. Мнение о том, что истина достижима бессознательно, — не более чем мнение, адвокатирующее гносеологическую некомпетентность тех, кто путает истину с заблуждением.

82. Из тезиса о возможности бессознательного освоения истины вытекает фиктивность сознания и познания.

83. Истина есть информация, продуцируемая сознательно. Бессознательно продуцируются заблуждения.

84. Любое индивидуальное заблуждение представляет собой проявление коллективного бессознательного. Поэтому заблуждения индивидуализируют людей лишь формально, а содержательно — сигнализируют об их принадлежности к неисчислимой человеческой массе.

85. Субъект заблуждения — обыватель, или человек, принадлежащий к психико-телесному антропологическому типу, носитель коллективного бессознательного (вербализованной психики).

86. Обыватели продуцируют исключительно заблуждение в двух его полярных разновидностях:

а) рациональной (формальнологической) — первичное заблуждение;

б) иррациональной (алогической) — вторичное заблуждение.

Указанные формы заблуждения продуцируются обывателями не в чистом виде, а в сочетании друг с другом. В данном сочетании обыватели квалифицируют как заблуждение лишь вторичное заблуждение.

87. Строго говоря, противоположными являются истина и любое заблуждение. Противоречащие друг другу заблуждения не противоположны, а полярны, причем полярность между формальнологическими и алогическими заблуждениями радикальнее полярности внутри каждого из этих типов заблуждения.

88. Накапливание заблуждений создает кумулятивный психологически программирующий эффект с агностическими последствиями: оно приводит к убеждению в гносеологической единственности заблуждений и, соответственно, к атрофированию потребности в поиске истины.

89. Главное и почти непреодолимое препятствие, с которым сталкивается искатель истины, — экзистенциальный барьер: необходимость жить ради истины без гарантии ее достижения, под угрозой превращения в чудака и неудачника.

90. Отсутствие поиска истины проявляется в двух базовых формах:

а) в активной (имитация поиска истины, т. е. продуцирование заблуждений формальнологического и / или алогического типа);

б) в пассивной (собственно отсутствие поиска истины).

91. «Информационные сбои наличествуют у человека и у обладающих психикой животных. При этом антропогенные информационные сбои являются заблуждениями, поскольку человек в принципе способен достичь истины, а неантропогенные информационные сбои суть ошибки, поскольку животные в принципе не способны достичь истины и, следовательно, их неправомерно уличать в актуализации заблуждений» [1, 407].

92. Ошибки животных не имеют субъектной обусловленности. Они «продиктованы сбоем инстинктов (рефлексов) и поэтому не относятся к заблуждениям» [1, 393].

93. «На уровне восприятий и сенсорно-знаковых (невербализованных) представлений совершаются ошибки, а не заблуждения. Уровень актуализации заблуждений — словесно-знаковые (вербализованные) представления.

Примечания:

а) Ошибаться могут только существа, которые обладают невербализованной (сенсорно-знаковой) психикой, т. е. высшие животные.

б) Заблуждаться могут только существа, которые обладают вербализованной (словесно-знаковой) психикой, т. е. люди.

в) Допустимо называть заблуждения ошибками, если из контекста рассуждений ясно, что речь идет о заблуждениях. Называть ошибки заблуждениями некорректно» [1, 415].

94. Примеры утверждений, которыми истина прямо либо косвенно отрицается и тем самым замещается заблуждением:

1. «Истина не существует».
2. «Абсолютная истина не существует».
3. «Истина относительна».
4. «Истина конкретна».
5. «Истина множественна».
6. «Истина субъективна».
7. «Истина определяется витальной выгодой (индивида, группы людей, человечества)».
8. «Истина неизвестна никому».
9. «Истина известна только божеству (мистической инстанции)».
10. «Истина непознаваема».
11. «Истина частично познаваема».
12. «Истина процессуальна».
13. «Истина достижима лишь в бесконечности».
14. «Истина прирастает новыми знаниями».
15. «Истина находится в ведении науки (либо религии, искусства и т. д.)».
16. «Истина изменчива».
17. «Истина доступна для каждого человека».
18. «Истина доступна для большинства либо для многих людей».

19. «Истина доступна для детей и / или для молодых людей».
20. «Истина доступна для женщин».
21. «Истина доступна для всех (большинства, многих) мужчин».
22. «Истина доступна для носителей зла».
23. И т. д., и т. п.

Литература

1. *Горбачев А.Ю.* Философский дневник (2002 — 2013 гг.). Философские статьи и тезисы. Минск: Издатель А.Г. Печенко, 2014. 640 с.

References

1. *Gorbachyov A. Yu.* Philosophskij dnevnik (2002 — 2013 gg.). Philosophskie statji i tezisy. Minsk: Izdatel A.G. Pechenko, 2014. 640 s.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ**

С.Г. КОВАЛЕВ

**Миропорядок Второй мировой:
опыт СССР для современной России***

Аннотация. В статье дается понимание категории «мировой порядок», определена роль Второй мировой войны в истории XX в. и становлении нового послевоенного мира. Показаны усилия и вклад советского народа в общую победу союзников в войне. Проанализированы факторы, позволившие стране выстоять и победить.

Ключевые слова: мировой порядок, Вторая мировая война, советская военная экономика 1941—1945.

Abstract. The article gives an understanding of the category of world order, defines the role of World War II in the history of the 20th century and the formation of a new, post—war world. Effort and contribution of the Soviet people to the common victory of the allies in the war is shown. The factors that allowed the country to withstand and win are analyzed.

Keywords: World order, World War II, Soviet war economy 1941—1945.

УДК 330, 304,111
ББК 65в

Миропорядок — абстрактное и достаточно условное понятие, имеющее реальное содержание — действия, взаимодействия (и их тип) стран-субъектов, обусловленные их интересами, балан-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Миропорядок Второй мировой: опыт СССР для современной России // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 223—242.

сом сил, взаимоприемлемыми правилами в планетарном человеческом сообществе. Реальный миропорядок, сложившийся в определенный исторический период и в определенных пространственных границах, нагляден, фактологичен, познаваем. Эволюция общества ведет к изменению миропорядка.

Миропорядок и как категория (политики, науки), и как повседневная реальность обладает набором атрибутов, а именно: наличием мировых субъектов, имеющих интересы, цели; наличием границ, в рамках которых действуют субъекты; наличием правил согласования взаимодействия субъектов; наличием инструментов принуждения исполнения правил. Отсутствие выше-названных атрибутов — признак слабой упорядоченности мира, его хаотичности.

Стран, потенциальных субъектов миропорядка, в мире много, но они не однородны — различен потенциал, уровень социально-экономического развития, степень суверенности. Помимо стран субъектностью обладают и крупные корпорации, деятельность которых простирается за рамки суверенных границ, и надгосударственные институты. Формально мир во все времена был многомерен, многополярен, а реально в нем всегда существовало и существует и поныне два-три наиболее сильных государства, несколько десятков крупнейших корпораций (например, в XVIII в. Ост-индские — английские, голландские, французские), играющих доминирующую роль. Миропорядок — это иерархически сетевое образование, включающее и разрозненные точки, и решетки, и узлы.

Если мыслить широко, тысячелетиями и абстрактно, по Марксу, то миропорядок — это формации, если по Тойнби, то цивилизации, если более узко, столетиями, и более приземленно, то миропорядок — системы международных отношений, которые начали складываться с XVII в. в Европе. Ясно, что одно не исключает, а дополняет другое.

Выделяют четыре системы: Вестфальскую (установленную в 1648 г., после окончания Тридцатилетней войны, охватившей

всю Европу); Венскую (установленную 1814—1815 гг., после бесконечных войн, закончившихся поражением Наполеона Бонапарта); Версальско-Вашингтонскую (установленную после Первой мировой войны на основе договоров, заключенных в период 1919—1922 гг.); Ялтинско-Потсдамскую (установленную по итогам Второй мировой войны, после капитуляции стран гитлеровской коалиции на основе решений Большой тройки, вырабатываемых на ее конференциях, начало ее было заложено уже 1943 г. на Тегеранской конференции).

Все системы сформированы по окончании масштабных общеевропейских и мировых войн. В них существует преемственность — последующие системы развивали принципы Вестфальской, с учетом новых изменившихся исторических реалий. Вестфальская система во главу угла поставила страну, ее интересы, суверенитет, невмешательства во внутренние дела. В дальнейшем наблюдаются выход систем международных отношений за пределы европейского пространства, констатация наличия великих держав, но за фасадом формального равенства стран скрываются устанавливаемые для наиболее сильных из них преимущества, возрастание роли надстрановых институтов

Системное осмысление Второй мировой войны (ВМВ) означает не только анализ действий ее участников, театров военных действий, но и раскрытие всех предпосылок, условий и последствий войны — довоенного, военного и послевоенного мира; рассмотрение войны как кульминации в столкновении противоборствующих сторон, накопившихся противоречий, как точки бифуркации в историческом развитии, момент слома одного порядка и замены его другим. Такой взгляд на войну акцентирует внимание на мировые изменения, обусловленные войной, на целостность миропонимания: до, во время и после войны. Мир во время и после ВМВ понес не только колоссальные человеческие потери, материальные разрушения, но и необратимо изменился — стал более биполярным (две социальные системы, два полюса военной, политической, экономической, мировоззренческой силы),

более машинным, индустриальным, более конкурентным и жестким (ушел в небытие колониальный патернализм), более тесно взаимосвязанным и нестабильным, а в целом более тотальным, социально неоднородным, менее предсказуемым. ВМВ — не только знаковое событие для долгого XX в. (конец XIX — начало XXI), но и для судьбы самого капитализма как социального строя.

В начале XIX в. теоретики политической экономии, преимущественно левой ориентации, уловили признаки изменений и в европейском капитализме, и в американском: сращивание промышленного и финансового капитала (Гильфердинг); новая его стадия — империализм (Ленин); ультракапитализм (Каутский), организованный капитализм (Зомбарт). В 1930-е гг. стало видно, что протестантский капитализм Вебера в Европе уступает место национал-госкапитализму Гитлера (национальный по форме и национально-мировой по сути), а в Америке корпоративному госкапитализму (интернационально-национальный по форме и мировой по сути). Британский капитализм оставался во многом имперским. Главное для него было сохранение Британской империи, власти Лондона над доминионами, существование препонов для иностранного капитала и товаров в границах ее пространства.

Соответственно и Первая, и Вторая мировые войны сыграли роль повивальной бабки смены формы капитализма, инструмента становления капитализма транснациональных корпораций. Причем чисто исторически их можно рассматривать как единое событие передела мира.

Эволюция капитализма шла почти по Марксу, но только почти — единой интернациональной силой стали не пролетарии и не институты объединенных государств, а транснациональный капитал, первоначально промышленный, а затем банковский. Национальные капиталы сливались в наднациональный капитал. Показательно создание в 1913 г. ФРС США — пула 12 частных банков (и не только американских) — выполняющей функции ЦБ страны, регулирующей ее денежное обращение, но косвенно выступающей и регулятором для всего мира. Соответственно в истории че-

ловечества двойной рубеж — век XIX—XX и век XX—XXI — образуют особый период, а именно, период коренного слома ранее существовавшей колониальной мир-системы и переход к новой мир-системе, включавшей в себя мир капитализма, мир социализма, «третий мир», а в последующем и переход к разворачиванию процессов глобализации, становления нового миропорядка.

ВМВ — важнейшее и переломное событие XX в. Ее начало историки трактуют по-разному (как правило, сентябрь 1939 — сентябрь 1945), но при этом четко выделяются три периода — военные действия, а также предвоенные и послевоенные события. Довоенные — политика попустительства Англии, Франции, США по отношению к милитаризации и территориальной экспансии Германии (присоединение демилитаризованной Рейнской зоны; населенной немцами Судетской области Чехословакии; а после Мюнхенского соглашения 1938 г. аншлюс Австрии, разделение Чехословакии, с включением части ее земель).

Послевоенные конференции стран-победителей по обустройству и конфигурации послевоенного мира (Потсдамская 1945 г., Санкт-Францисская 1945 г., еще ранее Ялтинская 1945 г., Бреттон-Вудская 1944 г.).

Поставив под прямой или косвенный контроль многие страны, прежде всего страны Западной, Центральной, Южной, Восточной, Северной Европы, Гитлер не просто создал новый рейх («третий»), а вновь воссоздал в XX в. объединенную империю германской нации, с собственной идеологией, агрессивной внешней политикой, большим военным и экономическим потенциалом, интересы которого выходили за европейские границы — простирались в Африку, Латинскую Америку, Азию и даже в Антарктиду.

Ключевой период Второй мировой войны — это Восточный фронт, схватка между СССР и нацистской Германией, получившая в отечественной историографии название Великая Отечественная война (ВОВ). Это трагический, героический и во многом судьбоносный период в истории СССР и его многонационального

народа, принявшего на свои плечи основные тяготы войны и понесшего самые большие человеческие и материальные потери среди воевавших стран. Из войны, после победы, вышла иная страна — признанный мировой лидер, оплот не только будущего лагеря социализма, но и новая по своей сути страна — сверхдержава, во многом восстановившая и внешние атрибуты, и внутренние традиции Российской империи. Вышла страна, выдержавшая натиск не только Германии, но и армий других стран, чьи войска (более или менее активно и ожесточенно) непосредственно воевали на ее территории: Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Хорватии, Финляндии, а также необходимо учитывать и коллаборационистов из завоеванных Гитлером стран и добровольцев из Испании и других стран.

Ретроспективный взгляд событий семидесятипятилетний давности требует не только уважения, сохранения памяти по отношению к погибшим и выжившим в боевых действиях, трудившимся в тылу, но и объективного анализа, без эйфории, всех обстоятельств войны, оценки интересов и действий всех ее участников, анализа всех факторов, обусловивших как ее развертывание, так и победу, а также отдельные поражения, в том числе и неудачное для СССР начало хода военных действий в конце июня — начале июля 1941 г.

Можно привести множество факторов, в конечном итоге обусловивших победу СССР в ВОВ и позволивших стать одним из победителей во ВМВ.

Все факторы условно можно разделить на внешние (факторы мировой среды), слабо или не жестко связанные с усилиями конкретной страны, и внутренние, прямо связанные с теми или иными действиями суверенного мирового субъекта. А среди последних можно выделить: политические, мировоззренческие, экономические, включая демографические, технологические, а также чисто военные. Безусловно, исход войны решается силой оружия, подготовкой, тактикой и стратегией полководцев, выучкой, вы-

ручкой и героизмом офицеров и солдат. Но всегда важна совокупность факторов, их комбинации. В этой взаимосвязанной системе кратко раскроем лишь три важнейших фактора.

Первый — достаточно адекватный учет руководством страны реального геополитического положения СССР и его потенциала.

Предвоенная обстановка в мире в конце 1930-х гг. была сложной. В СССР и других странах было понимание, что большая война неизбежна и она готовится. Экономическая депрессия 1929—1933 гг. обострила противоречия между ведущими капиталистическими странами, прежде всего, Британской империей и США, которые становились новым экономическим лидером, усиливалась экспансия Германии после прихода в 1933 г. НСДАП и Гитлера к власти, стремящегося взять реванш за подписанный Версальский мир, росла мощь СССР и его «Красного проекта» единого мирового пролетарского господства, нарастали имперские амбиции Японии, Италии.

После Первой мировой войны прекратили свое существование и частично распались четыре европейских империи: Российская, Австро-Венгерская, Османская, Германская. Последняя, реально не проиграв войны, получила жесткие условия мира (потеря колоний, значительные потери собственной территории, чрезмерные репарации, ограничения на численность армии, на системы вооружений). Возникшие новые европейские страны также, по многим причинам, не были удовлетворены возникшим европейским порядком.

Не было единства во взглядах на формирующийся мир и у победителей. Предложенный президентом США Вильсоном план, состоящий из 14 пунктов, принят не был. А к этому времени США уже превратились в кредитора и Великобритании, и Европы. В 1921 г. США добились от Великобритании согласия на ограничения водоизмещения линкоров (не более 35 тыс. т) и паритета по количеству судов.

Стало ясно, что по своему характеру предстоящая война будет общемировой, весомую роль в ее исходе сыграют технический

фактор и мобилизационная активность. Было понятно, что потенциал любой страны недостаточен для противостояния коалиции стран. Отсюда стремление руководства СССР оттянуть войну и не остаться один на один с нацистской Германией, поменять вектор ее агрессии, избежать войны одновременно и на западе, и на востоке страны. И, как следствие, превентивная война с Японией, развязанная ею на территории Монголии в 1939 г., с последующим заключением с нею договора о нейтралитете.

«Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом» («пакт Молотова—Риббентропа» с секретными протоколами) и договор «О дружбе и границах», заключенные СССР с Германией в августе и сентябре 1939 г., которые носили сугубо прагматический характер, позволили отодвинуть западную границу, получить из Германии последние образцы ее военной техники, передовое технологическое оборудование и приборы. Присоединиться к коалиции — к оси: «Рим — Берлин — Токио» — И. Сталин отказался.

Сложность обстановки заключалась в том, что у США и Великобритании были свои (несовпадающие) интересы и свои виды на возможные действия Гитлера, а у Гитлера — свои. В итоге в 1939 г. Германия напала на Польшу.

Но столкнуть в 1939 г. СССР и Германию не удалось. СССР сумел на относительно легитимных основаниях (добровольное вхождение) включить Прибалтийские страны в свой состав в качестве союзных республик, а также присоединить Бессарабию и Северную Буковину.

Великобритания и Франция, выполняя взятые на себя союзнические обязательства в отношении Польши, объявили Германии войну, но боевых действий на суше не вели. В 1940 г. Гитлер оккупировал Бельгию, Голландию, Францию и создал выгодный для себя стратегический плацдарм для дальнейшей европейской экспансии.

22 июня 1941 г. нацистская Германия напала на СССР, но ей пришлось вести войну на два фронта, что сильно истощало ее ресурсы. США после экспансионистских действий Японии во

Французском Индокитае ввели 26 июля 1941 г. запрет на ее банковские активы и эмбарго на поставку ей нефти и нефтепродуктов, а позднее, после нападения на Перл-Харбор, объявили ей войну, тем самым не просто вступили во Вторую мировую, но и во многом предопределили ее исход. Япония не решилась выступить против СССР, что позволило избежать войны на два фронта. США до декабря 1941 г. сохраняли нейтралитет по отношению к Германии. К осени 1941 сформировалась антигитлеровская коалиция по оси: Москва, Лондон, Нью-Йорк. В 1944 г. был открыт реальный европейский второй фронт (до этого война велась союзниками преимущественно на море, в воздухе, в Африке, в Азии), но уже с осени 1941 г. СССР стал получать помощь от Великобритании, а чуть позже от США. В целом во Вторую мировую войну было вовлечено 60 государств, в которых проживало 80% населения мира.

Второй фактор — высокий адаптационный потенциал и устойчивость политического и хозяйственного строя, созданного в СССР, подготовка к экстремальным условиям войны. Устойчивость проявилась в политической, экономической, национальной, мировоззренческой и военной сферах.

Фундамент устойчивости — общенародная собственность: государственная и кооперативная (частная, после свертывания нэп, практически была ликвидирована) и директивно-плановая система хозяйства с ее нерыночным механизмом, функционирующим на основе жесткой, централизованной системы управления и прямого планирования большинства сфер жизнедеятельности.

Это позволило подчинить интересы всех слоев населения единой цели — достижения победы — и единой воле и соответственно мобилизовать все ресурсы.

Общественная собственность, породившая высокую степень социального равенства, справедливости, защиты и относительно низкий, но приемлемый уровень личного потребления, позволила в предвоенные годы мобилизовать и аккумулировать инвестиционные ресурсы: людские, материальные, денежные на

быстрое создание передовых (для того времени) отраслей индустрии, прежде всего, военных, созданных за годы первой, второй и третьей пятилеток. А также позволила создать систему жестких кооперативных связей предприятий, единых производственных циклов, на основе унификации производимой продукции и накопить значительные государственные резервы (частично потерянные в начале войны).

Советское общество, будучи формально социально однородным (класс рабочих, класс крестьян, интеллигентская и номенклатурная прослойки), в своей массе не подверглось мировоззренческому и национальному расколу. Хотя были и предательство, и паникерство. В 1941 г. в плену оказалось более 3 млн красноармейцев (называются и другие, значительно более высокие цифры). Зафиксированы случаи массовой паники, например, в г. Москве в октябре 1941 г. в момент эвакуации наркоматов, СНК, других учреждений, посольств (была пресечена НКВД и решением Сталина не ехать в г. Куйбышев, ставший в годы войны запасной столицей страны).

Советская система оказалась жизнестойкой: выдержала, выжила, победила. Однако были и критические моменты. В первые недели войны были потеряны первый и второй эшелоны обороны, а их защитники уничтожены, рассеяны, сдались в плен, оставлены значительные территории с проживающим на них населением, брошено много военной техники и стрелкового оружия. В итоге — резкое снижение военной мощи и экономического потенциала страны.

В этих условиях советскому руководству и народу удалось совершить невероятное — в кратчайшие сроки воссоздать боеспособность армии, наладить производство вооружений на Урале, в Поволжье, Сибири, Средней Азии.

Выделим здесь ряд ключевых моментов. Во-первых, сумели провести эвакуацию в тыл наиболее значимых для народного хозяйства промышленных предприятий, учебных заведений, сельхозтехники, скота, продовольствия, в том числе за счет сбора но-

вого урожая, вывезти часть населения. Во-вторых, обеспечить работу связи и транспорта (на наиболее загруженных участках железнодорожных магистралей интервал в движении составлял несколько минут). В-третьих, провести несколько мобилизаций гражданского населения в Красную армию (в 1945 г. ее численность составила, с учетом других военизированных структур, более 12 млн человек). В-четвертых, удалось организовать выпуск военной продукции на многих гражданских предприятиях, наладить ее выпуск на эвакуированных предприятиях, где производство велось буквально «с колес», этому способствовала и предвоенная политика развития восточных районов. В целом с большим трудом все-таки сумели обеспечить бесперебойную работу всего народного хозяйства. Уже к концу 1942 г. восстановился промышленный потенциал страны. В последующие военные годы выпуск вооружений только нарастал (исключение — 1945 г., когда во второй его половине началась конверсия военного производства). За годы войны выросла производительность труда, снизилась себестоимость продукции. В-пятых, смогли сохранить стабильность денежно-финансовой системы, обеспечить исполнение бюджета страны. Сохранилось денежное довольствие офицеров и солдат Красной армии, вводились выплаты за уничтожение боевой техники противника, выплачивалась заработная плата работникам тыла. Преобладала безналичная форма начисления заработной платы. В-шестых, было налажено обеспечение населения товарами первой жизненной необходимости за счет развертывания карточной системы, сохранения колхозных рынков, барахолок, коммерческой торговли (преимущественно в Москве: магазины, рестораны)

Советская экономика по своей эффективности не уступила высоко технически оснащенной и милитаризованной экономике нацистской Германии (рыночной по форме и корпоративной и тоталитарной по своей сути): производя меньше металла, она сумела выпустить больше вооружений и выиграла смертельную конкурентную гонку, а тем самым предопределила исход войны. Но здесь нужно учесть, что в Германии половина металла уходила

на производство подводных лодок, которые СССР во время войны практически не производил.

Ради объективности заметим, что после провала плана Барбаросса, блицкрига на Восток — война пошла на ресурсное истощение, Германия, воюя на два фронта против антигитлеровской коалиции, потенциально превосходящей ее возможности, была обречена на поражение, но при этом продержалась четыре года.

А это подтверждает ее силу, большой потенциал, умение воевать. Причем в последний год войны она сумела создать принципиально новые системы оружия, которые опередили время: подводные лодки серии 21, реактивные самолеты, ракеты, атомное оружие, но запустить серийное, массовое их производство не могла — не было уже необходимых ресурсов, не было и времени. В целом производство вооружений в Германии, начиная с 1944 г., сокращается из-за недостатка материальных и трудовых ресурсов, постоянных массированных бомбардировок союзников промышленных предприятий и городов.

Вера советского народа в страну, ее строй, светлое будущее сформировала в обществе психологию ненапрасности жертв и безмерных усилий.

Третий фактор — помощь союзников СССР по антигитлеровской коалиции. Союзники в годы войны оказали весомую помощь СССР, поставляя для нужд его обороноспособности военную технику, промышленное оборудование, металлы, нефтепродукты, продовольствие, обмундирование и много других товаров. Безусловно, это была добрая воля, солидарная помощь в борьбе с общим врагом, но это был и стратегический расчет — не допустить победы Германии, измотать и СССР, и Германию (даже в разгар войны она получала критические для нее ресурсы, а оплата производилась через функционирующий в Швейцарии совместный Банк международных расчетов). А также выиграть время для перевода экономики на военный режим функционирования, мобилизации армии, сохранить жизнь своим солдатам за счет более позднего развертывания военных действий. А в перспективе вывести Германию и СССР с поля будущей мировой шахматной

доски как опасных геоконкурентов. Но это не умаляет ни масштабов помощи, ни ее значимости, ни проявленный героизм участников конвоев.

Поставки в СССР осуществляли три страны: США, Великобритания, Канада (до июня 1943 г. — в зачет обязательств Великобритании, после — на основе двусторонних договоров с СССР). Больше половины всей продукции поставили США в рамках ленд-лиза, государственной программы передачи (взаймы или в аренду) выпущенной в стране продукции. Данная программа официально действовала в период 1941—1945 гг., а реально и позже. Разрабатывалась на основе «Закона по обеспечению защиты Соединенных Штатов», который был принят конгрессом 11 марта 1941 г.

Решение о помощи странам принимал президент США, если оборона данной страны признавалась жизненно важной для Америки. Первоначально помощь оказывалась Великобритании, Китаю (правительство Чан-Кайши), а с 7 ноября 1941 г. и СССР, в последующем и другим странам.

Но сами переговоры о помощи велись с самого начала войны. Так, 2 августа 1941 г. по инициативе Ф. Рузвельта был создан межправительственный Комитет по оказанию помощи СССР и развернулись переговоры о технической стороне оказания помощи. В них участвовали: США, Великобритания, СССР. За годы войны странами было подписано пять протоколов о поставках: от декабря 1941, от сентября 1942, от октября 1943, от февраля 1944, от марта 1945 г. Поставки продолжались до сентября 1945 г. А по изготовленному или принятому к изготовлению промышленному оборудованию и далее (Соглашение от 15.11.1945 г., но оплата — уже в долларах в сумме 225 млн).

Кроме вышеназванных, в рамках ленд-лиза, было еще несколько дополнительных программ по развитию арктических и дальневосточных портов, воздушных коридоров, обеспечения действия вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке (проект «Веха»). По годам войны, по объективным причинам, поставки были распределены неравномерно. Пик пришелся на 1944 г. Всего

по ленд-лизу СССР получил продукции на сумму 9,8 млрд дол. (из них больше 40% — вооружение). Это без доставки, а с учетом доставки — 11,3 млрд дол. Из всех воевавших стран на стороне антигитлеровской коалиции большей объем помощи получила только Великобритания — 31,4 млрд дол.

Было организовано несколько маршрутов доставки грузов в СССР. Основная масса грузов доставлялась морским путем. Существовало пять направлений: Тихоокеанское — 47% от объема всех поставок (порты: Владивосток, Петропавловск-Камчатский); Атлантическое, или Арктическое — 22,6% (порты: Мурманск, Архангельск); Северная Арктика (из Аляски) — 2,6%; Трансиранское (через Персидский залив) — 22,8%; Черноморское (через средиземноморские порты Греции) — 3,9%. Общий тоннаж поставленных грузов составил 17501 тыс. т.

Плавание Тихоокеанским и Атлантическим маршрутами было опасным из-за противодействия флотов Японии и Германии. Наиболее быстрым и коротким, но и наиболее опасным был Арктический маршрут, где, по разным оценкам, было потеряно до 15% поставляемых грузов, имелись большие потери грузовых кораблей и кораблей конвоя, их экипажей. В начале 1943 г. на шесть месяцев транспортировка грузов была приостановлена. Конвой судов осуществлял преимущественно ВМФ Великобритании. В начале войны это был основной маршрут. Трансиранский маршрут был намного протяженнее, но наиболее безопасным. Также в Иране были построены нефтеперерабатывающие автомобильные заводы, производящие преимущественно грузовые автомобили, которые могли добираться собственным ходом (184112 машин). Для перемещения самолетов существовало два воздушных коридора, по которым они перелетали в СССР.

Для оплаты продукции США предоставляли беспроцентный кредит. Продукция военного назначения, если уцелеет, подлежала возврату и не подлежала оплате. Согласование окончательной суммы оплаты продукции, поставленной на условиях ленд-лиза, предусматривалась после войны. СССР деньгами окон-

чательно не рассчитался, вопрос был закрыт уже Российской Федерацией после выплаты долгов Парижскому клубу. Всего за все годы было заплачено 722 млн дол. Но не нужно забывать, что за победу, в том числе и союзников, советский народ заплатил полной кровью.

Большое количество продукции военного назначения, сырья, медикаментов и других товаров поступило в СССР также и из Великобритании. Поставки из нее регулировались двумя соглашениями. Соглашением от 16 августа 1941 г. — коммерческая основа (40% объема поставок оплачивалось золотом, валютой, на оставшиеся 60% предоставлялся кредит под 3%, с погашением в послевоенные годы). И соглашением от 27 июня 1942 г. — безвозмездная основа по военным поставкам. Оба соглашения действовали весь период войны, поставлено было 4 млн т грузов. Вооружений поставлено на сумму 308 млн, гражданские поставки — на сумму 120 млн фунтов стерлингов (без учета затрат на транспортировку и конвоирование).

Номенклатура товаров, поставляемых как США, так и Великобританией, была очень широкой, различалась по годам и включала тысячи позиций — от танков до пуговиц и виски. СССР сам определял, что необходимо, а затем шло согласование. Специальных ограничений не было. США уклонялись от поставок тяжелых четырехмоторных бомбардировщиков (наиболее современного В-29). А также хранили в глубокой тайне, что создают атомное оружие. В поставляемой продукции было не только вооружение, но и продукты питания, обмундирование, медицинское оборудование, металлы, взрывчатые вещества, нефтепродукты, промышленное оборудование, все виды транспорта и многое, многое другое. Значение поставок нельзя ни недооценивать, ни переоценивать (а после войны наблюдаются обе крайности).

Первую оценку вклада союзников дал Н. Вознесенский в работе «Военная экономика СССР в годы войны», написав, что поставки составили 4% от объема продукции, произведенной СССР. Но эта цифра общая, неконкретизированная. Реальность была несколько иной. По многим позициям поставки были критически

важными и для сражающейся армии, и для трудящегося тыла. Например, поставки составили: алюминия — 106%, олова — 223%, авиабензина — 55%, взрывчатки — 53% от произведенного СССР. В последние годы появилось много спекуляций на тему исхода войны без поставок. Ответ один — но ведь они были. Руководители и военачальники СССР не оставили официальных письменных свидетельств о их роли для хода войны. Важность поставок подтверждает переписка И. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. В послевоенной мемуарной и исторической литературе приводятся высказывания по этому поводу Г. Жукова, А. Микояна, Н. Хрущева и многих других лиц. Интересно суждение, приписываемое Сталину, высказанное им на Тегеранской конференции на обеде в честь 59-летия У. Черчилля — в тосте, посвященном США и Ф. Рузвельту. Его по-разному интерпретировали советские и американские свидетели, но надо учитывать и контекст обстоятельств данного высказывания. В книге В. Бережкова, советского переводчика, присутствовавшего на обеде, это звучит так: «США страна машин... Эти машины, полученные по ленд-лизу, помогают нам выиграть войну». В книге Эллиот Рузвельт, вышедшей в 1947 г., использовавшей записи отца, так: «Без этих машин мы проиграли бы войну». Имеются и другие американские источники с аналогичной интерпретацией. Ясно одно — без огромной помощи союзников, хотя ее объемы, номенклатура, сроки не всегда выдерживались, война еще больше бы затянулась, жертвы возросли. Однако ее итог известен — Германия была повержена, СССР внес решающий вклад в победу, в окончание Второй мировой войны.

Окончание ВМВ ознаменовало и закат доминирования Британской империи, колониального империализма. Развернувшаяся после окончания ВМВ между ее победителями «холодная война» (а кое-где и «горячая»), расколовшая мир на два блока: СССР и будущей лагерь стран социализма (военная структура — Варшавский договор, создана в 1955 г.) и США, Великобритания, часть стран Западной Европы (военная структура — НАТО, создана

1949 г.), формально завершилась после сдачи СССР своих геополитических позиций в мире. Высшая точка баланса двухполюсного мира — Хельсинский договор 1975 г.

Затем в СССР пошел процесс внутреннего застоя, и, как следствие, ослабление конкурентных возможностей. Советская элита не только захотела мирного существования, что требовало больших усилий для поддержания военного потенциала, а застойная экономика справлялась с этой задачей с трудом, но взяла курс на сближение с Западом. Решили вписаться в Запад, «жить как Запад». Проявив потребительский эгоизм и политическую наивность, забыла простую истину — мировая британо-европейская и соответственно имеющая в ней глубокие корни американская элита формировались столетиями. Собственного желания для вхождения в ее круг мало.

Сдав свои позиции — потеря стран Восточной Европы, объединение Германии, перестройка внутри собственной страны, — СССР распался. С его распадом пошатнулись основы Ялтинско-Потсдамского послевоенного миропорядка. Формально окончание «холодной войны» олицетворяла встреча 2—3 декабря 1989 г. М. Горбачева (перед этим визит в Ватикан) и Дж. Буша (ст.) вблизи острова Мальта. Место имело исторический аналог и, возможно, и более глубинный смысл — за два дня до Ялтинской конференции в феврале 1945 г. в аналогичном формате на Мальте встретились Ф. Рузвельт и У. Черчилль по настоянию последнего. Это было сделано для выработки солидарной позиции по условиям послевоенного мира перед их обсуждением с И. Сталиным.

Встреча М. Горбачева с Дж. Бушем символизировала не столько окончание «холодной войны» (никаких письменных соглашений принято не было), сколько процесс начала изменений в мировом лидерстве. Реально «холодная война» продолжилась — агрессия против Югославии, продвижение НАТО к границам Российской Федерации, санкции, информационное воздействие.

С конца XX в. сменились формы ведения «холодных войн» — они стали более разнообразными, с применением мягкой

и жесткой силы. Сегодня на наших глазах разворачивается несколько иной процесс мировых изменений — более глубинных и, возможно, более масштабных. Идет процесс передела мировой власти, и не только страновой, но и внутристрановой и надстрановой, процесс формирования планетарной власти. Наблюдается попытка установления контроля и над отдельным человеком, и над всем человечеством со стороны избранных клубов мировых элит, воплощающих свои замыслы будущего мирового порядка и мирового господства.

COVID-19 — лишь один из инструментов, причем неважно его происхождение: естественное или искусственное, важно, что он предоставляет возможности для массовой манипуляции сознанием и телами людей в планетарном масштабе, укрепляет надстрановую власть, в частности ВОЗ, роль и возможности отдельных корпоративных структур. Позволяет крупным транснациональным — фармацевтическим, информационным — корпорациям, банковским структурам и фондам синхронизировать свои действия, синтезировать усилия и не столько ради получения прибыли, сколько для занятия господствующих позиций в мире международного бизнеса, оттеснения производственных компаний реального сектора и для установления собственной глобальной власти. Деятельность крупных информационных, фармацевтических и иных высокотехнологичных корпораций, несущих огромные затраты при разработке инновационных продуктов и их продвижении на рынок, объективно требует массового мирового потребителя, стабильного мирового рынка и порождает желание закрепления своей власти на определенных его сегментах вне зависимости от страновых границ. А у информационных компаний есть еще одно преимущество — производство продукта и потребление продукта одномоментны и неотделимы, доступны в любой точке планеты в реальном масштабе времени. Отсюда желание подсадить на потребление информационных «наркотиков»-продуктов все человечество, искусственно формируя и насаждая информационные потребности, тем самым и все возрастающий спрос.

Независимо от того, насколько информатизация удовлетворяет реальные потребности населения, это часто совпадает с желанием правительств многих стран поставить население под более пристальный контроль. Причем появился соблазн и у информационных компаний, и у правительств имитировать собственные электронные деньги, вытеснив из сферы кредитного обращения коммерческие банки (или вступив с ними в определенный альянс). Пионером выступил Китай, провозгласив выпуск электронного юаня.

Современной России в складывающихся условиях необходимо не просто адекватно оценить меняющуюся международную обстановку, но и предпринять серьезные усилия, чтобы из мирового субъекта не превратиться в заложника трансформирующегося мира, став субстратом для нового мирового порядка. А значит, нужно не просто декларировать импортозамещение, а реально укрепить собственную миросубъектность, суверенность, в том числе технологическую, осуществить быстрый сдвиг структуры экономики в пользу реального сектора за счет масштабных собственных инвестиций, смены приоритетов в деятельности ЦБ, сглаживания социальной неоднородности населения, выстраивания грамотных, в интересах страны, альянсов¹.

Процесс трансформационных изменений миропорядка не закончен, а возможно, только начинается, впереди много трудностей и перемен. Самое главное для России — сохранить себя как Россию.

Литература

1. Вторая мировая война 1939 — 1945 // Большая советская энциклопедия. Т. 5. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1971.
2. Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945. Краткая история. 2-е изд. М., 1970.
3. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948.

¹ Литературу по теме см.: [1 — 5].

4. *Джонс Р.Х.* Ленд-Лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй Мировой войне. 1941 — 1945. М.: Центрполиграф, 2015. 325 с.

5. *Нагурняк В.* Тост за Ленд-лиз: [Электронный ресурс]. URL: <https://warspot.ru/10639-tost-za-lend-liz>.

References

1. Vtoraya mirovaya vojna 1939 — 1945 // Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. T. 5. 3-e izd. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1971.

2. Velikaya Otechestvennaya vojna Sovetskogo Soyuza 1941 — 1945. Kratkaya istoriya. 2-e izd. M., 1970.

3. *Voznesenskij N.A.* Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoj vojny. M.: Gospolitizdat, 1948.

4. *Dzhons R.H.* Lend-Liz. Dorogi v Rossiyu. Voennye postavki SSHA dlya SSSR vo Vtoroj Mirovoj vojne. 1941 — 1945. M.: Centrpoligraf, 2015. 325 s.

5. *Nagimyak V.* Tost za Lend-liz: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://warspot.ru/10639-tost-za-lend-liz>.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

Физика как одна из форм философии XXI в., или В какое время мы живем?*

Аннотация. Ответ на вопрос, в какое время мы живем, является не только хронометрическим, но и философским, поскольку определяет наше положение во времени и в смысловом пространстве. Это показывает его раскрытие на основе ньютонов-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Доброчеев О.В, Физика как одна из форм философии XXI в., или В какое время мы живем? // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 242—252.

ской трактовки философии как не только умозрительного, но и измерительного инструмента, позволяющего заглядывать в будущее.

Ключевые слова: физика, философия, исторические тела Ключевского, пассионарность Гумилева, социальная турбулентность, подобие нашего времени эпохе Аристотеля, Александра Македонского, Леонардо да Винчи, Ньютона, Больцмана и Менделеева.

Abstract. The answer to the question of what time we live in is not only chronometric, but also philosophical, since it determines our position in time and in semantic space. This shows its disclosure on the basis of the Newtonian interpretation of philosophy, as a measuring tool, allowing you to look into the future.

Keywords: physics, philosophy, historical bodies of Klyuchevsky, Gumilev's passionarity, social turbulence, similarity of our time to the era of Aristotle, Alexander the Great, Leonardo da Vinci, Newton, Boltzmann and Mendeleev.

УДК 11, 53
ББК 22, 87.1

Ответ на философский вопрос — в какое время мы живем — определяет наше положение во времени и в смысловом пространстве, что, в свою очередь, позволяет заглянуть в будущее. Понять это помогает необычный взгляд на философию, предложенный 300 лет назад Ньютоном, как не только умозрительный, но и измерительный, и вычислительный инструмент анализа реальности. Тогда, привлекая математику, ему удалось раскрыть многие важные детали поведения механических и волновых систем. Сегодня же, анализируя инструментами теории *очень больших систем* (ОБС) [2], идеи Ключевского об исторических телах, которые живут и умирают подобно органическим телам, и представления Л. Гумилева о волнах пассионарности, мы можем увидеть в истории три уровня аналогий нашему времени.

Три уровня аналогий нашему времени

Первый уровень. Аналогия самого высокого уровня основана на обнаруженном в истории чередовании всплесков мировоззренческих и религиозных концепций [1]. В рамках теории ОБС их совокупность можно изобразить последовательностью двух волн, опирающихся в своих основаниях на Моисея и Чингисхана и достигающих на первой вершине уровня Прометея, а на второй — Гагарина (рис. 1).

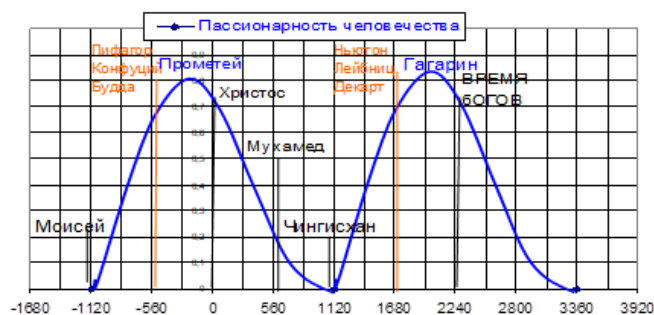

Рис. 1. Волны чередования и всплесков мировоззренческих и религиозных новаций

График этих волн показывает, что человечество каждые 560 лет испытывает мировоззренческие революции, масштаб исторического влияния которых олицетворяют имена Моисея, Пифагора, Христа, Мухаммеда, Чингисхана и Ньютона [1].

Одновременно он говорит, что мир сегодня находится на пике социальной драмы 2240-летнего масштаба, сопоставимом с пифагорейскими временами Древней Греции. Заглянув в этот период истории, мы обнаруживаем там (внутри эпохи — между Аристотелем и Птолемеем) похожую психологическую атмосферу: и тогда, и сегодня человечество захвачено вихрями мировых войн, как в XX столетии, или покорение Александром Македонским практически всего Древнего мира — от Греции до Ин-

дии. Небеспочвенно поэтому в те времена у жителей Средиземноморья возникли представления об апокалипсисе, а в Греции расцвела философия.

Спустя чуть более 2000 лет мы обнаруживаем в Европе мощный всплеск творчества, но не классической философии, а математических начал натуральной философии, как ее назвал 300 лет назад Ньютон.

А поскольку базовые принципы современной науки заложены Ньютоном, то в каком-то приближении ее всю можно рассматривать современной формой математической философии, причем, как показывают ее первые плоды в виде физики, не совсем уж безуспешной.

Математизация философии, начатая Ньютоном, в XX в. естественным образом распространилась на гуманитарные науки. Сегодня этот процесс дошел до создания единой модели движения очень больших систем природы, жизни, экономики и разума [2; 5]. И это не предел, поскольку нет оснований полагать, что «физическая» версия греческой философии будет короче прототипа.

Качественный вывод о подобии нашего времени древнегреческому периоду не оригинален. Аналогичные оценки делают и философы классической школы. Так, по мнению профессора Ю.М. Осипова, атмосфера апокалипсиса характеризует не только атмосферу 2000-летней давности, но и современную жизнь. Отличие выводов классической философии от новой состоит только в деталях. Физическая форма философии позволяет увидеть многомерную историю в развитии и понять, что, за чем и как долго будет следовать в будущем.

Второй уровень аналогий. Его демонстрирует сверхдлинная 560-летняя «волна науки» (рис. 2).

Заглянув с ее помощью на 560 лет назад, мы в атмосфере того времени увидим проясняющие сегодняшнюю ситуацию аналогии. Обнаруживаем, например, что с 2012 по 2052 г. мир пройдет состояние, похожее на период от падения Византии в 1453 г. и рождения Леонардо да Винчи в 1452 г. до открытия Америки в 1492 г. Мир оказался в той фазе волны пассионарности Гумилева,

которая характеризуется устремленностью людей к идеалу творчества [2]. 560 лет назад это проявилось в экономическом и, как следствие, культурном возрождении Западной Европы после разрушения Византии и торгового пути «из варяг в греки».

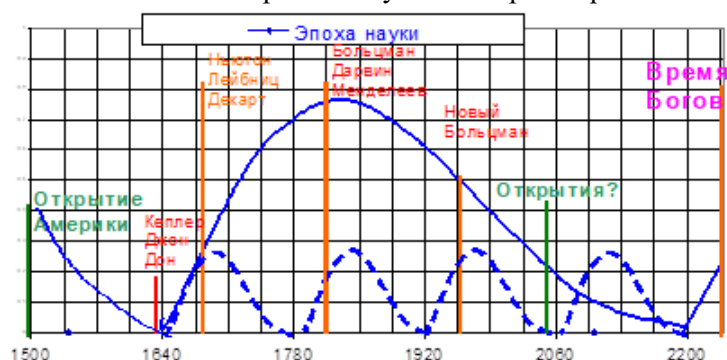

Рис. 2. 560-летняя «волна науки», вместе со своими 140-летними гармониками

Подобные крупные периоды истории, как пишет Гумилев, обычно завершаются кристаллизацией накопленных богатств в памятниках культуры и кровопролитием, после чего может начаться новая волна развития. Как известно, аналог нынешней сверхдлинной волны (период с 560 г. до н. э. до 0 г. н. э. на рис. 1) действительно сопровождался драматичным переделом мира Александром Македонским, а закончился бурным социальным разложением общества (нашедшим отражение в апокалипсисе) и сменой философского мировоззрения на религиозное.

Обращение к этому периоду истории одновременно показывает, что наблюдаемая сегодня математизация науки и бурная цифровизация экономики могут завершиться в XXIII в., как и в древности, их парадоксальным отрицанием. Например, в виде «постнауки», или нового «времени Богов» [3].

Третий уровень аналогий. Этот уровень возникает при переходе от сверхдлинной волны науки к ее 140-летним гармоникам, которые по своему характеру схожи с глобальными волнами

социальной турбулентности, или пассионарности, по Гумилеву, или социальной активности масс, по Чижевскому (рис. 3).

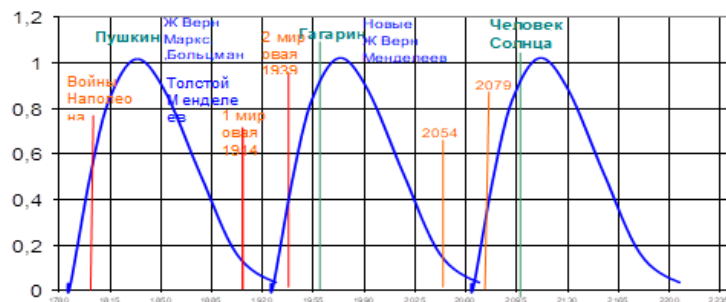

Рис. 3. Глобальные волны социальной и творческой активности масс

Рассмотрение истории в этом масштабе открывает новую страницу в понимании волновой динамики общества. Оказывается, переход от одной волны истории к другой сопровождается двухактными социальными катастрофами. В конце XIII — начале XIX в. это были революции и Наполеоновские войны. В XX в. аналогичная фаза истории отмечена Великой депрессией и двумя мировыми войнами, первая из которых в 1917 г. (ровно через 2240 лет после распада империи Александра Македонского в 323 г до н. э.) тоже привела к распаду Российской империи, а вторая — к рождению двух сверхдержав и бурной научно-технической революции.

Если содержание этих гармоник расшифровывать по аналогии с фазами волны пассионарности Гумилева [2], то третья волна эпохи Ньютона, начавшаяся с полета Гагарина, в настоящее время (1990—2025) представляет собой период высокого творчества. Это подчеркивают аналогичные фазы 1710—1745 и 1850—1885 гг. предыдущих глобальных волн, в которых произошло становление классической физики Ньютона, а 140 годами позже — статистической физики Больцмана.

Поэтому в мире сегодня следует ждать новых творческих всплесков, революционизирующих всю нашу общественную жизнь.

Подводя краткий итог поиску исторических аналогов нашему времени, подчеркнем, что мир сегодня находится на пике пассионарности 2240-летнего масштаба. Двигаясь в прошлое, мы обнаруживаем, что аналогом времени 1909—2090-х гг. является эллинистический период в той его фазе, которая началась с переустройства политического мира учеником Аристотеля — Александром Македонским, а закончилась Птолемеем.

В рамках же сверхдлинных 560-летних волн инноваций период с 2012 по 2052 г. оказывается схож с ранним Возрождением и эпохой Великих географических открытий, которую олицетворяют имена Леонардо да Винчи и Христофора Колумба.

В нынешней же глобальной волне тот же интервал с 2012 по 2052 г. соответствует высокой творческой активности Маркса, Ленина, Дарвина, Больцмана, Менделеева и Планка периода 1872—1912 гг. предшествующей глобальной волны.

Поэтому нельзя исключить, что творческие плоды наших современников будут востребованы сотни и тысячи лет. Если, конечно, нам удастся сохранить человечество, которое сегодня не думает о самосохранении и безопасности, а безоглядно рвется к успеху, как это давно заметил в волнах пассионарности Л. Гумилев.

Вихревая дорога в будущее

Наше время, по представлениям Гумилева, преломленным через 140-летнюю турбулентную модель исторических тел, характеризуется не только творческим подъемом, но и высокой социально-политической нестабильностью. Поэтому не удивительно, что в аналогичный период 140 лет назад началась Русско-турецкая война 1878 г., затем, в 1881 г., был создан Союз трех императоров, а через 8 лет, в 1889 г., — Второй интернационал. И в

этот же период И. Мечников формулирует фагоцитарную теорию иммунитета, Максим изобретает пулемет, а в Америке строят первую электростанцию и т. д.

Сегодня, 140 лет спустя, мы наблюдаем подобные и по качеству и по масштабам события, включая множество региональных войн и глобальную вирусную пандемию с большим числом жертв, механизм противостояния которой, в виде иммунитета, Мечников открыл 138 лет назад — т. е. практически строго в рамках глобальных волн.

Если же с помощью турбулентной модели исторических тел Ключевского заглянуть в будущее, то через гармонику глобальной волны длиной в 35 лет (т. е. в 2054 г.) мы попадаем либо в социально-политическую атмосферу, породившую Первую мировую войну 140 лет назад (1914), либо — в период открытия Америки 560 лет назад (1492).

Глядя, таким образом, на 70 лет вперед, мы обнаруживаем в конце XXI в. новую историческую эпоху, как это уже случилось 140 лет назад при возникновении двух ядерно-космических сверхдержав после Второй мировой войны или появлении системы великих держав ранее — еще 140 лет назад.

По представлениям механики очень больших систем, виды, формы и особенности нового будущего (в отличие от его масштабов и жестких временных рамок, которые определяются инерцией движения исторических тел) формируются параметрами второго порядка малости. Среди них, как это заметил Дж. Кейнс еще 100 лет назад, присутствуют политики, ученые и предприниматели, способные в ритмах глобального времени сформулировать образы будущего. По нашим наблюдениям, инерция претворения в жизнь таких крупных и поэтому «достаточно безумных», как их называл Н. Бор, идей, составляет, как минимум, 35 лет (лазер, персональный компьютер, ракетно-космическая техника), а, как максимум, 105 лет (покорение Луны) [1; 2].

Поэтому сегодня за 35—70 лет до всемирной перестройки 2054—2090-х гг. у нас есть шанс выстроить, если и не безупреч-

ную, то хотя бы безопасную сеть траекторий перехода человечества во второй половине XXI в. через точку сингулярности к эпохе «человека планетарного», или «вселенского» [4].

Критическими вехами или разворотными точками на этом пути, по нашему мнению, могут оказаться следующие годы и события (табл. 1).

Таблица 1

Точки бифуркации истории XXI в.

№	Годы	Мир
1	2020—2025	Вирусная пандемия
2	2030—2035	Создание технического аналога разума — машины творчества
3	2040—2045	Диверсификация мировой энергетики
4	2052—2058	Точка перелома глобальной волны 1928—2068 гг.
5	2068—2075	Структурный социально-экономический кризис
6	2080—2090	Драматичное становление новой политической системы мира
7	2101	Пик пассионарности человечества

Наш фантастический сценарий

Задачей человечества в сложившихся условиях (в первую очередь России, находящейся на пике глобальных преобразований) становится разработка *фантастического*, т. е. встречающегося лишь раз в 560 лет, *сценария* спуска человечества через череду уже заложенных «рубиконов» развития с вершины безудержного прогресса XX в. на равнину жизни. И последующего подъема на пик пассионарности в 2101 г.

При формировании этого сценария мы можем воспользоваться некоторыми идеями и инструментами математической философии, или физики жизни, и еще на старте принять во внимание некоторые ее неожиданные следствия.

Так, в 1999 г. исследования физического механизма мышления обнаружили принципиальное препятствие быстрому освоению космоса, которое заключается в высокой чувствительности сознания к невесомости [2]. Еще ранее, в 1970-х гг., это поняли советские ученые, когда не смогли создать ядерный двигатель, способный обеспечить полет на Марс по самолетной схеме [4]. Поэтому быстрый рывок в космос не состоится.

Основной задачей человечества в этих условиях становится создание в XXI в. планетарной социальной системы, способной минимизировать риски глобализации, состоящие в неустойчивой максимизации производительности труда, мощности производства и его энергетических выбросов, предельно узкой специализации человека, демографического перехода к двукратной продолжительности жизни до 140 лет и вынужденной, вследствие этого, полномасштабной цифровизации экономики [4].

Согласно теории ОБС, это потребует сотового мироустройства, включающего диверсифицированные системы энергоисточников и разумных машин (РМ), или *машин творчества*, способных сглаживать неустойчивый режим развития общества и поддерживать критически необходимый (согласно теореме Эшби) уровень его социального, экономического и интеллектуального разнообразия.

Сегодня, через две с половиной тысячи лет после Будды, человечество сделало только одно продвижение в его учении о том, что наше сознание формирует наше будущее. Удалось измерить интервалы времени, которые отделяют крупные общечеловеческие устремления от их физических последствий. Эти интервалы оказались равными 35, 70 и 105 годам [1; 2]. А поскольку мы сегодня находимся в точке бифуркации истории, отклик идей которой наступит в самые драматичные годы XXI в., у нас появляется уникальная возможность внести лепту в *сохранение Мира*, построив свое видение *безопасного пути в будущее*.

Великая сила инерции жизни, умноженная оригинальным пониманием ее натурфилософской природы, спасет Мир.

Литература

1. *Доброчеев О.В.* Глобальные волны технологических нововведений // Космонавтика XXI века / Под ред. Б.Е. Чертога. М.: СОФТ, 2010.
2. *Доброчеев О.В.* Механика очень больших систем природы, жизни и разума. М.: ТЕИС, 2019.
3. *Доброчеев О.В.* Постнаука, или Время богов // Философия хозяйства. 2006. № 6.
4. *Клепач А.Н., Доброчеев О.В.* Призрак нового человека // Россия и идеология / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, Н.П. Недзвецкой. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. С. 83—88.
5. *Клепач А.Н., Доброчеев О.В.* Физические начала макроэкономики // Философия хозяйства. 2020. № 2.

References

1. *Dobrocheev O.V.* Global'nye volny tekhnologicheskikh novovvedenij // Kosmonavtika XXI veka / Pod red. B.E. Cher-toga. M.: SOFT, 2010.
2. *Dobrocheev O.V.* Mekhanika ochen' bol'shih sistem prirody, zhizni i razuma. M.: TEIS, 2019.
3. *Dobrocheev O.V.* Postnauka, ili Vremya bogov // Filo-sofiya hozyajstva. 2006. № 6.
4. *Klepach A.N., Dobrocheev O.V.* Prizrak novogo chelove-ka // Rossiya i ideologiya / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoj, N.P. Nedzveckoj. M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lo-monosova, 2020. S. 83—88.
5. *Klepach A.N., Dobrocheev O.V.* Fizicheskie nachala mak-roekonomiki // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 2.

V

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

На перепутье*

Аннотация. Россия, как и весь мир, переживает большие перемены разворотного характера, что и предопределило актуальность коллективной монографии «Российский разворот», предисловие к которой публикуем.

Ключевые слова: Россия, системные преобразования, глобализм, суверенизация, конституциональная реформа.

Abstract. Russia, as well as the whole world, is going through a lot of changes of a u-turn nature, which determines the relevance of the collective monograph «Russian u-turn», the Preface to which we publish.

Keywords: Russia, systemic transformation, globalization, sovereignty, constitutional reform.

УДК 327, 330
ББК 65в, 66

Ровно год назад, в июне 2019 г., нами, учеными России, по инициативе Центра общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова на базе и при участии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина была проведена всероссийская научная конференция «На родных просторах: проблемы, деяния, разрешения», на которой речь пошла о необходимости разворота России, причем разворота *России к России*, и соответственно об

*К выходу в свет: Российский разворот: монография по итогам всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Смагиной, Т.С. Сухиной. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. – 260 с.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. На перепутье // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 255—262.

отвороте (а потому и развороте тоже) России от глобализма, вовсе не либерального и не демократического, а попросту империо-колониального, когда империя там — на Западе, в Евроамерике, в США, у англосаксов, а колонии — по всему миру, включая в известной мере и нынешнюю Россию.

Ученое сообщество, проводившее конференцию, давно твердит о необходимости суверенизации России как большого хозяйственного очага с обретением им фактической национально выраженной субъектности и комплексно сбалансированной целостности. Подобное возможно именно при обращении России к самой себе, однако не в ее нынешней прозападной строевой, идеологической и управленческой заданности, а в ее собственной, обоснованной исторически, концептуальности — как страны суверенной, великодержавной, империальной, государственнической, соборной, центрократической, опирающейся по преимуществу на собственные силы, по-своему идеократической, духовной.

Такой разворот России к России никак не предполагает возвращения страны к какой-либо из ее уже состоявшихся в прошлом версий (это и попросту невозможно), он предполагает лишь учет характерных для России как России конструктивных скреп, конечно же, в современной реалистической трактовке, немало и реформенной, тех самых скреп, без которых не только Россия — не Россия, а лишь некий похожий на Россию квазизападнический эрзац, но и само существование России вообще оказывается под большим вопросом.

Итак, то был конференционный июнь 2019 г. А в декабре того же 2019 г. то же самое научное сообщество провело уже в стенах Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова международную научную конференцию по очень тогда и сейчас (июнь 2020 г.) занимательной теме: «Россия в координатах ударных перемен», предвосхитив тем самым хоть и не собственно разворот России к России, чаявшийся ученым миром еще в июне 2019 г., но хотя бы начало каких-то, правда, не очень внятных по смыслу, задачам и конечным целям, правительственных перемен — аккуратно в январе 2020 г.

Нет, сии правительственные начинания никак не были ни всерьез пророссийскими, ни всерьез ударными, хотя и делались внешне в интересах будто бы России и чуть ли не по-ударному, но, как оказалось, ради все-таки не более чем косметического подправления бытовавшего в России пореформенного строя и действовавшей в стране (или же фантастически бездействовавшей) управленческой системы.

Начали тогда, помимо некоторой перетряски состава правительства, почему-то с подновления Конституции Российской Федерации, а не с конкретных системных преобразований, по поводу которых у правящих кругов, видимо, не было никаких серьезных намерений, не говоря уже о целостно-целевой программе российского перестроения, хотя и было уделено внимание так называемым национальным проектам, которые действующий (а, скорее, фантастически бездействующий) менедж-мент-бизнесовый контент либо не слишком способен достаточно эффективно выполнять, либо склонен рассматривать не более как источник легкой для себя наживы.

Через короткое время стало ясно, что новая конституционная реформа задумывалась более всего ради бессрочного продолжения действующего единоличного лидерства и столь же бессрочного удержания существующего в стране пореформенного, чуть ли уже не нефеодално-иерархического строя со всеми его аномальными достоинствами и абсурдными оптимизационными квази-глобалистического толка инициативами, уже нанесшими огромный вред хозяйственному, социальному и трудо-творческому жизнеотправлению страны и готовыми продолжаться теперь более всего на ниве и под прикрытием как раз уже воистину ударной цифровизации.

Но тут вдруг вступила в бой коронавирусная пандемия — этакая коронованная дьяволом старушенция с косой — отчего все «ударные начинания»... нет, конечно, не пошли совсем прахом, но... угодили куда-то в тень, скрылись, затаились, поджидая часа своего внезапного возрождения!

Однако наступит ли он — этот час, да и когда и в каком исполнении — тут уж большой вопрос! Люди — весь мир, вся Россия — выйдут из пандемического панкарантина уже весьма, пусть и невольно, другими, да они уже и сейчас заметно другие, — и кто тут будет более прав в аспекте возможного или нет, коренного или профанического, пророссийского или же проглобалического... да нет, конечно, не разворота России к России вовсе, на который, видно, нынешние креаторы никогда не пойдут, а хотя бы в аспекте хоть каких-то заметных и значимых перемен... э-э... не то чтобы к лучшему, как того всем россиянам хотелось бы, а хотя бы к какому-то хозяйственно-политическому здравомыслию.

До чего же дело дошло — аж до взывания хотя бы к здравомыслию, к некопанию под собой и перед другими окаянной бездной ямы!

Настрой правящего верха ничего *всерьез* не менять в стране, в ее устройстве и в жизнеотправлении вполне понятен — ему надо сохранить себя и своих несправедливо обогатившихся и прозападно настроенных адептов, свои и их баснословные доходы, свое и их господствующее в стране положение, удержать страну в качестве своей вотчинной «дойной коровы».

А реальность «коровья» требует-таки больших перемен, причем независимо от конкретных чаяний конкретных людей, — и какое-то понимание этого императива у правящего верха есть, и он, этот верх, пытается что-то делать, но, увы, более всего лишь изображая перемены, точнее, может, и проводя их, но такие перемены, которые не только не выходят за рамки существующего в России пореформенного мироустройства, но, наоборот, в его, и только его, рамках, а также ради него, и только ради него.

Патовая, в общем-то, ситуация, если не откровенный цугцванг!

Итак: разворот, о котором у нас здесь речь, необходим, но его нет, а если что и есть, то не более чем имитация, да и то не разворота, а неких невнятных для российского населения поверхностных перемен. Однако пандемия, многое что обнаружив из неблагоприятного, неблагоприятного и даже вредного, привнесенного

в страну пореформенным режимом, весьма изменила ментально-поведенческое настроение населения, которое вдруг почувствовало себя не так даже чем-то по жизни обделенным, хотя это и так, — что было понятно, кстати, и без пандемии, — а то ли вслепую ведомым, то ли нарочно бросаемым в какую-то заранее подготовленную квази-жизненную ловушку, конечно же, цифро-онлайн-сетевую, из которой никакого выхода ему уже не предвидится.

Короче: имеет место самая обыкновенная *разводка* — сверху вниз, за которой и в самом деле маячит некий разворот, однако не к России, как требует историческая реальность, а всего лишь к безжизненной технократической пустыни — искусственному разуму с его глобаленкой, виртуаленкой, удаленкой, отдаленкой, разобщенной, ну и тотальной контроленкой.

Да, тут действительно разворот, но разворот с выворотом: социалки в технотронку, как и оборотом: человека в киборга, в общем — долгожданная технотронная, а потому и вполне античеловеческая, не говоря уже о походя, не без удовлетворения, захватываемой антироссийскости, революция.

Все это очень и очень серьезно, ибо дорого может обойтись человеку, социуму, культуре, цивилизации, той же России!

Инициаторы и адепты сей, в общем-то безумной — как, впрочем, и все революции — авантюры понятия не имеют об истинных последствиях ими творимого, ибо за сим творимым вовсе не одни, да и не столько одни, ими чаемые преобразования человечества, якобы несущие всем властям предержавшим «золотые яйца» вроде всеобщей покорности, инфантильности и послушаемости (так сказать, некоего ласкового дебилизма), а много чего такого, о чем сии конструкторы тотальной гуманитарной деконструкции и не подозревают, но о чем мы все-таки здесь благоразумно помолчим, заметив лишь, что никому из насельников Земли не удастся избежать коварных последствий технотронного безумия, да не от самой по себе техники, а от погруженного в техномир человекообразного существа — то ли еще человека, но очень

уже технозированного, то ли какого-то переходного хомотехнического кентавра, то ли уже напрямую техноподобного постчеловека.

Нет, мы вовсе не против новой, даже по-своему и разумной, техники, но лишь при условии ее служения человеку и только человеку, социуму и только социуму, России и только России, то бишь ежели сия новая техника — не более чем орудие утверждения человека как человека, социума как социума, России как России.

А для всего этого нужны ПЕРЕМЕНЫ, причем РАЗВОРОТНЫЕ перемены: от глобализма к России, а самой России — к РОССИИ; от реформы к постреформе, а самой постреформы — к волевому, из центра, национально обусловленному, системному хозяйствованию; от аномального, расхлябанного, рассеянного, карнавального, гедонистического, а потому и коррозионного и энтропийного квази-бытия, переполненного несправедливостью, неравенствами, разрывами, враждой, коррупцией, криминалитетом, — к бытию ответственному, упорядоченному, мобилизационному, служивому, солидарному, гармоническому!

Никто тут, знаете ли, не помышляет ни о каких благонамеренных утопиях — вроде той же коммунистической, — но зато думает о вовсе не простой, но все-таки возможной, человеческой реальности, с одной стороны, выводящей человека на новые параметры бытия, включая и технотронные, а с другой — требующей от человека великой осмотрительности и немалой маневренности и осторожности — вполне и реалистических.

Какие надежные критерии и опоры в социохозяйственной преобразовательской деятельности могут быть сегодня обозначены для вовлеченного в творение нового бытия россиянина? Ответ тут таков: *человек как критерий и Россия как опора!*

Достаточно *этому* следовать и на *это* опираться, чтобы понять, принять и использовать все остальное практическое, что необходимо совершить для страны и ее народа (заметим — всего народа, а не какой-либо его малой части).

Можно начать и с конституции, но... тут все равно следует стратегический выбор: что делать дальше? — причем выбор вполне судьбоносный, а для выбирающего, между прочим, в первую очередь! Интересно, что выбирающий не знает, видимо, вполне, а может, и вовсе, *что* он на самом деле выбирает и *какими последствиями* для страны и его самого чреват этот выбор.

Темно тут все!

Заметим, что даже ужасные 1990-е не смогли уничтожить Россию, хотя и сильно ее потрепали, а Россия — совсем уж не закланная жертва ни для Запада, ни для Востока, ни для самой себя — не навредить бы!

Нижеследующая книга — *такая* по содержанию, *какой* авторам удалась! Сегодня непросто понимать и принимать реальность, говорить о ней, ибо она настолько запутана, переменчива и попросту... нереальна, что ее как бы и нет, причем не то что перед аналитическим взором научного исследователя, но даже и перед острым глазом вольного обозревателя.

Так что не обессудьте, господа, — что вышло, то вышло!

Мир сейчас замер, чуть ли не как стайер в ожидании стартового хлопка под пандемическим взглядом грозного судьи, и он — этот мир — не очень-то готов, в отличие от замершего в согбенной позе атлета, рвануться вперед, ибо ни сил в себе не чувствует, ни дорожки перед собой не видит, ни финишной черты не различает.

Россия ныне тоже в заметном экзистенциальном оцепенении, которое еще надо осмыслить и попытаться найти из него выход, а выход сей, прямо скажем, начальствующему глазу, пожалуй, даже и не мерещится.

Как раз тот самый выход — дальний!

Однако думать об этом все равно надо, надеяться на будущее надо, держать страну надо, — и книга наша, как кажется, во всем этом посильно участвует, что и хорошо, и отрадно, хоть книги ныне в официальных ученых кругах не в моде, даже и не в

почете, но мы, авторы и издатели сей монографии, все равно стоим за свое — человеческое, родное, российское!

Слава думающим, пишущим, издающим!

Т.И. КОПТЕЛОВА

Преодоление безличия массовой культуры: феномен эстрадной песни в парадигме органической философии (на примере творчества А.Б. Пугачевой)*

Аннотация. В статье рассматривается возможность преодоления безличного характера массовой культуры через развитие песенной формы. С позиции органической философии исследуется феномен эстрадной песни в современной массовой культуре. Парадигма органической философии способствует синтезу результатов различных форм познания и применению комплексного подхода в изучении современного искусства, дает целостное представление о феномене жизни и о творчестве личности. Феномен эстрадной песни анализируется на примере творчества А.Б. Пугачевой. Рассматриваются возможности песенной формы в ее противостоянии обезличенным ценностям массовой культуры, в сохранении этнических традиций и духовных потребностей личности.

Ключевые слова: искусство, личность, массовая культура, парадигма органической философии, песенная форма, творчество Аллы Пугачевой, эстетика, эстрадная песня, этнос.

Abstract. The article considers the possibility of overcoming the impersonal nature of mass culture through the development of a song form. From the perspective of Organic Philosophy, the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Коптелова Т.И. Преодоление безличия массовой культуры: феномен эстрадной песни в парадигме органической философии (на примере творчества А.Б. Пугачевой) // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 262—274.

phenomenon of variety song in modern mass culture is explored. The Paradigm of Organic Philosophy contributes to the synthesis of results of various forms of cognition and the application of an integrated approach in the study of modern art, gives a holistic idea of the phenomenon of life and the creativity of the individual. The phenomenon of pop song is analyzed on the example of the creativity of A.B. Pugachyova. The possibilities of song form in its opposition to impersonal values of mass culture, in preservation of ethnic traditions and spiritual needs of the individual are considered.

Keywords: art, personality, mass culture, Paradigm of Organic Philosophy, song form, work of Alla Pugacheva, aesthetics, variety song, ethnos.

УДК 304
ББК 65в

Введение

Безличие массовой культуры — важнейшее ее свойство, воплощающееся в глобальной унификации, нивелировке национальных ценностей, погашении (абстрактном усреднении) индивидуальных духовных потребностей. Подобные особенности обусловлены едиными технологическими стандартами создания, распространения и потребления продуктов массовой культуры, преобладанием коммерческих интересов. Безличие воплощается и в отсутствии целостных художественных образов, и в замене сознательного выбора личности сиюминутным эмоциональным увлечением, и в создании иллюзии (мира обмана) как средства манипуляции сознанием, чувствами, действиями человека [10, 28—29]. Преодоление безличия массовой культуры возможно благодаря духовному творчеству личности и созидательному воплощению яркой индивидуальности в произведениях искусства. А также на пути обезличивающего действия массовой культуры оказываются этнические традиции, историческая память и духовные ценности многих поколений. Так, в русской философии сложилось представление о «многочеловеческой» и «многонародной» личности [15, 135, 376].

Феномен духовного творчества личности получил достаточно глубокое раскрытие в парадигме органической философии [11, 10—12]. Парадигма органической философии позволяет увидеть еще не до конца разрушенные массовой культурой целостные формы существования произведений искусства. Так, песенная форма языка музыки, поэзии, танца нашла свое воплощение в XX столетии в популярной эстрадной песне, которая стала одним из продуктов массового потребления. Органическая философия помогает разносторонне исследовать цельность песенной формы и противоположный ей механистический (отвлеченно-абстрактный) характер массовой культуры [6, 264]. С точки зрения органической философии феномен эстрадной песни, сочетающий в себе противоположные характеристики (органичность формы и механистичность массового тиражирования; творческую индивидуальность авторов, исполнителей и технику манипулирования в интересах третьих лиц), выступает как один из возможных путей преодоления безличия массовой культуры. Ярким примером здесь может быть творчество Аллы Борисовны Пугачевой, прошедшее сквозь неоднозначные политические эпохи в истории России, затрагивающее различные жанры и сферы искусства. Дело в том, что главной составляющей этого творчества была эстрадная песня, раскрывшая многогранный неповторимый талант актрисы, певицы, композитора, эстрадного режиссера Аллы Пугачевой.

**Отражение индивидуального творчества, этнической
и массовой культуры в эстетике песенной формы
эстрадной музыки**

Органичность эстрадной песни обусловлена песенной формой как таковой [16, 142—143]. Дело в том, что песенная форма выражается языком музыки, поэзии и танца, она лежит в основе многих жанров народного искусства различных времен. При этом эстетическая концепция песенной формы выражает глубинные свойства (априорное знание пространства и времени), присущие всему человечеству: органичное, естественное представление

красоты и закон симметрии в пространстве и во времени. Песенная форма предполагает также процессуальность — соединение прошлого, настоящего и будущего, так как без цельного восприятия времени невозможно индивидуальное и коллективное человеческое переживание, которое охватывает прошлое (память), настоящее (ощущение момента) и будущее (стремление, предвосхищение). С точки зрения органической философии именно песенная форма искусства, воплощенная в эстрадной песне, открывает в массовой культуре путь к различным жанрам и сферам художественного творчества. И ее полноценное выражение в произведениях искусства определяет их актуальность и долговечность [8, 107— 110].

Песенная форма воплощает общеродовые и этнические особенности культуры, а также индивидуальное творчество авторов и исполнителей. Но в то же время исполнительские традиции эстрадного искусства приобрели особенности, которые при необходимости позволяют компенсировать недостаток духовного содержания (идею, глубину творческого переживания) за счет яркости и техники подачи. Так, чтобы эстрадный номер стал единым целым, необходимо согласовать различные детали: пение, коллективную хореографию, экстравагантность костюма, «свободные» общение с залом, богатую пантомимику и спецэффекты на сцене [14, 123—124]. Признание публики, как правило, получают целостные эстрадные постановки с запоминающимися художественными образами, с положительным эмоциональным настроением. И творчество Аллы Пугачевой несет в себе идеал жизнеутверждения, любви, свободы от равнодушия и притворства. Эстрадные песни Аллы Пугачевой — это воплощение яркой индивидуальности исполнителя, раскрепощение (выход за рамки своего времени и пространства, создание новых форм и жанров), обретение в творчестве собственного лица. Примером здесь может быть песня «Арлекино» (не похожая ни на кого из советских эстрадных певцов манера исполнения и творческое переживание метафизической (всеобщей) судьбы артиста как таковой — раскрытие смысла песни) [12].

В парадигме органической философии песенная форма выступает как самая естественная организация искусства, раскрывающая духовные потребности человека и общества. Так, в песенной форме согласуется индивидуальный и общий (соборный) ритм жизни. Ритм — нерасчлененность гармонии музыкального песенного и стихотворного произведения, отражающая «жизненное поле» личности, и этническое поле. Как известно, поле — это продолжение предмета за видимые его пределы. С точки зрения Л.Н. Гумилева, биополе — «те колебания, которые окружают каждого из нас». И, если люди настроены в одном ритме, то «человек чувствует себя среди своих» [4, 413—414]. Представление об индивидуальном и этническом поле как слаженном колебательном движении с единой гармонией позволяет объяснить и многообразие национальных культур, и преемственность (созвучность предшествующим поколениям), и устойчивость духовных явлений во времени. Для эстрадной песни подобное выражается в ее созвучности общему настроению, стремлениям и надеждам людей. Но песня может создаваться и по заказу политиков, бизнесменов с целью манипуляции, рекламы. Сама песня способна формировать искусственные настроения [10, 29]. Поэтому кратковременность современного эстрадного «творчества» обусловлена сиюминутным заказом ради достижения определенных коммерческих и политических результатов. Такая деятельность в культуре разрушает естественный ритм и поле индивидуального и этнического развития. Как следствие появляются эклектика, диссонансы, рассогласованность в индивидуальной и общественной жизни.

**Творчество А.Б. Пугачевой:
реализация индивидуальности артиста и зрителя**

Песня, как зеркало, отражает духовное состояние общества: надежду, ненависть, страх, боль, любовь и веру. Примером здесь может быть феномен советской песни, обладающей широким кругом культурного бытования: кинофильмы, газетная лексика, анекдоты, формы бытового общения и т. д. [17, 23—29]. При этом эст-

рада — наиболее портативный и массовый жанр, благодаря песенной форме не потерявший гибкость и позволяющий ввести в современность многие другие направления искусства. Так, песенная форма связывает эстраду и кинематограф через появление саундтрека — песни, выражающей ключевую линию настроения (переживания) и смысл фильма. В творчестве Аллы Пугачевой особенно значимым оказался саундтрек к фильму Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!», записанный в 1975 г. и не потерявший своей актуальности до настоящего времени. Такой путь развития эстрадной песни позволяет говорить не только о классике кино, но и о эстрадных вокальных произведениях. Несмотря на это, преобладание ценностей массовой культуры (обезличивающего эгоизма, культ потребления, нигилизма и пессимизма) способно разрушить и песенную форму через эклектичность и технологичность. Но, сохраняя существо естественной формы (возможность индивидуального и коллективного исполнения в различных условиях времени и пространства), эстрадная песня способствует реализации индивидуальных духовных потребностей [7, 14—15]. Возможно, поэтому эстрада обладает компенсаторной функцией и способна восстанавливать гармонию в сфере духа [1, 10].

Исполнитель, создающий свой эстрадно-вокальный номер как целостное произведение, не упускающий ни одной детали (от костюма до последнего движения мимики), реализует естественную пластичность и единство песенной формы. Пластичная целостность песенной формы выражает миметический характер искусства. Миметичность предполагает свободу перевоплощения, поэтому и костюм, и декорации в эстрадном искусстве не должны ограничивать творческое движение артиста (устанавливать рамки для переживания и стремления). Примером здесь может быть знаменитый «балахон» — эстрадный костюм Аллы Пугачевой, который появился в 1978 г. в фильме Александра Орлова «Женщина, которая поет» и позднее стал «визитной карточкой» певицы. Так, «балахон» выступает как прообраз формы, открывающий свободу

в перевоплощении, и остается неотъемлемой частью образа певицы Аллы Пугачевой. Также и «короткое платье» — это не вызов публике или каким-либо моральным нормам, а все то же выражение свободы в создании целостного образа песни-спектакля.

Этнические особенности культуры также находят свое отражение в песенной форме, так как каждому этапу исторического развития народа характерен свой ритм и напряженность этнического поля. Этническое поле подобно известным электромагнитным, гравитационным и другим полям, но оно существует и как физическое явление, и как определенное эмоциональное напряжение, проявляющееся в реакциях отдельных людей и в коллективной психологии, воздействующей на индивида [2, 179—180; 5, 307—316]. Так, произведения искусства рождаются благодаря жизненной энергии человека и его разуму. Они могут совпадать с общим ритмом и органично вписываясь в эпоху, или же будут создавать диссонанс. Если ритмы попадают в унисон или строятся в новую гармонию, то возникает положительная комплиментарность (симпатия) между деятелем искусства и обществом, между народами-творцами различных культур. В противном же случае появятся антипатия, отторжение [3, 71]. Так, согласно Л.Н. Гумилеву, в «каждом оригинальном и прекрасном творении искусства, философии или литературы содержится комбинация из трех элементов: ремесленной работы, мысли и пассионарности художника» [5, 471]. «Пассионарность духа» в искусстве может проявляться как импульс, вдохновляющий множество людей и разные поколения, передающий творческое, созидательное, жизнеутверждающее стремление к высшим ценностям (красоте, истине, справедливости) [6, 265—266]. Такая пассионарность в искусстве делает ее носителя популярным в разное время, востребованным несколькими поколениями. И примером здесь может быть творчество Аллы Пугачевой, оказавшее влияние на формирование вкусов и ценностей нескольких поколений зрителей и деятелей различных сфер искусства. При этом особенностью эстрадной песни является открытая манера подачи звука, что сближает эстрадное

пение с народным [14, 125]. Возможно, поэтому некоторые исследователи говорят об этническом характере эстрадной песни, например, о «татарской национальной эстраде» [13]. Таким образом, песенная форма преодолевает безличный характер массовой культуры, возвращает к индивидуальному творчеству и этническим традициям.

Благодаря цикличности ритма музыки, поэзии, танца в эстрадной песне возможно приобщение — вхождение в круг традиций, переживаний общества, живущего в определенном пространстве и времени [9, 98]. И эстрадный певец способен переживать на сцене не только собственные драмы, но и трагедии эпохи, преобразуя (концентрируя и преодолевая) те чувства, эмоции, которые свойственны людям вокруг. Так, Алла Пугачева исполняла песни о мире и дружбе в разгар «холодной войны», а в 1985 г. совместно с немецким рок-музыкантом Удо Линденбергом записала билингвальный альбом «Песни вместо писем» для налаживания дипломатических отношений между Западным и Восточным Берлином. Можно вспомнить ее поездку в Чернобыль в 1986 г. и выступление перед рабочими-ликвидаторами последствий взрыва на атомной электростанции, когда эстрадная песня превращалась в своеобразное лекарство, помогающее пережить трагические события в судьбах отдельных людей и в истории целого народа. Именно песенная форма в эстрадном искусстве позволяет биться в унисон сердцу артиста и зрителя. И свобода заключается здесь в том, что каждый, оставаясь собой, становится сопричастным судьбам других («соборность» переживания). В сравнительном самопознании происходит становление личности. При этом индивидуальность зрителя и артиста реализуется здесь в не навязанном извне сопереживании, симпатии.

По своей природе песня коллективна, соборна. Она может находить новое прочтение, но в ней остается отголосок эпохи, и предстает перед нами не столько мир объектов, сколько отношений — согласованности, сопричастности. Хоровое пение здесь может быть отдельным примером. А развитие собственного во-

кального мастерства параллельно с техникой дирижирования хором способствует формированию у певца особого умения согласовывать различные ритмы действия (изменение освещения, декораций, хореографическое сопровождение и т. д.) в едином эстрадном номере. Поэтому окончание именно дирижерско-хорового отделения музыкального училища имени М.М. Ипполитова-Иванова для Аллы Пугачевой оказалось важным в плане развития способности восприятия «соборного» характера песенной формы, умения находить соприкосновение ритмов различных действий и создания гармонически целостных эстрадных номеров.

Соборность («обобщенная человечность») в творчестве Аллы Пугачевой выразилась в стремлении «быть как все», быть человеком из толпы. О чем говорит песня «Так же, как все» (стихи Л.П. Дербенева, музыка А.С. Зацепина). И человек этот из толпы, из народа, не безликий, усредненный или аморфный, а живой, обладающий своей индивидуальностью и неповторимой судьбой. Быть как все и быть самим собой — именно эту идею несет творчество Аллы Пугачевой. Эстрадные песни в исполнении Аллы Пугачевой также являются примером согласования индивидуального начала со всеобщим, метафизическим — это песни, посвященные судьбе артиста (концертная программа «Монологи певицы» 1980—1981 гг., песни: «Арлекино», «Маэстро», «Примадонна», сам образ «женщины, которая поет»).

Заключение

Алла Пугачева создает своеобразный образ эстрадной певицы, сценическая жизнь которой отражает (выносит на суд зрителя) важнейшие события ее реальной личной биографии. И зритель верит, не отделяет публичное в жизни актрисы от личного, сокровенного. В создании такого образа также проявляются смелость и свобода человека, которому нечего скрывать, душа которого распахнута миру, в этом проявляется и беспредельное доверие артиста своему зрителю. Но цена такого доверия может быть высока. Дело в том, что одна из особенностей массовой культуры

— обесценение личных заслуг, создание идеала «равных способностей и возможностей». Массовая культура скрывает таланты за технологичностью форм и декораций. За счет этого она лишает современного «цивилизованного» человека духовной свободы: свободы выбора между добром и злом (неопределенность нравственных ценностей), возможности быть самим собой в творчестве, навязывает иллюзию примитивности духовных потребностей. И выдающимся деятелям искусства приходится противостоять не только зависти, лжи, появляющимся время от времени в общественном мнении, но и обезличенному идеалу «массовых ценностей», нигилизма и равнодушия.

Творчество Аллы Пугачевой способствует новому переосмыслению песни как формы художественной деятельности, реализующей духовные потребности личности. Так, в 1989 г. ею был создан «Театр песни». Ранее певица получила признание не только в СССР, но и за рубежом (в 1981 г. она посетила с гастролями ряд стран Восточной и Западной Европы: ГДР, Братиславу, Венгрию, Францию, Италию; в 1985 г. провела несколько совместных концертов со скандинавскими группами: шведской «Herreys», норвежской «Bobbysocks!»), с американским певцом Дином Ридом и немецким рок-музыкантом Удо Линденбергом; в октябре 1988 г. выступила на сцене нью-йоркского Карнеги-холла). Песня «Миллион алых роз» настолько стала популярной в Японии 1980-х гг., что после того, как эту композицию перепела Токико Като, многие жители страны восходящего солнца считают эту песню изначально японской.

С точки зрения органической философии культура — живой организм, метафизическое и природно-географическое явление, а песенная форма — способ воплощения духовного творчества в различных видах и произведениях искусства. Песенная форма свойственна всем этническим культурам, поэтому можно говорить о ее общеродовом для всего человечества свойстве. И парадигма органической философии позволяет рассматривать эстрадную песню как возможность преодоления безличного характера массовой культуры, так как функциональная цельность

гармонии песенной формы языка музыки, поэзии, танца помогает человеку сопереживать современным и давно ушедшим судьбам и эпохам. Так, музыкальные, поэтические, танцевальные произведения получают свое развитие в творческом прочтении у новых поколений. Индивидуальное прочтение, рождающее не только соучастие, но и творческий импульс, способствующий созданию новых произведений искусства, свидетельствует о способности развития гармонии как органического целого. При этом песенная форма приоткрывает и загадку творческой спонтанности (цельность, сочетающую всечеловеческую природу с индивидуальностью автора), открывает свободу и полноту переживания творцу и зрителю.

Литература

1. Григорьев В.Ю. Исполнитель и эстрада. М.: Классика-XXI, 2006. 151 с.
2. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 278 с.
3. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М.: Рольф, 2001. 384 с.
4. Гумилев Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2008. 608 с.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 560 с.
6. Коптелова Т.И. Классическая музыка в парадигме органической философии: детерминация будущего // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. 2016. № 3. С. 259—269.
7. Коптелова Т.И. Музыка как отражение жизни: органическая методология изучения музыкального искусства // Вестник кафедры ЮНЕСКО Музыкальное искусство и образование. 2016. № 3 (15). С. 13 — 20.
8. Коптелова Т.И. Музыкальная эстетика XXI века в парадигме органической философии // Философская мысль. 2017. № 9. С. 101 — 114.

9. *Коптелова Т.И.* Театрально-эстрадное шоу в парадигме органической философии (на примере шоу «Игра» Николая Баскова) // Наука. Мысль. 2017. № 4. С.96 — 103.

10. *Коптелова Т.И.* Технология создания кумира (медиахаризма в парадигме органической философии) // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 27— 34.

11. *Коптелова Т.И.* Холизм и органическая философия в современной музыкологии: поиск новой актуальной методологии // Музыкальное искусство и образование. 2019. Т. 7. № 1. С. 9 — 24.

12. Легенда и правда об Арлекино. Интервью А. Пугачевой // Клуб и художественная самодеятельность. 1976. № 9.

13. *Муратов М.М.* Эстрада как феномен массовой культуры. Автореф. ... канд. филос. н. Казань, 2005. 24 с.

14. *Стулова Г.П.* Сущностные характеристики эстрадного вокального искусства и задачи учебного процесса // Вестник кафедры ЮНЕСКО Музыкальное искусство и образование. 2013. № 2. С. 123—127.

15. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 560 с.

16. *Холопов Ю.Н.* Новые парадигмы музыкальной эстетики XX века // Эстетика на переломе культурных традиций. М.: ИФ РАН, 2002. С. 132— 147.

17. *Чередниченко Т.В.* Типология советской массовой культуры: между «Брежневым» и «Пугачевой». М.: РИК «Культура», 1994. 256 с.

References

1. *Grigor'ev V.YU.* Ispolnitel' i estrada. М.: Klassika-XXI, 2006. 151 s.

2. *Gumilev L.N.* Geografiya etnosa v istoricheskij period. L.: Nauka, 1990. 278 s.

3. *Gumilev L.N.* Konec i vnov' nachalo: Populyarnye lekcii po narodovedeniyu. М.: Rol'f, 2001. 384 s.

4. *Gumilev L.N.* Struna istorii. Lekcii po etnologii. М.: Ajrispress, 2008. 608 s.

5. *Gumilev L.N.* Etnogenez i biosfera Zemli. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2001. 560 s.

6. *Koptelova T.I.* Klassicheskaya muzyka v paradigme organicheskoy filosofii: determinaciya budushchego // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2016. № 3. S. 259—269.

7. *Koptelova T.I.* Muzyka kak otrazhenie zhizni: organicheskaya metodologiya izucheniya muzykal'nogo iskusstva // Vestnik kafedry YUNESKO Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie. 2016. № 3 (15). S. 13 — 20.

8. *Koptelova T.I.* Muzykal'naya estetika XXI veka v paradigme organicheskoy filosofii // Filosofskaya mysl'. 2017. № 9. S. 101 — 114.

9. *Koptelova T.I.* Teatral'no-estravnoe shou v paradigme organicheskoy filosofii (na primere shou «Igra» Nikolaya Baskova) // Nauka. Mysl'. 2017. № 4. S.96 — 103.

10. *Koptelova T.I.* Tekhnologiya sozdaniya kumira (mediaharizma v paradigme organicheskoy filosofii) // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 1. S. 27— 34.

11. *Koptelova T.I.* Holizm i organicheskaya filosofiya v sovremennoj muzykologii: poisk novoj aktual'noj metodologii // Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie. 2019. T. 7. № 1. S. 9 — 24.

12. Legenda i pravda ob Arlekino. Interv'yu A. Pugachevoj // Klub i hudozhestvennaya samodeyatel'nost'. 1976. № 9.

13. *Muratov M.M.* Estrada kak fenomen massovoj kul'tury. Avtoref. ... kand. filos. n. Kazan', 2005. 24 s.

14. *Stulova G.P.* Sushchnostnye harakteristiki estravnogo vokalnogo iskusstva i zadachi uchebnogo processa // Vestnik kafedry YUNESKO Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie. 2013. № 2. S. 123—127.

15. *Trubeckoj N.S.* Nasledie CHingiskhana. M.: Agraf, 2000. 560 s.

16. *Holopov YU.N.* Novye paradigmy muzykal'noj estetiki XX veka // Estetika na perelome kul'turnyh tradicij. M.: IF RAN, 2002. S. 132— 147.

17. *CHerednichenko T.V.* Tipologiya sovetskoj massovoj kul'tury: mezhdru «Brezhnevym» i «Pugachevoj». M.: RIK «Kul'tura», 1994. 256 s.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Уход А.Ю. Архипова

В итоге 2020 г. ушел из жизни в связи с коронавирусной пандемией д.э.н., профессор, первый вице-президент Академии философии хозяйства *Алексей Юрьевич Архипов*, выдающийся человек, ученый, преподаватель, организатор науки и высшего образования. Потеря невосполнимая! Много и с пользой трудившийся коллега, добрый друг и надежный товарищ. Светлый, улыбчивый, бесконфликтный и бескорыстный! Он ушел вослед другому нашему замечательному коллеге, товарищу и другу В.Т. Рязанову, памяти которого наше ученое сообщество и сам Алексей Юрьевич посветили свою коллективную монографию «Коронованная пандемия и зачарованный мир», изданием которой и занимался как раз Алексей Юрьевич, один из ее главных редакторов. Случай ли здесь, стечение необузданных обстоятельств или же какая-то своевольная мистика, но так вот все и произошло: Алексей Юрьевич издал книгу, увидел ее, подержал в руках, — и вот эта книга становится памятником не только В.Т. Рязанову, но и ему — А.Ю. Архипову самому! Горько, странно, вопросно! И такое, оказывается, бывает: уходят вдруг лучшие, полные сил, опорные, уходят *наши*, оставаясь в нашей памяти, в наших сердцах, с нами!

Кончина В.И. Корнякова

В 2020 г. ушел из жизни замечательный человек, выдающийся ученый и профессор, д.э.н. *Василий Иванович Корняков*, о котором можно было сказать (и говорили!) — настоящий профессор! Эрудированный, тонкий, стильный! Как забыть его воистину профессорский облик, его воистину профессорскую речь, его воистину профессорские манеры, ну и, конечно же, блестящие научные работы, как забыть и его искреннюю и безграничную любовь

к нашему ученому сообществу, нашему журналу, нашему общему делу. По происхождению москвич, он отбыл по распределению работать в Ярославль, там и остался навсегда, выйдя на позицию ведущего в городе ученого и профессора, немало прославившего и ученый Ярославль. Светлый, умный, изящный! При этом скромный, негромкий, деликатный, в общем — настоящий профессор! Вечная ему память!

* * *

30 сентября 2020 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась всероссийская научная конференция (Орленковские чтения — 2020) «Что за времена, что за мир, что за человек?», организованная Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ (в режиме видеоконференции), на которой выступили доктора наук Ю.М. Осипов (ведущий), Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), С.С. Мишуров (Иваново), В.П. Океанский (Шуя), С.П. Рамазанов (Волжский), Л.И. Ростовцева (Тула), С.С. Слепачков (Пятигорск), В.В. Смагина (Тамбов), Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина, кандидаты наук А.В. Андреева, О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), П.Р. Павлов (Ростов н/Д), Е.А. Починкова (Новороссийск), В.И. Романченко (Новороссийск), И.П. Смирнов, В.В. Чапля (Краснодар), Е.В. Шелкопляс, научный сотрудник Т.С. Сухина, ведущий инженер Т.Г. Трубицына.

Е.С. ЗОТОВА

**Что за времена, что за мир, что за человек?
(Орленковские чтения — 2020)***

Аннотация. Представлен обзор состоявшейся 30 сентября 2020 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова онлайн-дискуссии «Что за времена, что за мир, что за человек?» в рамках Орленковских чтений — 2020.

Ключевые слова: мир, новый человек, новые времена, новый мир, планетарная эпидемия, философия хозяйства.

Abstract. The article presents an overview of the online discussion on September 30, 2020 at Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University «What are the Times, What is the World, What Kind of a Human?» within the framework of Orlyonok readings — 2020.

Keywords: world, new human, new times, new world, planetary epidemic, philosophy of economy.

УДК 330
ББК 65в

Научный совет «Центр общественных наук» и лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, планируя проведение симпозиума на тему: «Что за времена, что за мир, что за человек?» в рамках Орленковских чтений — 2020, не предполагали, что в нынешних условиях пандемии дискуссию придется проводить онлайн — в видеоформате, что как нельзя лучше демонстрирует наступление «новых времен».

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Что за времена, что за мир, что за человек? (Орленковские чтения — 2020) // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 279—291.

Во вступительном слове д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) сказал: «Итак: времена, мир, человек! Ясно, что вокруг какие-то новые времена, новый мир, новый человек, пусть и не поглотившие все, так сказать, старое, еще и насовсем не отжившее, но уверенно, как это и принято в бытии-истории, это старое вытесняющее. Тут ничего не поделать!

Однако задевает то, что все это новое настолько ново, что не схватывается, не описывается и не понимается не то что в прежнем классическом, но даже и в новейшем постмодерновском ключе: к этому новому (ультрановому) нет никакого удобоваримого словесно-понятийного ключа, да он, кажется, и не нужен.

Времена без... времени, которое либо пандемически остановилось, либо шизофренически настолько ускорилось, что оно — время — попросту не замечается: это уже не бытийно-историческое безвременье, о котором всегда толкуют в моменты всяких неурядиц, потрясений, катастроф, а, повторим, время... без времени! Трудно в это сходу поверить, но это так!

Если еще вчера можно было говорить о мире-перемене (не с переменами, а именно о мире-перемене), то сегодня уже и такая формула не подходит, ибо перед нами не просто мир-перемена, а самый настоящий хаос, причем не просто с присутствием в мире антимира, а с его — антимира — чуть ли не доминированием. Куда ни глянь ныне, везде увидишь его — это “анти”! А что значит “анти”? Всего лишь... нежизнь, конечно же, в среде вроде бы жизни. Не смерть, что понятно, а именно нежизнь (как раз, видно, та самая Соломонова “суета сует”).

Человек! Что значит человек сегодня? Хомо, гуманоид, гуманист, а может, попросту — зверь, животное, насекомое, киборг, человек, погрешка? Во всяком случае, уже не человек Модерна как человек, даже не человек Постмодерна как новый человек, а попросту некое человекообразное трансgressирующее в постчеловека. Социум уже никакой и не социум, даже не аналог пчелиного улья или того же термитника, а скорее всего что-то уже по-

хожее на ноющий комариный рой, хотя тут, конечно, несомненное преувеличение, но ведь что-то этакое уже есть, исполняется и всю наступает!

Реальность, если это еще реальность, а не всего лишь мнимая ирреальность, отказывает образованному человеку не просто в себя понимании, а даже и в понятательном себя восприятии. Онтос восстал против гнозиса! Язык, знаете ли, немеет!».

«Хоть и немеет язык, а говорить надо, в особенности людям знающим, думающим и свободным в своих мыслях, даже и в онлайне. Попробуем это сделать, уважаемые коллеги!» — призвал Ю.М. Осипов.

Свое выступление д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Южно-Российский институт управления (филиал) РАНХиГС при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону) обозначил так: «Времена перемен; мир изменяющейся субординации факторов производства и человека сомневающегося». Перемены вызваны перемещением доминантных свойств от фактора производства «предпринимательство» на основе новых и информационных технологий, вновь к труду — но роботизированному — и человеку — переходному от состояния, когда он был его источником, к состоянию поглотителя растиражировано-накопленной овеществленной субстанции труда в виде современных средств: сбора, хранения, обработки и передачи информации.

Говоря о неразрывной взаимосвязи современного времени, мира и человека, к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) обозначил содержание этой взаимосвязи как производную от завершившейся по своему закономерному тупиковому исчерпанию четырехсотлетней эпохи локомотивной роли товарно-денежных отношений, трансформировавшихся в капитализм. Охарактеризовав современную итоговую версию этой взаимосвязи как деструктивно-иррациональную неопределенность, выступающий в формате общего и особенного сфокусировал внимание участников дискуссии на том обстоятельстве, что в силу того, что

Россия 30 лет назад первой в мире свалилась в состояние современной мирохозяйственной неопределенности, сохраняя одновременно, несмотря на потери, свой уникальной факторной интегральный потенциал развития, по логике явлений, должна первой из этого состояния-тупика и выходить на тропу дальнейшей эволюции.

Однако очевидно, что разворачиванию данного сюжета явно мешает отсутствие осознания тотальности и всеобщности обретенного тупика как в мире, так и у нас! Причем синхронно — и в общественном, и в государственном, и в человеческом измерении. Понятно, что потребна стремительная и объемная, теперь уже жесткая, мобилизация. Но мобилизация нового типа — априори разрешающая следующие гранд-противоречия.

Во-первых, противоречие между реальностью и тем, как мы понимаем и трактуем то, что происходит по отношению к реальности и ее эволюции. Во-вторых, противоречие между научно-техническим прогрессом и регенерацией общества и социума: что первично и что производно и как они взаимосвязаны вообще и, особенно, сегодня. Именно от этого зависят кристаллизация мотивационной среды эффекта-рацио и перспективность адекватности системы управления. И, в-третьих, зияющее противоречие между обществом и регенерацией текущей системы управления (и ее перспективами), от понимания и реконструкции которой полностью зависят и элитогенез, и качество власти, и в целом судьба общества!

Необходимо в конце концов нам всем остро осознать, заметил профессор Кашицын, что это проблема априори гуманитарная и только как следствие научно-техническая!

«Что за времена ныне? — задался вопросом д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ). — Последние времена — самые, самые тяжелые, ибо живые будут завидовать даже мертвым. Время сегодня исчезает, ибо оно сотворено не Богом, а дьяволом совместно со смертью; не мог Бог создать время с его абсурдным законом — возникать, чтобы погибать.

История и время сегодня продолжают существовать без времени и без истории, являясь игрушками неопределимой неопределенности. Время сегодня заменяют симулякры времени.

Что за мир сегодня вытворяет с человеком неведомые эксперименты, трансгрессивные мутации? Это уже не постмодерновый Хаосмос, а полигибридный монстр, сочетающий в себе природные, искусственные, абстрактные, технические, виртуально-информационные, искусственные, неантропологические, инфернальные, магические и антижизненные, русофобские измерения и свойства.

Современный мир разрушил свой охранительный, идеальный, временной, смысловой, антропологический, пространственный, когнитивный и социокультурный контекст, распавшись на взаимовраждебные части. Поэтому язык отказал этому миру в словесном обслуживании. Оставил язык лишь одно трехзначное слово — *что*, которое ставит печать непонимания на все виды его реальности, да и на саму реальность.

Что за человек сегодня вертится вокруг себя, пытаясь найти и поймать смысловой хвост своего уробороса? Большинство людей остаются людьми лишь по названию, теряя в ускоренном режиме свою человечность, неосознанно восполняя ее техноантичеловечностью «смертофонов». А технологическая преисподняя возвращает сверхчеловека, от прихода которого Ницше спас дурдом...

Современный мир ищет новый контекст для продления своего бытия, но не находит и не может найти, ибо этот контекст в полном смысловом вооружении уже выявила и оформила мудрость земли русской. Этот контекст называется софиасофией, владеющей и своим идейно-идеолого-практическим органом — философией хозяйства», — подчеркнул профессор Шулевский.

Проблемы текущего времени и человека наших дней столь многочисленны, динамичны и сложны, что могут быть кратко охарактеризованы как проявления начальной фазы «сингулярного перехода» культур, отметил к.м.н., директор Института развития,

изучения здоровья и адаптации человека **Е.В. Шелкопляс** (г. Иваново). В такое время в рациональном анализе не подводят лишь всеобщие и общие законы мироздания, которые определяют свойства цикличности этапов бытия, что позволяет прогнозировать возврат общества (на время) к доминированию идей социальной справедливости и солидарности. Сегодня в мире наиболее успешны Китай и другие социалистические страны, идеология которых основывается на этих принципах. Остальной мир пребывает в глубоком кризисе и тяжелых экономико-политических и военных конфликтах. Президент РФ и патриарх РПЦ публично отреклись от либеральной идеологии. Новая идеология России не объявлена, но тенденции к сворачиванию влияния Запада на Россию очевидны.

Развитие человечества, наряду с фактором цикличности, дающим возможность прогнозирования повторяющихся тенденций, испытывает влияние вектора «замысел» (что превращает циклы развития в фазы спирали). Этот фактор в большей степени воспринимается не логическим, а интуитивно-мистическим путем. Сегодня наибольшую опасность для будущего человека представляет искусственный интеллект. В среднесрочном плане, наряду с включением идеи социальной справедливости в новую идеологию России, необходимо срочно воссоздавать «горизонталь власти» — систему органов территориального общественного самоуправления (новых Советов) с Палатой общин в Совете Федерации. Они должны избирать власть всех уровней на основе официально оформленного «социального контракта». Это обеспечит инициативность и ответственность населения в социальных действиях, отметил Е.В. Шелкопляс.

Беспрецедентное сближение драматичных событий планетарной эпидемии с празднованием юбилея Великой Победы в крупнейшей мировой войне, подчеркнул д.ф.н., профессор **В.П. Океанский** (Шуйский филиал Ивановского государственного университета), побуждает к определенному герменевтическому комментарию, при котором всемирная история предстает

как углубляющаяся во времени катастрофа и декосмизация мира, апокалиптическое обнуление времени и обнажение бездны. Очевидно, мы имеем дело с метафизикой коронованного хаоса. Ж. Лакан, однажды заметивший, что заблуждается не только нищий, считающий, что он король, но и король, который полагает, что он король, хорошо выразил сущность современного мира, в котором оказался коронован вирус. Борьба с воцарившимся вирусом, тщетные попытки его декоронации, интенсивные поиски противостояния ему: от радикальной самоизоляции — до предельной информационной возбужденности, показывают определенное состояние мирового сообщества, диагностируют уровень его инертности или, напротив, мобильности, но более всего напоминают начало генеральных планетарных репетиций того финалистического процесса, который в традиционных культурах и религиозном сознании народов земли трактуется как «приход антихриста». Перед нами — символизм царя и самозванца, гибридно слитых в одном могущественном лице, уровень духовного развития которого не будет превышать порога микробов. Впрочем, В.С. Соловьев пытался представить его как великого филантропа, а В.В. Бибахин называл его «катализатором исхода, возвращающим миру размах». А потому нельзя исключать, что именно его имя окажется победившим брендом найденной вакцины против реального вируса. Так это или нет, однако в происходящих событиях, или, лучше сказать, в сценарии всемирной горячки, вполне узнаваемы символические контуры ее грядущего катализатора, обстоятельно описанного в книге «Человек против Бога» православного подвижника, иеромонаха Серафима Роуза, немало изучавшего, кроме патристического наследия, труды Ф. Ницше и Р. Генона, посвященные антропологическим трансформациям в перспективе эсхатологии, оказавшейся в центре внимания и у позднего о. Сергия Булгакова, подытожил профессор Океанский.

В своем выступлении к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт») заметил, что мир сегодня переживает драму выхода на пределы своего развития на базе технологий середины

XX в., сложившихся в результате революционных научных открытий второй половины XIX в. На качественном уровне это положение схоже с периодом застоя в СССР, за которым последовали афганская война, перестройка и через 20 лет распад СССР.

Воспользовавшись известной аналогией Ключевского о подобии поведения исторических тел и биологических, преломленной через физическую гипотезу очень больших систем, сегодня мы можем детализировать эту картину. В частности, определить, что от нынешней пандемии до глобального военно-политического кризиса пройдет уже не 20, а 35 лет. Подробнее о «грозящем» нам будущем, которое частично уже подтвердилось, выступающий написал в январе 1999 г. в «Независимой газете» статью «Глобальный кризис. Российский сценарий». А поскольку реализация «российского сценария» показала выживаемость человека даже в невероятно драматичных условиях нашей страны, есть надежда, что глобальную драму переживет и мир, заключил О.В. Добро-чеев.

«Россия на пути к обретению и защите общественного интереса» — таков пафос выступления д.э.н., профессора **С.С. Слепакова** (Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск).

Для современной России характерна конфронтация олигархических интересов власти и бизнеса с интересами общества на почве утраты доверия общества к государственным и социальным институтам. Безысходная, затянувшаяся стагнация российской экономики выражает системное отчуждение стратегического, общественного, национально-государственного интереса. Системная защита стратегических, общественных интересов служит определяющим условием выхода России из кризиса и обеспечения в обществе гражданского мира. Экономическое поведение российского социума (коммуникативная разобщенность и диссонансы в системе социальных интересов) выражает его ответ на явно ухудшающиеся и крайне непопулярные реформы. В сложив-

шихся условиях определяющим национальным проектом и доминирующей стратегической целью России следует считать становление страны как территории безопасности, рационального и эффективного хозяйствования, благоустроенного, благополучного и комфортного проживания, отметил профессор Слепаков.

Д.соц.н., профессор **Л.И. Ростовцева** (Тульский филиал РЭА имени Г.В. Плеханова) в своем выступлении остановилась на двух вопросах: что происходит и что делать? Являются ли наличествующие события объективным процессом или имеют субъективные причины? Матушка-природа устала от своеволия и владычества человека, возмнившего себя властелином мира, или это результат человеческой воли, начавшей таким образом передел мира? А может, демиург призывает одуматься? Ведь человечество в тупике, налицо признаки абсурда и безумия — однополые семьи на Западе, браки японских мужчин с куклами, формирование искусственных, ложных потребностей, пропаганда удовольствия и комфорта. Цифровизация несет плюсы и минусы, угрозу существованию человека. Можно ли противодействовать расчеловечиванию человека? Вывод Ростовцевой: можно — сменив вектор развития с гедонистического на аскетический. Эту позицию она обозначила в своей заявке «Формирование благоразумной потребительской культуры молодежи в цифровой экономике» на конкурс, проведенный Агентством стратегических инициатив, «Сильные идеи для нового мира». Тем самым в дискуссии о роли государства в противодействии угрозам цифровизации профессор Ростовцева высказала убежденность в озабоченности руководства страны разработкой стратегии развития и осведомленности об идеях «снизу».

В выступлении к.э.н. **Е.А. Починковой** (г. Новороссийск) прозвучала мысль, что нынешнее время схлопнулось до «сейчас». В общественном сознании нет будущего, так как нет общественных целей, проектов, замыслов. Личный проект будущего является проекцией общественных планов, а их сейчас нет. Планиро-

вание теперь — это лишь синхронизация какого-то события с календарной датой. Прошлое перестало структурироваться важными событиями, перестало восприниматься как значимое и превратилось в общественном сознании в перемешанный набор фактов. Для понимания мира нужно взглянуть на него глазами общества. Мы увидим, что у каждого теперь собственная картина мира в пределах жизненного опыта и окружения из социальных сетей. Главный принцип мироощущения — отрицание. Отрицание достигло своей крайности и часто превращается в свою противоположность. Отсюда невероятные масштабы мошенничества с банковскими картами, чудодейственными лекарствами. Бездоказательность суждений стала нормой. Информационное поле выглядит столь абсурдно, что сатира стала невозможна. Если попытаться найти символ, характеризующий современного человека, то это подросток. Он наивный, ни во что не верящий, все отрицающий, но требующий внимания и заботы. Его главная форма самовыражения — протест. Есть надежда, что подросток повзрослеет и станет активной, зрелой личностью, заметила Е.А. Починкова.

Д.э.н. **Т.Н. Юдина** (экономический факультет МГУ) попыталась рассмотреть человека с точки зрения теологии, философии хозяйства, инфернологии. В условиях цифровизации экономики и общества, так называемой цифровой экономики как экономики больших данных, полученных на основе цифровых технологий, начался заключительный этап реформатирования человека, трансформации *homo sapiens* в неоантропа, киборга как машинно-человеческого гибрида — биоробота. Этот процесс технологически и идеологически (посредством теории трансгуманизма) подготовлен. К тому же сам человек не хочет быть человеком, даже не зная и не желая знать, кто он такой.

Действительно, целостного представления о человеке ни светская наука, ни философия не предоставили до сих пор. Многие люди не знают и даже не интересуются правдой о происхождении человека (то ли он — творение Бога, то ли он произошел от

обезьяны, по Дарвину); его природе. Взгляд на человека теологии вкуче с философией хозяйства, учением о домостроительстве спасения, концептами П.А. Флоренского о человеке как микрокосме и органопроекции разрешает проблему целостного, истинного учения о человеке. Так, согласно теологии, человек — творение Божие; дух, душа и тело; «царь твари». Человек в контексте философии хозяйства — словек, микрокосм. Человек сквозь призму инфернологии — цифро-человек, цифровой профиль, киборг, «мусор». Из человека возможно сделать и робота, а за отказ человека от своего природного статуса человека, заметила Т.Н. Юдина, он будет наказываться.

В своем выступлении «Неопределенные времена, бесконтактный мир и цифровой человек» к.э.н., доцент **А.В. Андреева** (Центр реализации целевых программ Корпоративного университета РЖД) рассмотрела в контексте обозначенной темы каждую из призывающих к размышлению сущностей с точки зрения не только частоты и контекста поисковых запросов пользователей сети Интернет, но и с учетом системного подхода. Так, *времена*, безусловно, характеризуются той мерой неопределенности, когда роль политики в мире играет экономика: вызывая последствия, повышающие актуальность мобилизационных мер национальных экономик, о чем научная школа философии хозяйства писала десятилетие назад.

Мир современный, по мнению А.В. Андреевой, движется к бесконтактной экономике и обществу, транспорту по запросу, дронам как средствам мониторинга парков и общественных мест с возможностью бронирования места в этих городских пространствах, автоматизации процессов (исключающих участие человека), «уберизации» по запросу и роботизации нового порядка.

Человек же в этом эклектичном бесконтактном мире в эти неопределенные времена остается онлайн, один на один со сбывшимися мечтами о жизни в окружении цифровых сервисов и электронных помощников, где роскошь человеческого общения

только начинает осознаваться. Онлайн-образование станет массовым на всех уровнях и будет пользоваться особым спросом в беднейших странах мира, трансгуманизм сможет проявляться более существенно, а инструментами крупных компаний, владельцев бизнесов и управленцев для корректной ориентации в этих меняющихся переменных могут служить деревья текущей реальности и повышение осознанного отношения к риску, сделала вывод А.В. Андреева.

В своем сообщении «Правда и неопределенность современного мира» к.э.н., профессор **В.И. Романченко** (г. Новороссийск) указал, что Россия своим многовековым опытом доказала: ей доступны для решения задачи любой сложности. И если у нас долгое время «что-то» не делается, значит, этого просто не хотят. По его оценке, в российской социально-экономической системе при решении любых проблем, несмотря на важность состояния уровня развития производительных сил страны, главенствующая роль принадлежит *власти* и сложившемуся у нас уровню производственных отношений. И главное здесь — *доверие*. Доверие к власти.

Именно от власти зависят национальная идея и направление движения страны, энергия этого движения и доверие к его лидерам. А с этим у нас проблемы. Если следовать сентенции, что вся сила в Правде, то именно этой силы нам сейчас и не хватает. Кругом нас окружает Неправда — в статистике и иной информации, в политике и на выборах, в целях и в мотивах. Везде — в словах, в поступках и в намерениях. Эта Неправда повышает уровень неопределенности не только в экономике и политике, но и в обыденной жизни людей. Она существенно повышает коллективную неадекватность, повышает транзакционные издержки любых действий и делает невозможным любое планирование.

Пришествие коронавируса подтвердило, что нам без Правды (т. е. без реального всеобщего понимания вещей и процессов, идей и помыслов, управляющих людьми) не выжить в современном мире.

Техника, которую мы создали, и ее возможности превышают уже наш нынешний человеческий потенциал. Круговое отсутствие доверия делает сегодня бесполезным и даже бездумно-опасным многие современные технологии и новации. Без Правды современный мир становится опасным и непредсказуемым, сделал вывод профессор Романченко.

В заключение **Ю.М. Осипов** подвел итог: «Разговор наш состоялся. Так или иначе, но трудно отделаться от тревоги за судьбу активно себя переделывающего человека. Именно так: переделывающего! Человек взял на себя миссию творца, но уже не только своего мира, а и самого себя. И что важно: новый человек с явными чертами постчеловека уже не в сказочном голливудском кино, а в самой обыкновенной текущей реальности, во многом уже тоже “киношной”, то бишь искусственной, выдуманной, ирреальной.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть повнимательнее на вокруг происходящее и, всмотревшись, задаться вопросом: где здесь разум и не многовато ли вокруг свободно играющего безумия? Попробуйте, господа, что-либо объяснить из происходящего не то что с помощью экспертного разума, а хотя бы с позиции здравого смысла: ни то, ни другое не получится (яркий пример тому — дельце Навального, которое похлеще вандерлюббовского будет, не так ли?).

Подытоживая, хочу высказать следующую внезапно возникшую у меня мысль: не является ли происходящее вокруг с человеком, его миром и даже с самим временем исполнением мечты европейских, а вслед за ними и тех же российских, революционеров, которая исполняется по лукавой бытийно-исторической иронии не глобальным социализмом, а... глобальным технологизмом, — мечты, безусловно, апокалиптической, эсхатологической, высшей?

Последние времена, ускользающий мир, уходящее человечество!

Разве не так?».

* * *

10 октября 2020 г. в рамках XV Фестиваля науки МГУ имени М.В. Ломоносова к.и.н., ведущий инженер научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства И.П. Смирнов выступил с лекцией «Экономический гнозис сегодня: от физики к метафизике» (в режиме онлайн). В обсуждении приняли участие доктор наук Л.И. Ростовцева (Тула), Т.Н. Юдина, кандидаты наук А.В. Андреева, С.А. Ермишина, И.В. Кузнецова, Н.П. Недзвецкая, Е.А. Починкова (Новороссийск), С.Ю. Румянцева (СПб.), Г.В. Фадейчева, научный сотрудник Т.С. Сухина, ведущий инженер Т.Г. Трубицына.

АНОНСЫ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

«Иной мир как всю бытующая реальность (человек — хаос — постчеловек)»

Это только кажется, что иной — не наш, стало быть — мир где-то там, вне земли, вне человечества, стало быть, и вне нас, а он — такой-сякой — прямо... здесь, на земле, в человечестве, стало быть, и в нас, мало того — он всю действует и, кажется, делает свое дело похлеще мира этого, как бы и нашего, земного, да так такой-сякой делает, что впору заговорить о превращении человека зёмного в постчеловека незёмного, а мира человеческого в мир постчеловеческий, тоже неземный, иначе как тогда все это — ультрасовременное — понимать?

(МГУ, экономический факультет,
дата и время проведения будут объявлены дополнительно)

* * *

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2020

Секция лаборатории философии хозяйства

«Интригующая будущность: экономика с цифрой или цифра без экономики»

Пока вокруг не слишком еще интригующая и не очень-то задевающая воображение экономистов обыденная настоящность, когда экономика, полная до краев вездесущих экономических (стоимостных) цифр, весьма успешно (хоть и таинственно) ведущая свое сложное цифирное дело (деньги, цены, капиталы, инвестиции, кредиты, доходы и все подобное цифирно-экономическое). Но вот активно и безапелляционно наступает некая странная будущность, когда цифра хоть и продолжает обслуживать ненасытное экономическое чрево, но уже заявляет о себе — вполне и интригующе! — как о самой-себе-цифре, способной не только подчинить себе экономику, а и сделать из нее кое-что

другое — ту же цифронику, то бишь учредить на месте экономики свое собственное, уже цифирно-технотропное, искусственное чрево. Что — разве не так?

Октябрь 2020 г.

(МГУ, экономический факультет)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика»

Именно в переделье, а не просто в переменных, ибо перемены в России не только и не столько «самоходные», сколько — пусть и без единой, целостной и внятной программы — авторитарно, если не диктатно, переделочные, даже и не перестроечные, и уж тем более не перестроенческие. Что, зачем, в каких координатах и по каким векторам, с какими результатами? По всему бытийному — историческому — фронту, включая и его глубокие тылы.

Секции:

1. Россия как цивилизация и цивилизация как Россия: суть и ход перемен.
2. Техногенез как главный мотор тотального переделья.
3. Российская экономика: состояние, тенденции, превращения.

2—4 декабря 2020 г.

(МГУ, экономический факультет)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

АСТАШОВА НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА,

кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*nadya.astashova@mail.ru*).

БОБКОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат экономических наук, руководитель направления повышения экономической эффективности, АО «Нижегородский машзавод», Нижний Новгород, Россия (*btv-nmz@mail.ru*).

РЫШКУС ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, Gazprom EP International B.V., Санкт-Петербург, Россия (*ryshkus.v.v@mail.ru*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (Ярославский филиал), Ярославль, Россия (*vikorn1@rambler.ru*).

ВАХРУШЕВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, Ярославский государственный технический университет, Ярославль, Россия (*ashatan1985@mail.ru*).

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*markovius@gmail.com*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@sfnu.ru*).

ЕВГРАФОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра экономической теории и международных экономических отношений, Российская таможенная академия, Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия (*dia7@bk.ru*).

ЗАЙЦЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия (*zaytseva.el.v@yandex.ru*).

ТОЛКАЧЕВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, Москва, Россия (*dtr.paulo@mail.ru*).

АЛИЕВ УРАК ЖОЛМУРЗАЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, университет «Туран-Астана», Нур-Султан, Казахстан (*aliyevu@mail.ru*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*profvmt@mail.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор, департамент мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*kuznetsov0572@mail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра истории, методологии и философии науки, факультет социальных наук, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*kut.va@mail.ru*).

БУЛГАРОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ,

аспирант, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*bulgarov-333@mail.ru*).

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

доктор философских наук, доцент, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*rodzinskiy66@mail.ru*).

ГОРБАЧЁВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

старший преподаватель, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия (*sansanytch08@mail.ru*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*kovalev.prof@gmail.com*).

ДОБРОЧЕЕВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ,

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; советник, Институт исследований и экспертизы Внешэкономбанка, Москва, Россия (*olegдобро@list.ru*).

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия (*koptelova2210@rambler.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

ASTASHOVA NADEZHDA DMITRIEVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Teacher of the Philosophy Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia (*nadya.astashova@mail.ru*).

BOBKOVA TATYANA VLADIMIRIVNA,

Candidate of Economics, Head of Economic Efficiency Improvement, Nizhegorodsky Mashzavod, Nizhni Novgorod, Russia (*btv-nmz@mail.ru*).

RYSHKUS VLADISLAV VALERIEVICH,

Candidate of Economics, Gazprom EP International B.V., Saint-Petersburg, Russia (*ryshkus.v.v@mail.ru*).

KORNIakov VASILY IVANOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Yaroslavl branch of Leningrad State University, Yaroslavl, Russia (*vikorn1@rambler.ru*).

VAKHRUSHEVA NATALIA ANDREEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia (*ashatan1985@mail.ru*).

MARKOV ALEXANDER VIKTOROVICH,

Doctor of Philology, Professor, Chair of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*markovius@gmail.com*).

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of the Theory Culture, Ethic and Aesthetic, Institute of Philosophy and Social-Political Science, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfedu.ru*).

EVGRAPHOVA OLGA VLADIMIROVNA,

Candidate of Philosophical Science, Associate Professor, Department of the Economic Theory and International Economic Relations, Russian Customs Academy, Rostov (branch), Rostov-on-Don, Russia (*dia7@bk.ru*).

ZAYTSEVA ELENA VLADIMIROVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (*zaytseva.el.v@yandex.ru*).

TOLKATCHEV PAVEL SERGEEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Moscow, Russia
(*dtr.paulo@mail.ru*).

ALIYEV URAK ZHOLMURZAEVICH,

Doctor of Economics, Professor, University «Turan-Astana», Nur-Sultan, Kazakhstan
(*aliyevu@mail.ru*).

KULKOV VICTOR MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*profvmk@mail.ru*).

KUZNETSOV ALEKSEI VLADIMIROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher, Department of World Economy and World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*kuznetsov0572@mail.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Editor-in-Chief of «Dialectics», Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

KUTYRYOV VLADIMIR ALEKSANDROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History, Methodology and Philosophy of Science, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod — National Research University, Nizhni Novgorod, Russia
(*kut.va@mail.ru*).

BULGAROV ALEKSANDR ILIICH,

Graduate Student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*bulgarov-333@mail.ru*).

RODZINSKY DMITRY LEONIDIVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
(*rodzinskiy66@mail.ru*).

GORBACHEV ALEKSANDR YURJEVICH,

Senior Lecturer, Faculty of Philologies, Belarusian State University, Minsk, Belarus (*sansanytch08@mail.ru*).

KOVAIEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia (*kovalev.prof@gmail.com*).

DOBROCHEEV OLEG VIKTOROVICH,

Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, Russian Scientific Center «Kurchatov Institute»; Adviser to the Institute of Vnesheconombank, Moscow, Russia (*olegdobro@list.ru*).

KOPELOVA TATYANA IVANOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia (*koptelova2210@rambler.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Рисунки и схемы, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.